

Поль Лафаргъ.

Собственность

и

ея происхожденіе.

Перев. съ французскаго.

Библиотека
„Общественной Пользы“
Серія II. № 29.

Поль Лафаргъ.

Собственность

и

ея происхождение.

Перев. съ французскаго.

Библиотека
„Общественной Пользы“
Серія II. № 29.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Формы современной собственности.

I.

Классификація формъ собственности.

Собственность, по словамъ экономистовъ, есть общественное явленіе, свободное отъ вліянія законовъ эволюціи, которому подчиненъ какъ матерьяльный, такъ и интеллектуальный міръ. Эти присяжные защитники общественныхъ беззаконій, признавая за собственностью лишь одну единственную и постоянную форму—капиталь ¹⁾, утверждаютъ, что онъ—

---

¹⁾ Философы Декартовской школы совѣтовали начинать всякій споръ уясненіемъ точнаго значенія словъ, и терминовъ, употребляемыхъ въ спорѣ; итакъ прежде, чѣмъ идти далѣе, опредѣлимъ точный смыслъ слова капиталъ. Подъ словомъ капиталъ разумѣется всякая собственность, приносящая проценты, прибыль, ренту или доходъ. Капиталомъ можно назвать сумму денегъ, отдающую подъ проценты, какъ и всякое орудіе производства (земля, ткацкій стапокъ, металлургическій заводъ, судно и т. д.), употребляемые не собственникомъ но наемными рабочими. Но поле, обрабатываемое крестьяниномъ—собственникомъ съ помощью своей семьи, ружье браконьера, лодка рыбака, стругъ столяра, ланцетъ врача, перо писателя и пр., хотя и представляютъ собственность, не могутъ назваться капиталомъ или капиталистической собственностью

вѣченъ; чтобы убѣдить въ его безсмертіи они всячески стараются доказать что капиталъ существуетъ отъ сотворенія міра и торжественно рѣшаютъ, что не имѣя начала, онъ не можетъ имѣть и конца. Въ подтвержденіе этого удивительнаго вывода учебники политической экономіи повторяютъ какъ попугай исторію дикаря, передающаго свой лукъ товарищу, подъ условіемъ дѣлежа результатовъ охоты. Не удовлетворяясь этимъ доисторическимъ происхожденіемъ капиталистической собственности, экономисты отыскиваютъ ее виѣ человеческой породы; они открыли ее у безпозвоночныхъ, опираясь на то, что предусмотрительный муравей собираетъ запасы. Жаль, что они остановились на такой хорошей дорогѣ и не увидѣли дальше, что насѣкомое это, дѣлаетъ запасы лишь для того, чтобы продать ихъ и получить прибыль отъ торговаго оборота.

Есть, однако, пробѣлъ въ этой прискорбной теоріи вѣчности капитала; проповѣдники ея не доказали вѣчности самого слова „капиталъ“. На корабляхъ всякая веревка, за исключеніемъ привязанной къ колоколу, имѣетъ свое особое названіе; трудно допустить, чтобы въ экономической области человѣкъ не оказался настолько же богатымъ въ лингвистическомъ отношеніи и оставилъ безъ наименованія вещь настолько полезную, какъ капиталъ. Однако же достовѣрно извѣстно, что слово капиталъ въ спеціальномъ смыслѣ, придаваемомъ ему въ наши дни, появилось лишь съ XVIII-го столѣтія, точно

потому что ихъ обладатели пользуются ими какъ орудіемъ приложенія собственнаго, а не чужого труда. Слово капиталъ значитъ — собственность, утилизируемая наемникамъ, производящая товары и приносящая доходы собственнику. Идея полученія прибыли безъ труда такъ же неотъемлема отъ слова капиталъ, какъ платье, прическое по извѣстной легендѣ къ Геркулесу, отъ него.

также, какъ и слово филантропія, означающее одну изъ формъ лицемѣрія, свойственнаго капиталистическому строю, такъ какъ собственность, въ формѣ, именуемой капиталомъ, около этого времени начинаетъ принимать преобладающее значеніе въ обществѣ ¹⁾. Это доминирующее социальное значеніе капиталистической формы собственности надъ феодальной породило французскую революцію, которая будучи однимъ изъ главныхъ событій современной исторіи произведена въ сущности, исключительно въ интересахъ класса капиталистовъ подъ вывѣской свободы, равенства, братства, справедливости и патріотизма, которыя должны были возродиться по программамъ финансовыхъ и политическихъ спекулянтовъ ²⁾. Видъ собственности,

¹⁾ La Curne de Sainte Palaye упоминаетъ о словѣ „капиталь“, какъ о прилагательномъ, опредѣляющемъ нѣкоторые налоги; какъ существительное оно употребляется для обозначенія частей строения и одежды (Dictionnaire de l'ancien langage français depuis son origine jusqu'a Louis XIV.). Littré находитъ его, какъ прилагательное въ рукописяхъ XII-го столѣтія. Древѣйшее упоминаніе о немъ, какъ о существительномъ, относится къ XVI-му ст. Въ словарѣ Richelet (1728) слово это приведено какъ прилагательное, употребляемое только въ двухъ или трехъ случаяхъ, какъ имя существительное. То же повторяется въ словарѣ Trevoix (1771 г.). И только въ „Энциклопедіи“ Дидеро оно принимаетъ экономическое значеніе: „Слово капиталъ означаетъ сумму, подлежащую уплатѣ независимо отъ процентовъ.— Обозначаетъ также фондъ какой нибудь компаніи“.

²⁾ Въ эпоху революціи капиталистъ былъ животнымъ настолько недавняго общественнаго происхожденія, что Sébastien Mercier въ своемъ словарѣ новыхъ словъ, появившемся въ 1802 г. далъ слову „капиталистъ“ слѣдующее интересное опредѣленіе: „Капиталистъ“ это вещь извѣстная лишь въ Парижѣ. Означаетъ обладателя чудовищнаго состоянія, человѣка съ мѣднымъ сердцемъ, имѣющаго лишь металлическія привязанности. Говорятъ ли о земельномъ налогѣ, ему до этого нѣтъ дѣла, онъ не владѣетъ ни пядью земли. Какъ его обложить налогомъ? Подобно арабамъ пустыни, ограбившимъ караванъ и закапывающимъ золото въ землю изъ боязни другихъ, капиталисты зарыли наши деньги.

соотвѣтствующій слову капиталъ, начинаетъ пріобрѣтать общественное значеніе только вслѣдствіе товарнаго производства, бывшаго завершеніемъ экономическаго и политическаго развитія Европы, начавшагося еще съ XII-го столѣтія и ускореннаго открытіемъ Америки и дороги въ Индію, огибая мысъ Доброй Надежды, ввозомъ драгоцѣнныхъ металловъ изъ Новаго Свѣта; изобрѣтеніемъ пороха, книгопечатанія и компаса, взятіемъ Константинополя, родственными союзами государей, организаціей большихъ европейскихъ государствъ и послѣдовавшимъ въ результатъ этого относительнымъ, но общимъ умиротвореніемъ. Всѣ эти причины вмѣстѣ съ другими менѣе важными развили капиталъ, наиболѣе совершенную но,—можно добавить,—и послѣднюю форму частной собственности.

Сравнительно недавнее появленіе капиталистической формы служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что собственность не остается неподвижной, безъ измѣненій, но, подобно всѣмъ явленіямъ матерьяльнаго и интеллектуальнаго міра, подчинена законамъ эволюціи проходитъ рядъ различныхъ формъ, вытекающихъ одна изъ другой.

Собственность настолько мало склонна оставаться въ одной застывшей формѣ, что и въ современномъ обществѣ она является въ нѣсколькихъ видахъ и разновидностяхъ:

I.
Общественныя
формы
собственности.

- а) Общественная собственность древняго происхожденія: имущества коммунальныя, государственныя и проч.—предметы зависти и нападокъ дворянства и буржуазіи въ теченіи столѣтій.
- б) Общественная собственность современнаго происхожденія, управляемая государствомъ подъ именемъ общественнаго обслуживанія: почта, жел. дороги, національные музеи, бібліотеки и проч.

II.
Частныя формы
собственности.

c) Собственность личного, индивидуального присвоения.

d) Собственность — орудіе производства.

e) Собственность—капиталь.

II.

Собственность личного присвоения.

Собственность личного или индивидуального присвоения есть наиболѣе примитивная форма собственности; она всегда существовала и будетъ существовать, такъ какъ составляетъ необходимое условіе жизни. Понятіе это чрезвычайно растяжимо: отъ пищи, поглощаемой человѣкомъ для поддержанія своихъ силъ, до драгоценностей, которыми онъ себя украшаетъ. Когда-то жилище также принадлежало къ этому роду собственности; человѣкъ владѣлъ имъ, какъ черепаха своимъ щитомъ. Если цивилизація, благодаря примѣненію въ промышленности машинъ, и доставила возможность бѣднымъ людямъ пріобрѣтать массу предметовъ роскоши, доступныхъ ранѣе лишь богачамъ, то она лишила большинство гражданъ своихъ домовъ, заставила ихъ жить въ наемныхъ квартирахъ и меблированныхъ комнатахъ и, среди невиданнаго изобилія, она заставила производителя довольствоваться самымъ ограниченнымъ минимумомъ собственности личного присвоения.

Капиталистическая цивилизація осуждаетъ пролетарія на прозябаніе въ условіяхъ жизни болѣе жалкихъ, чѣмъ жизнь дикаря. Оставляя въ сторонѣ тотъ важный фактъ, что дикарь не работаетъ для обогащенія паразитовъ, посмотримъ лишь, чѣмъ онъ питается. Безспорно, что варвары, населявшіе

Европу въ первые вѣка нашей эры, владѣли большими стадами свиней и другихъ животныхъ и имѣли возможность охотиться въ лѣсахъ, изобилующихъ дичью, и заниматься рыбной ловлей, поэтому они хотя и покрывались звѣриными шкурами и грубыми тканями, но потребляли больше мясной пищи, чѣмъ пролетаріи цивилизаціи, которыхъ ихъ одежды изъ бумаги и поддѣльной шерсти, сотканныя при помощи усовершенствованныхъ машинъ, весьма плохо защищаютъ отъ непогоды.

Положеніе пролетарія еще тѣмъ хуже, что организмъ его не такъ крѣпокъ и привыченъ къ непогодѣ, какъ тѣло дикаря.

Буржуазія считаетъ себя идеаломъ человѣчества; ея философы, свободные мыслители и духовенство хоромъ стараются доказать, что это тощее или покрытое нездоровымъ жиромъ существо, надъ которымъ тяготѣетъ еще больше бѣдъ, чѣмъ пороковъ, есть послѣднее произведеніе эволюціи человѣчества ¹⁾).

Но всякій безпристрастный наблюдатель долженъ согласиться съ физической и умственной несостоятельностью людей испорченныхъ цивилизаціей, по сравненію съ варварами, конечно, принимая во вниманіе исключенія, — и съ необходимостью умѣлаго воспитанія, начатаго съ колыбели, продолженнаго цѣлую жизнь, въ продолженіе нѣсколькихъ поколѣній, для того, чтобы возвратить человѣку силу мускуловъ и совершенство чувствъ варваровъ ²⁾. Современный рабочій принужденъ довольство-

---

¹⁾ Одинъ американскій эволюціонистъ, принимая во вниманіе количество преждевременно облысѣлыхъ головъ и беззубыхъ ртовъ въ буржуазномъ классѣ, который, по теоріи Дарвина, наиболѣе приспособленъ къ жизненной борьбѣ, предсказываетъ лысое и беззубое человечество. Это бы и случилось если бы капиталистическая цивилизаціи продолжилась.

²⁾ Цеварь, въ некоторой наблюдательности котораго не могутъ не признавать защитники капиталистическаго строя, не переставалъ удивляться силѣ и ловкости, проявленнымъ во время военныхъ упражненій, дикими

ваться минимумомъ предметовъ личнаго присвоенія, строго необходимыхъ для удовлетворенія насущныхъ его потребностей лишь потому, что капиталисты имѣють ихъ достаточно для выполненія самыхъ безразсудныхъ фантазій. Будь у нихъ 50 головъ и сотня ногъ, какъ у мнооогическихъ трехъ гигантовъ, и тѣхъ бы не хватило, чтобы износить всѣ шляпы и башмаки, которыми завалены ихъ гардеробы. Богачи жалуются о томъ, что невозможно расширить вмѣстимость желудка, дабы быть въ состояніи поглотить всѣ яства, которыми загромождены ихъ столы: они напоминають безумныхъ султановъ, населяющихъ свои серали, какъ будто бы они обладали силою десяти Геркулесовъ для того, чтобы ими пользоваться. Если пролетаріи страдаютъ отъ недостатка собственности личнаго

германцами, сражавшимися нагими и съ непокрытой головою противъ его солдатъ, закованныхъ въ броню и каски, и которыхъ онъ боялся преслѣдовать, побѣдивши. Во время седьмой войны, единственной славленной для римлянъ, какъ говорятъ Наполеонъ I, отчаявшись сломить героическое сопротивленіе галловъ, предводительствуемыхъ Верцингеториксомъ, Цезарь послалъ набирать войска за Рейпъ и свѣшилъ свою конницу для того, чтобы предоставить копей германцамъ, и онъ былъ правъ. Два раза при Новидіонумѣ и Алезіи, когда римскія когорты отступали, германская кавалерія выигрывала сраженіе и разстраивала ряды галловъ Поздиѣ, спустя болѣе столѣтія, Цивились для того, чтобы возбудить къ возстанію германцевъ и галловъ, напоминалъ имъ, что Цезарь могъ побѣдить Галлію лишь съ помощью германскихъ войскъ.

Морганъ, одинъ изъ рѣдкихъ антропологовъ, не раздѣляющій безсмысленнаго презрѣнія филистеровъ къ народамъ не цивилизованнымъ находить: „что прогрессъ, достигнутый во время дикаго, варварскаго періода, можетъ бытъ, важнѣе—принесеннаго цивилизаціей“.

Дикари плохо приспособляются къ капиталистической цивилизаціи; они теряють свои качества и съ ужасающей быстротой перенимають пороки цивилизованныхъ; но исторія египтянъ и грековъ показываетъ, какой высокой степени матеріальнаго и интеллектуальнаго развитія можетъ достигнуть варварскій народъ, поставленный въ благопріятныя условія и развивающійся свободно.

присвоенія, капиталисты кончаютъ тѣмъ, что становятся мучениками избытка ея. Скука, подавляющая ихъ, и болѣзни, мучающія и изувѣчивающія ихъ вырождающуюся расу—неизбѣжное слѣдствіе окружающаго ихъ излишества. Моралисты лучше бы сдѣлали, проповѣдая буржуазіи добродѣтель воздержанія, чѣмъ толковать пролетаріямъ свое грустное ученіе о сбереженіи.

III.

Собственность—орудіе производства.

Человѣкъ, по выраженію Франклина есть „Toolmaking animal“—животное производящее орудія; и дѣйствительно орудіе отличаетъ его отъ животныхъ, его предковъ. Обезьяна довольствуется палками и камнями; человѣкъ—единственное животное, обтачивающее каменный топоръ, служащій ему орудіемъ и оружіемъ; такъ что обточенный камень, найденный въ пещерѣ или геологическомъ пластвѣ, можетъ служить такимъ же несомнѣннымъ доказательствомъ присутствія человѣка, какъ и человѣческой скелетъ.

Орудіе производства—каменный ли топоръ дикаря, или рубанокъ плотника, микроскопъ физиолога или поле крестьянина, есть придатокъ къ органамъ человѣка, долженствующій облегчить удовлетвореніе его матеріальныхъ и интеллектуальныхъ нуждъ. Пока существуетъ мелкая ручная промышленность, свободный производитель владѣетъ своими орудіями производства; въ средніе вѣка ремесленникъ носилъ съ собою свои инструменты, какъ въ наше время хирургъ свои. Еще до установленія частной земельной собственности, крестьяне временно владѣли кусками земли, достававшимися имъ по раздѣлу; во времена же феодализма крѣпостной такъ тѣсно былъ при-

вязанъ къ землѣ, которую онъ воздѣлывалъ, что не могъ ея оставить. Существуютъ еще многочисленныя слѣды этой личной собственности на орудія производства, но она быстро исчезаетъ: производства, которыхъ коснулась механика, вырываютъ орудія изъ рукъ рабочаго и присоединяютъ ихъ къ машинѣ. Механика, создавшая машину, представляющую собой комбинацію цѣлаго ряда разнообразныхъ орудій, заставляетъ массу людей дѣлаться изъ ремесленниковъ—рабочими. Ясно, что этотъ рабочій уже не можетъ быть собственникомъ такой машины, такъ же, какъ и быть единственнымъ ея производителемъ.

Капиталистическая цивилизація отнимаетъ у человѣка его придатокъ въ видѣ орудій и историческое начало этого лишенія относится ко времени экспроприаціи главнаго усовершенствованнаго инструмента—оружія. Дикарь владѣетъ своимъ лукомъ и стрѣлами, которые служатъ ему въ одно время и оружіемъ и орудіемъ, солдатъ же представляетъ перваго пролетарія, лишеннаго и того и другого въ пользу государства, зачисляющаго его въ ряды своего войска.

Капиталистическая цивилизація низвела до минимума собственность личнаго присвоенія; идти въ этомъ направленіи дальше, не рискуя жизнью производителя, который служитъ ей курицей несущей золотыя яйца, невозможно. Теперь она стремится лишить его совершенно орудій производства; часть рабочаго класса Европы лишена ихъ уже вполне.

IV.

Собственность—капиталь.

Капиталь характерная форма собственности современнаго общества: ни въ какомъ другомъ обществѣ онъ не существовалъ, по крайней мѣрѣ какъ общій господствующій фактъ.

Существенное условіе этой формы собственности—эксплоатация свободнаго производителя, ежедневно лишаемаго части производимыхъ имъ цѣнностей: Карлъ Маркъ представилъ этому неоспоримыя доказательства. Существованіе капитала основывается на товарномъ производствѣ, т. е. порядкѣ, при которомъ продуктъ труда рабочаго идетъ на рынокъ вмѣсто непосредственнаго удовлетворенія нуждъ самаго рабочаго или потребленія его феодальнаго сеньера или хозяина—рабовладельца.

Въ другихъ обществахъ также покупали и продавали, но тамъ продавался только излишекъ надъ потребленіемъ; въ этихъ обществахъ также эксплуатировался производитель, крѣпостной или рабъ, но собственникъ имѣлъ относительно него нѣкоторыя обязательства: онъ кормилъ свое рабочее животное—человѣка, даже и въ свободные его часы; капиталистъ освобожденъ и отъ этой заботы, отнесенной на счетъ свободнаго рабочаго. Доброе сердце Плутарха возмущалось нравственными правилами Катона, продававшаго рабовъ, состарившихся у него на службѣ; что бы онъ сказалъ о томъ, что происходитъ въ наши дни? Нѣтъ того капиталиста, христіанина, свободнаго мыслителя, антисемита или филантропа, который бы не выгонялъ на улицу умирать съ голода пролетарія, благодаря которому онъ нажилъ милліоны. Буржуазія освободивши раба и крѣпостнаго, хотя и ставитъ себя громогласно въ число борцовъ за независимость человѣка, однако заботится не объ эмансипаціи производителя, а объ освобожденіи капиталиста отъ всякихъ обязанностей по отношенію къ рабочему. Только при осуществленіи капиталистической формы собственности, капиталистъ получилъ „право d’user et d’abuser

Таковы формы собственности, существующія въ современномъ обществѣ: наблюденіе даже поверхностное показываетъ, что ихъ нельзя назвать неизмѣняемыми, напротивъ онѣ подвержены постояннымъ преобразованіямъ. Такъ, въ то время, какъ общинная собственность древняго происхожденія исчезаетъ, вытѣсняемая частной, капиталистическая частная собственность превращается въ общинную, управляемую государствомъ; но прежде, чѣмъ дойти до этой крайней формы, капиталъ лишаетъ рабочаго орудія принадлежавшаго ему въ собственность и создаетъ коллективныя орудія производства.

Послѣ того, какъ мы констатировали въ настоящемъ эту эволюцію формъ собственности, было бы болѣе чѣмъ безосновательнымъ утверждать, что въ прошедшемъ собственности всегда оставалась неизмѣнной и не проходила цѣлый рядъ формъ прежде, чѣмъ принять форму капитала, которой въ свою очередь предстонтъ исчезнуть и быть замѣненной новыми.

Прежде чѣмъ приступить къ описанію различныхъ формъ эволюціи собственности, я считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ о методѣ, принятомъ въ этомъ историческомъ очеркѣ.

Методъ.

Все люди, безъ различія расъ, проходятъ отъ рожденія до смерти однѣ и тѣ же фазы развитія; въ одинаковыхъ возрастахъ, съ нѣкоторымъ измѣненіемъ, подъ вліяніемъ различій климата они переживаютъ тѣ же періоды: прорѣзыванія зубовъ, возмужалости, роста и упадка. Также и человѣческія общества проходятъ одинаковыя формы развитія семьи, тѣ же соціальныя, религіозныя и политическія учрежденія и соответственныя нравы и философскія идеи.

Vico, который названъ „отцемъ философіи, исторіи“ первый увидалъ этотъ великій законъ исторической эволюціи: въ

своей „Scienza nuova“ онъ говоритъ объ „исторіи идеальной, вѣчной“ черезъ которую проходятъ исторіи всѣхъ націй, съ какой бы ступени дикости, животности и кровожадности, онѣ ни начали свою гражданственность ¹⁾. Карлъ Марксъ, который, связывая явленія политическаго міра и интеллектуальнаго съ явленіями міра экономическаго, возобновилъ концепсію исторіи, подтверждаетъ законъ Вісо, говоря въ предисловіи „Капитала“, что: „страна съ наиболѣе развитой промышленностью служитъ странамъ, стоящимъ ниже ея на лѣстницѣ промышленности, прообразомъ ихъ собственной будущности“.

Если бы извѣстна была исторія какого нибудь народа отъ дикаго его состоянія до цивилизованнаго, она бы могла служить прототипомъ исторій всѣхъ народовъ, обитающихъ на землѣ; но невозможно послѣдовательно прослѣдить всѣ фазы, проходимыя какой нибудь націей. Но если нельзя составить эту исторію, такъ сказать, изъ цѣльнаго куска жизни одного народа или расы,—ее можно составить, соединяя вмѣстѣ факты взятые изъ исторіи разныхъ народовъ земнаго шара ²⁾. Человѣчество при помощи такого приѣма, по мѣрѣ того какъ старится, имѣетъ возможность узнавать свое дѣтство.

Нравы предковъ цивилизованныхъ народовъ, вновь встрѣчаются у народовъ дикихъ, гдѣ цивилизація ихъ еще не

---

¹⁾ «Una istoria ideal. eterna, sopra la quale corrono in tempo le storie di tutti le nozioni: ch'ovunque da tempi selvaggî, feroci é fieri comminciano gli uomin ad addimesticarsi». (Principi di scienze nuova; De principi; lib. II, sect v: Milano, 1837).

²⁾ На слѣдующихъ страницахъ читатель найдетъ факты, заимствованные изъ древняго и новаго міра и сгруппированные съ цѣлью показать, что у всѣхъ народовъ повторяются тѣ же явленія, независимо отъ различія происхожденія и степени послѣдующей культуры этихъ народовъ.

успѣла разрушить. Обычай, общественныя и политическія учрежденія, религіи и идеи дикарей, и варваровъ позволяютъ историку вызвать прошедшее, считавшееся безвозвратно забытымъ.

Обратясь къ первобытнымъ народамъ можно отыскать происхожденіе собственности; собирая факты по всей земной поверхности можно прослѣдить ступени развитія собственности.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Первобытный коммунизмъ,

I.

Происхожденіе личной собственности.

Экономисты такъ щедро надѣляютъ дикаря капиталомъ лишь потому, что находятся въ выгодномъ невѣдѣніи относительно обычаевъ дикарей, а также и всѣхъ первобытныхъ народовъ.

Существуютъ до сихъ поръ дикія племена, не имѣющія никакого понятія о земельной собственности, ни индивидуальной, ни коллективной и едва дошедшія до индивидуальнаго владѣнія предметами личнаго присвоенія.

Физонъ и Говитъ (Fison et Howitt), основательно изучившіе бытъ австралійскихъ племенъ, рассказываютъ, что у нѣкоторыхъ изъ нихъ даже предметы наиболѣе, такъ сказать, личные, напримѣръ оружіе, украшенія, такъ быстро переходятъ изъ рукъ въ руки между членами рода, что никакъ не могутъ

считаться частной собственностью, а только развѣ общинной, принадлежащей всѣмъ членамъ.

Индивидуальная или частная собственность появляется въ формѣ идеальной: равнѣе обладанія какой либо матеріальной собственностью дикарь,—идеалистъ въ большой степени, чѣмъ это думаютъ—получаетъ собственное имя. Дается оно ему при достиженіи имъ совершеннолѣтія, въ религиозной церемоніи, память о которой сохраняютъ намъ обряды католическаго крещенія.

Дикарь дорожитъ этимъ именемъ, какъ наибольшей драгоценностью; онъ не открываетъ его иностранцамъ изъ боязни, что оно будетъ отнято и когда хочетъ доказать свою дружбу безцѣннымъ подаркомъ — обмѣнивается съ своимъ другомъ именемъ.

Но даже эта личная собственность не принадлежитъ ему абсолютно: по словамъ Моргана (Morgan) имя принадлежало роду которому и возвращалось по смерти друга ода-реннаго этимъ дикаремъ ¹⁾.

---

¹⁾ Дикарь и варваръ одухотворяютъ все: сверхчувственная душа эта скучная идея, которая столько мучила людей, говорить Эггельсъ есть одна изъ ихъ выдумокъ.

Слова для нихъ живутъ, представляютъ такъ сказать душу предмета, который они обозначаютъ. Христіанское воплощеніе Слова есть воспроизведеніе идеи дикаря. Какъ духъ человѣка, отдѣляющійся отъ тѣла послѣ смерти и даже при жизни во время сна можетъ осуществлять акты мщенія и наказывать своихъ враговъ, такъ и слова обладаютъ необыкновенной силой добра и зла: поэтому слова проклятія повергаютъ первобытныхъ людей въ суевѣрный ужасъ.

Въ этомъ сочиненіи я буду употреблять слово (gens) „родъ“ преимущественно передъ его синонимомъ—кельтическимъ кланъ, т. к. слово gens имѣетъ большее историческое распространеніе, судя по его происхожденію и большому количеству производныхъ. Латинское слово gens

Индивидуальная собственность въ матеріальной формѣ является лишь въ видѣ предметовъ, связанныхъ съ личностью дикаря или даже въ буквальномъ смыслѣ тѣсно соединенныхъ съ нею, какъ украшенія, продѣтыя въ носъ, уши или губы, звѣриныя шкуры обвязанныя кругомъ шеи, человѣческій жиръ для натиранія отъ ревматизмовъ, хрустальный камень, предполагаемый экскрементъ Божества и другія драгоценности, заключающіяся въ корзинахъ изъ древесной коры и привязанныя къ тѣлу ихъ собственника.

Эти предметы личнаго присвоенія не покидаютъ его и послѣ смерти; ихъ сжигаютъ или зарываютъ вмѣстѣ съ его тѣломъ. Для того чтобы предметъ сдѣлался индивидуальной собственностью нужно связать его съ тѣломъ собственника дѣйствительно или же фиктивно.

Дикарь, желающій признанія, что какой нибудь предметъ принадлежитъ ему, долженъ сдѣлать видъ, что съѣдаетъ его; онъ подноситъ его ко рту, прикладываетъ къ языку, лижетъ.

Эскимось, покупая малѣйшую вещь, хотя бы иголку, прикладываетъ ее къ губамъ или же подвергаетъ какому либо другому символическому дѣйствию посвященія въ знакъ того, что желаетъ сохранить ее для своего личнаго употребленія. Такъ произошелъ институтъ табу. Пользованіе есть главное условіе личнаго присвоенія. Даже предметы произведенные даннымъ лицомъ считаются принадлежащими ему лишь, когда онъ ими пользуется, освящаетъ ихъ употребленіемъ. Эскимось мо-

---

употребляемое Морганомъ для обозначенія единокровныхъ группъ, составляющихъ племя, происходитъ, какъ и греческое слово того же значенія *genos*, отъ арійскаго корня *gan*, которое значитъ порождать. *Gen* и *genos* употребляются исключительно для группъ, гордящихся общимъ происхожденіемъ; откуда латинское *gentilis*, человѣкъ рода и французское *gentilhomme*.

жетъ имѣть двѣ лодки, если онъ дѣлаетъ третью, она идетъ въ распоряженіе gens'a; все то, чѣмъ онъ не пользуется поступаетъ въ общинную собственность. Дикарь не считаетъ себя отвѣтственнымъ за лодку или вообще какое нибудь орудіе рыбной ловли или охоты, заимствованное у другого и не думаетъ о его возвращеніи, если ему случится его потерять.

II.

Коммунизмъ „gens'a“.

Первобытный человѣкъ не можетъ дойти до идеи индивидуальной собственности по той простой причинѣ, что у него отсутствуетъ сознаніе своей индивидуальности, своей отдѣльности какъ лица отъ единокровной группы, въ которой онъ живетъ.

Дикарь подверженъ столькимъ дѣйствительнымъ опасностямъ и мучимъ столькими воображаемыми опасеніями, что не можетъ жить одинъ; онъ не можетъ даже постигнуть этой идеи. Изгнаніе изъ его рода, его орды равносильно для него смертному приговору. У доисторическихъ грековъ и семитовъ, какъ и у всѣхъ варварскихъ народовъ, убійство одного изъ членовъ племени наказывалось лишь изгнаніемъ. Орестъ послѣ убійства своей матери и Каинъ, убившій брата, должны были просто покинуть свою страну. Даже въ передовыхъ цивилизаціяхъ, какими были Греція и Италія въ историческую эпоху, изгнаніе все же остается наиболѣе тяжелой карой. „Изгнанникъ, по словамъ греческаго поэта Теогниса, не имѣетъ ни друзей, ни вѣрныхъ товарищей, въ этомъ главная тяжесть изгнанія“.

Быть отдѣленнымъ отъ своихъ, вести уединенный образъ

жизни ужасаетъ первобытнаго человѣка, привыкшаго къ жизни стадной.

Несмотря на то, что дикаря можно назвать, по сравненію съ средой, въ которой онъ живетъ, существомъ совершеннымъ, даже болѣе совершеннымъ, чѣмъ цивилизованные, такъ какъ онъ способенъ удовлетворять всѣмъ своимъ потребностямъ, онъ настолько тѣсно связанъ со своимъ племенемъ, со своимъ родомъ, что не проявилъ, не объектировалъ своей индивидуальности ни въ личной собственности, ни въ семьѣ, какъ мы ее понимаемъ. У наиболѣе первобытныхъ дикихъ людей семьи не существуетъ совершенно: женщины одного gens'a общи всѣмъ мужчинамъ не только этого но и другихъ gens'овъ. Дѣти принадлежатъ всему генсу, какъ этого желалъ Платонъ въ его утопической республикѣ; они смотрятъ другъ на друга, какъ на братьевъ и сестеръ и называютъ матерями, какъ собственныхъ матерей, такъ и другихъ женщинъ того же поколѣнія; gens для нихъ все, они ничего не знаютъ внѣ его, gens и женится, онъ же представляетъ собою и собственника.

Все въ лонѣ рода есть общее достояніе. Бушменъ, получая подарокъ, дѣлитъ его между членами своего gens'a; Дарвинъ наблюдалъ жителя Огненной земли, разрывающаго, доставшееся ему одѣяло на части, по числу своихъ товарищей; если бушмену удастся достать быка или какойнибудь другой предметъ, онъ дѣлитъ свою добычу точно такъ же, оставляя себѣ часто самую меньшую долю. Во время голодовокъ молодые огнеземельцы рыщутъ по берегамъ и если имъ посчастливится найти на мели кита, ихъ излюбленную пищу, возвращаются, не тронувъ его хотя бы и умирали съ голода, извѣстить объ этомъ членовъ ихъ рода, которые спѣшатъ къ находкѣ; послѣ этого старшій дѣлитъ трупъ кита на равныя части.

У дикарей болѣе развитыхъ, чѣмъ жители Огненной земли

и бушмены, результат охоты принадлежит не тому, кѣмъ убита дичь, но семьѣ его жены, или иногда и его собственной, причемъ дѣлежъ происходитъ по точнымъ правиламъ, съ соблюденіемъ всѣхъ степеней родства.

Охота и рыбная ловля, эти двѣ первоначальныя формы производства, ведутся обыкновенно сообща, точно также и результатъ ихъ потребляется сообща. Ботокуды, эти неукротимыя племена Бразиліи, организуютъ сообща охоты закономъ и удаляются съ мѣста поимки звѣря лишь послѣ того, какъ съѣдятъ его. Племена, въ которыхъ обычай охоты сообща вышелъ изъ употребленія, сохраняютъ однако старинное обыкновеніе совмѣстнаго потребленія: счастливый охотникъ созываетъ на пиръ, приготовленный изъ его добычи, всѣхъ членовъ своего рода. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ Кавказа семья, убивая быка или десятокъ барановъ, устраиваетъ праздникъ всему населенію; всѣ пьютъ и ѣдятъ вмѣстѣ въ поминавленіе умершихъ въ этотъ годъ.

Обѣдъ въ память усопшихъ является пережиткомъ этихъ коммунистическихъ пировъ.

Морганъ, изучившій въ своемъ послѣднемъ значительномъ сочиненіи коммунистическіе нравы этой эпохи, описываетъ общія охоты и рыбныя ловли сѣверо-американскихъ индѣйцевъ ¹⁾. Племена, населяющія низменности и питающіяся почти исключительно животной пищей, въ охотѣ выказываютъ свой коммунизмъ. Черноногіе во время охоты на буйволовъ слѣдуютъ верхомъ за стадомъ въ большомъ количествѣ, сопровождаемые женщинами и дѣтьми. Когда же начинается дѣятельное преслѣдованіе стада, охотники бросаютъ убитыхъ животныхъ, которыми завладѣваетъ первый, кто слѣдуетъ за ними и та-

---

¹⁾ Zewis. H. Morgan. *House and house life of the American aborigenes*; Washington, 1881.

кой способъ раздачи продолжается, пока не снабдятъ всѣхъ... Они разрѣзаютъ буйвола на длинныя и тонкія ремни, которые высушиваютъ на солнцѣ или въ дыму. Другіе изъ части добычи готовятъ пеммиканъ: высушенное и измельченное въ порошокъ мясо, завернутое въ кожу животнаго.

На время рыбной ловли въ рѣкѣ Колумбіи, изобилующей рыбой, собираются всѣ члены племени и результатъ ловли дѣлятъ между собой. Каждый вечеръ происходитъ дѣлежъ по числу женщинъ, изъ которыхъ каждая получаетъ равную часть... Рыбъ разрѣзаваютъ, сушатъ на плетняхъ и въ корзинахъ переносятъ въ селенія.

III.

Общественное жилище и столъ.

Дикари, прекращая свои странствованія по берегамъ рѣкъ и морей въ поискахъ за пищей, которую имъ въ изобиліи доставляетъ природа, становятся осѣдлыми, строятъ жилища, но дома ихъ принадлежатъ не отдѣльнымъ лицамъ, а всему роду и остаются въ общинномъ владѣніи даже тогда, когда семья начинаетъ обособляться, переходя къ матриархальной формѣ; тогда она заключаетъ въ себѣ нѣсколько сотенъ человѣкъ. У жителей Каролинскихъ острововъ семьи въ семьсотъ членовъ жили подъ одной крышей. Какъ типъ этихъ коммунистическихъ жилищъ можно упомянуть тѣ, которыя Лаперузъ встрѣтилъ въ Полинезіи; длиною въ 310 футовъ, шириною отъ 20 до 30 и вышиною въ 10 футовъ, они имѣли форму опрокинутой пироги, открытой съ обѣихъ концовъ и вмѣщающей болѣе 100 человѣкъ. Длинные дома (long houses) прокезовъ, исчезнушіе въ концѣ прошлаго вѣка, какъ утверждаетъ Морганъ, имѣли въ длину болѣе 100 футовъ, на

30 фут. ширины и 20 высоты; во всю длину ихъ тянулся узкій проходъ въ который открывались небольшія комнаты въ 7 фут. шириною, назначавшіяся для замужнихъ женщинъ; каждый домъ имѣлъ на обѣихъ входныхъ дверяхъ красочное или скульптурное изображение totem'a рода, т. е. животного, отъ котораго онъ считалъ себя происходящимъ.

Деревни (Dyaks) въ Борнео состоятъ изъ подобныхъ жилищъ, построенныхъ на сваяхъ на 15 или 20 фут. отъ земли подобно свайнымъ постройкамъ въ Швейцаріи. По словамъ, Геродота пеонійцы (Paeoniens) также жили въ хижинахъ поставленныхъ на сваяхъ въ озерѣ Празіасъ (Prasias). Замужнія женщины (у Dyaks) имѣли свои особыя помѣщенія, выходяція въ центральный корридоръ; мужчины и молодые люди, незамужнія женщины и дѣвушки спали въ отдѣльныхъ общихъ залахъ. Мексиканскіе большіе дома (casas grandes) представляютъ видъ колоссальной лѣтницы, состоящей изъ нѣсколькихъ отступающихъ этажей, раздѣленныхъ на комнатки.

Дворцы, открытые Шлиманомъ въ Арголидѣ, и остатки огромныхъ жилищъ, развалины которыхъ теперь находятъ въ Норвегіи и Швеціи, представляютъ коммунальнныя жилища грековъ времени Гомера и скандинавовъ варварскаго періода. Жилища коммунистическихъ семей, встрѣчавшіяся въ Овернѣ еще въ первой половинѣ этого столѣтія, расположены подобно длиннымъ домамъ прокезовъ.

Въ этихъ домахъ стѣнные припасы находятся въ общемъ владѣніи, приготовленіе и потребленіе ихъ также производится сообща, на коммунистическихъ началахъ.

Нужно обратиться къ Моргану для того, чтобы имѣть описаніе жизни ихъ обитателей. Правда, изслѣдованія его относятся главнымъ образомъ къ быту краснокожихъ Америки и преимущественно прокезовъ, среди которыхъ онъ жилъ, какъ гость и пріемный членъ, но, говоря его же словами: „если

какой либо обычай констатированъ у прокезовъ, болѣе чѣмъ вѣроятно встрѣтитъ его у другихъ племенъ, находящихся въ одинаковыхъ условіяхъ и слѣдовательно имѣющихъ тѣ же нужды“.

Ирокезы, жившіе вмѣстѣ, разводили сады, собирали плоды, складывали ихъ въ жилищахъ, которыя имъ служили общественными магазинами. Тутъ правда, было нѣчто въ родѣ частнаго владѣнія, скорѣе, владѣнія отдѣльныхъ семей.

Напримѣръ: стебли кукурузы, связанные за листья въ пучки, вѣшались въ разныхъ комнаткахъ, когда же у одного изъ семействъ весь запасъ истощался, другіе снабжали его маисомъ, пока онъ въ свою очередь весь не выходилъ. Точно также поступали съ рыбой и запасами дичи. Запасы растительной и животной пищи, раздѣленные и порученные надзору женщинъ, оставались общей собственностью всего рода.

Въ деревняхъ индѣйцевъ встрѣчается удивительное явленіе: частное владѣніе предметами личнаго присвоенія, употребленіе которыхъ, однако, остается общественнымъ. „Въ индѣйской деревнѣ, или въ семействѣ индѣйцевъ“, рассказываетъ Гекевельдеръ (Heckewelder) о делаварахъ и муnzeяхъ (des Delaware et des Munsees) „не существуетъ ни одного предмета, не имѣющаго своего отдѣльнаго собственника. Каждый человѣкъ владѣетъ какимъ нибудь предметомъ, начиная отъ лошади и коровы и кончая собакой, кошкой и цыплятами... Иногда каждый котенокъ или цыпленокъ одного выводка принадлежать различнымъ собственникамъ и, покупая насѣдку, приходится уславливаться со столькими дѣтьми, сколько въ выводкѣ цыплятъ. Итакъ, между тѣмъ какъ въ племени господствуетъ принципъ общности, между членами семействъ признается право собственности“ 1).

---

1) Heckewelder, Histoire, Coutumes et moeurs des nations indiennes qui habitaient la Pensylvanie et les Etats avoisinants. Гекевельдеръ былъ моравскимъ миссіонеромъ; онъ провелъ 15 лѣтъ

Дѣйствительно, частная собственность беретъ начало изъ коммунизма и не только не противорѣчитъ ему, какъ увѣряютъ экономисты, но представляетъ необходимое его дополненіе.

Другія индѣйскія племена, какъ напримѣръ въ деревняхъ лагуна (Laguna) (Новая Мексина), вмѣсто того, чтобы дѣлить запасы по числу матерей семействъ и отдавать имъ на храненіе, складываютъ ихъ въ общественные магазины. „Управленіе этими абмарами обыкновенно поручено женщинамъ“, пишетъ въ 1869 году Моргану пасторъ Самуиль Горманъ (Samuel Gorman), „онѣ больше заботятся о будущемъ, чѣмъ сосѣди ихъ—испанцы; хлѣба имъ хватаетъ обыкновенно на весь годъ и голодовки у pueblos бываютъ только въ случаѣ двухъ послѣдовательныхъ годовъ неурожая“.

Индѣйцы майа Мауа съ Юкатана готовятъ пищу для всей деревни вмѣстѣ, въ одной хижинѣ, подобно тому, какъ въ средніе вѣка некли хлѣбъ всей общины въ общей печи. Въ своемъ „Путешествіи по Юкатану“ Стефанъ (Stéphen) рассказываетъ, что ему приходилось часто наблюдать группы жёнщинъ и дѣтей, выходящихъ изъ общей кухни, съ деревянными или каменными чашами, наполненными дымящимся кушаньемъ, въ рукахъ, которые затѣмъ направлялись къ частнымъ жилищамъ. У ирокезовъ въ каждомъ длинномъ домѣ готовилась сообща пища всѣхъ его обитателей. Женщина, главная въ родѣ, раздавала пищу изъ общаго котла всѣмъ семействамъ, соотвѣтственно ихъ потребностямъ; для каждаго кушанье подавалось въ отдѣльной чашѣ, деревянной или каменной. Ни столовъ, ни стульевъ, ни тарелокъ, ни комнаты, похожей на кухню или столовую, у нихъ не было, всякій ѣлъ стоя

среди индѣйцевъ (1771—1786) и говорилъ на ихъ языкѣ. Его наивная книга, заключающая личныя наблюденія, разсѣиваетъ много заблужденій, распространяемыхъ филистерами о дикаряхъ.

или сидя, гдѣ придется. Пища раздавалась сначала мужчинамъ, затѣмъ женщинамъ и дѣтямъ. Остатки откладывались на случай, если бы ктонибудь изъ обитателей дома проголодался во время дня. Послѣ полудня женщины варили *hominy*, родъ каши изъ толченаго маиса, который оставлялся холоднымъ на слѣдующее утро или предназначался для посѣтителей. У нихъ не было завтрака или ужина въ полномъ смыслѣ этого слова, они ѣли, когда бывали голодны, все, что находили въ домѣ. Они вообще не были обжорами.

Тѣ же обычаи господствовали въ Греціи до историческаго періода: *сисситии* (общія трапезы) время историческихъ представляютъ собою слѣды первобытной, коммунистической эпохи.

Гераклидъ Понтійскій, ученикъ Платона, оставилъ намъ описаніе общихъ трапезъ на Критѣ, гдѣ обычаи первобытнаго періода сохранялись долгое время. За общимъ столомъ мужчинъ (*andreies*) каждый гражданинъ получалъ равную долю, исключая архонта, члена совѣта старѣйшинъ (*gerōnia*), имѣвшаго право на четверенную часть; первую онъ получалъ въ качествѣ гражданина, вторую—какъ предсѣдатель стола и двѣ послѣднихъ, прибавочныхъ, части—за содержаніе столовой и обстановки. Каждый изъ столовъ находился подъ особымъ наблюденіемъ старшей женщины, которая открыто выбирала лучшіе куски для людей, отличившихся въ совѣтѣ или же на полѣ битвы. Иностранцамъ подавали первымъ, даже раньше архонта. Изъ рукъ въ руки переходила чаша съ виномъ и водою, наполнявшаяся обыкновенно снова къ концу обѣда. Гераклидъ упоминаетъ лишь объ общественныхъ столахъ для мужчинъ; Ноескъ же прибавляетъ, что въ дорійскихъ селеніяхъ существовалъ обычай общественныхъ обѣдовъ и для женщинъ и дѣтей. Предположеніе ученаго историка острова Крита тѣмъ болѣе вѣроятно,

что намъ извѣстно у варваровъ и дикарей существовавшее постоянно раздѣленіе половъ.

По словамъ Плутарха, всѣ участвовавшіе въ этихъ общихъ трапезахъ были равны; поэтому онъ и называлъ послѣднія аристократическими собраниями—*synedria aristokratika*. Люди, садящіеся за одинъ столъ, вѣроятно, принадлежали къ одному роду. Спартиаты, члены одной сиссити, составляли соотвѣтствующую военную организацію и сражались вмѣстѣ. Дикари и варвары дѣйствуютъ также сообща во всѣхъ обстоятельствахъ, какъ садясь за столъ, такъ и на полѣ битвы, гдѣ они строятся по семьямъ, родамъ и племенамъ.

Необходимость для каждаго члена коммунистическаго племени именно за общимъ столомъ получить свою часть пищи была настолько неизбежной, что слово *moira* въ греческомъ языкѣ, означавшее сначала часть каждаго гражданина на обѣдѣ, впоследствии стало названіемъ судьбы, верховной богини, властвующей одинаково надъ богами, плодами и раздающей каждому его долю существованія, какъ старѣйшая женщина критскихъ сисситій, надѣляла каждаго его долей пищи. Замѣчательно, что въ греческой мифологіи судьба и судьбы олицетворялись въ женщинахъ: *Moira*, *Aissa* и *Keres*, имена которыхъ означаютъ часть, достаемуюся каждому при раздѣлѣ пищи или добычи.

По словамъ Аристотеля, сѣстные припасы для общей трапезы доставлялись урожаемъ съ земель, стадами и оброкомъ земледѣльцевъ, принадлежащихъ къ общинѣ, вследствие чего, продолжаетъ онъ, мужчины, женщины и дѣти на Критѣ кормились на счетъ государства. Онъ предполагаетъ, что время введенія обычая такихъ обѣдовъ относится къ глубокой древности; что у жителей Крита онъ былъ введенъ Миносомъ, у этроговъ Италомъ, который изъ кочевого сдѣлалъ этотъ народъ земледѣльческимъ; и такъ какъ философъ изъ Стагиры

нашелъ въ свое время обычай общихъ трапезъ распространенымъ у большинства народовъ Италіи, онъ считаетъ его происшедшимъ изъ той страны. Діонисій Галикарнасскій упоминаетъ о томъ, что въ Римѣ каждая курія имѣла свою общую столовую для всѣхъ gentes, входящихъ въ ея составъ, такъ же, какъ и каждая десятъ курій, составляющихъ вмѣстѣ одно изъ трехъ племенъ; вслѣдъ затѣмъ онъ говоритъ объ общихъ трапезахъ лакедемонянъ и высказываетъ предположеніе, что обычай этотъ заимствованъ Ромуломъ изъ Ликургова законодательства.

Предположенія Аристотеля, такъ же какъ и Діонисія, ошибочны: обычай общихъ трапезъ возникъ совершенно естественно, безъ помощи иноземнаго вліянія или подражанія одинаково повсюду, какъ у американскихъ краснокожихъ, такъ и у грековъ, римлянъ и скандинавовъ, которые обозначали его словомъ *ghilde*, сдѣлавшимся впослѣдствіи названіемъ ремесленныхъ корпорацій, члены которыхъ при вступленіи въ нихъ обязывались клятвой помогать другъ другу и защищать какъ братьевъ.

Время этихъ обѣдовъ относится къ эпохѣ коммунизма, которую греки называли „золотымъ вѣкомъ“; у нихъ же они носили названіе „обѣдовъ боговъ“. Одиссея разсказываетъ, что на одномъ изъ такихъ обѣдовъ 4,500 гражданъ Пилоса (Pylos) сидѣли за девятью столами, по 500 человекъ за каждымъ. Въ Римѣ во время торжественныхъ празднествъ на улицахъ воздвигались столы для всего народа. По словамъ Ксенофонта въ Аѣинахъ въ извѣстные дни на счетъ города закалывались многочисленныя жертвы, мясо которыхъ дѣлилъ между собою народъ.

Религія, это хранилище древнихъ обычаевъ, сохранила также общественные обѣды, какъ религіозную церемонію; по предписанію ея аѣинскіе граждане должны были по жребію

ѣсть вмѣстѣ въ пританеѣ; законъ строго наказывалъ того, кто отказывался выполнить это требованіе религіи. Граждане, садившіеся за священный столъ, становились на время священными и получали названіе *parosites*.

Для того чтобы яснѣе показать древность происхожденія этихъ религіозныхъ трапезъ, въ обстановкѣ ихъ соблюдалась полнѣйшая простота; въ одномъ городѣ хлѣбъ предлагался въ мѣдныхъ сосудахъ, въ другомъ—въ глиняныхъ чашахъ. Нарушить обычай предковъ, ввести новое блюдо, считалось нечестіемъ. Католическое причащеніе (*communion*), какъ показываетъ самое названіе его, есть слѣдъ общихъ трапезъ первобытной эпохи.

IV.

Коммунистическіе нравы.

Общественныя жилища, вмѣщающія цѣлые роды, раздробляются на частныя дома, служащія лишь для одной семьи; это раздробленіе влечетъ за собой и уничтоженіе общественныхъ трапезъ, за исключеніемъ національныхъ или религіозныхъ празднествъ, какъ на примѣръ священныхъ пиршествъ грековъ, устроенныхъ въ память прошлаго; съѣстные припасы, хотя и считались принадлежащими отдѣльнымъ семействамъ, въ сущности находились въ распоряженіи всѣхъ. „Въ индѣйской деревнѣ каждый, будь это мужчина, женщина или ребенокъ, говоритъ Catlin, если онъ голоденъ, можетъ войти и ѣсть во всякое жилище, хотя бы даже вождя племени. Даже самый бѣдный и бесполезный изъ членовъ племени, если онъ слишкомъ лѣнивъ для того, чтобы охотиться и зарабатывать себѣ пищу, можетъ рассчиты-

вать на то, что обитатели первого попавшагося дома раздѣлять съ нимъ всю пищу, которую имѣютъ. Однако же, если къ этой помощи прибѣгаетъ человѣкъ, способный самъ охотиться, онъ дорого оплачиваетъ свою пищу; его клеймятъ позорнымъ именемъ подлеца и нищаго. Туземецъ Каролинскихъ острововъ, отправляясь въ путь не обременяетъ себя съѣстными припасами; проголодавшись онъ входитъ въ первую встрѣчную хижину и, не спрашивая позволенія, опускаетъ свою руку въ сосудъ съ ророі—родъ тѣста изъ плодовъ хлѣбнаго дерева. Насытившись, онъ выходитъ, не поблагодаривши даже хозяина: онъ лишь воспользовался своимъ естественнымъ правомъ, совершилъ наиболѣе простую вещь въ мірѣ.

Эти коммунистическіе обычаи, бывшіе распространенными повсюду, въ Лакедемонѣ удержались долго спустя послѣ того, какъ спартанцы вышли изъ варварскаго состоянія. По словамъ Плутарха, Ликургъ, мионическая личность, которой они приписывали всѣ свои законоположенія, запретилъ имъ запираеть двери домовъ, дабы каждый могъ взойти и взять нужную ему пищу или домашнюю утварь даже во время отсутствія хозяина; каждый могъ также безъ позволенія сѣсть на лошадь, пользоваться охотничьими собаками и даже рабами всякаго другого гражданина.

Идея частной собственности, кажущаяся всякому буржуа чрезвычайно естественной, съ трудомъ нашла доступъ въ головы людей. Начавшіе размышлять люди подумали напротивъ, что все должно принадлежать всѣмъ.

„Индѣйцы думаютъ, говоритъ Гекевельдеръ (Hekewelder), что Великій Духъ создалъ міръ и все заключающееся въ немъ для общаго блага всѣхъ людей; и населяя землю и наполняя лѣса дичью, онъ дѣйствовалъ въ интересахъ не нѣсколькихъ, но всѣхъ людей вмѣстѣ. Все что дышетъ на землѣ и произрастаетъ въ полѣ, все, что населяетъ рѣки и воды предста-

вляеть достояніе всѣхъ и каждый имѣеть право на свою часть. Гостепрѣимство у нихъ не добродѣтель, а суровый долгъ. Каждый изъ нихъ скорѣе самъ ляжетъ не поѣвши, чѣмъ подвергнетъ себя упреку въ неисполненіи обязанности, въ томъ, что не удовлетворилъ надобности чужестранца, больного или нуждающагося; потому что всѣ они получаютъ помощь изъ общаго счета: потому что дичь, которой они питаются, если она поймана въ лѣсу, была до этого общимъ достояніемъ и овощи и маисъ, который они отдають, выросли на общественной землѣ волею Великаго Духа, а не человѣка ¹⁾).

Цезарь имѣлъ случай наблюдать аналогичный коммунизмъ у германцевъ; но онъ приписывалъ имъ мысли цивилизованныхъ народовъ и считалъ, что эти коммунистическіе обычаи имѣли цѣлью „поддержать между ними равенство, т. к. у нихъ всякій находился въ одинаковыхъ условіяхъ съ наиболѣе могущественными“. Какъ будто бы первобытный коммунизмъ и теперешній капитализмъ—произведенія человѣческой воли, а не развились первый—изъ требованій естественной среды, второй—изъ среды экономической или искусственной, т. к. она создана людьми. Достоверно однако же, что коммунизмъ въ производствѣ и потребленіи предполагаетъ и поддерживаетъ полнѣйшее равенство между членами рода и племени. Этотъ первобытный коммунизмъ не только сохранялъ равенство, но развивалъ чувства братства и великодушія, дѣлающія смѣ-

---

¹⁾ Гобсъ, одинъ изъ наиболѣе здравомыслящихъ умовъ современной эпохи былъ согласенъ съ этимъ воззрѣніемъ: «Природа, говоритъ этотъ безошадный логикъ, дала каждому изъ насъ одинаковое право на все»...

Естественное состояніе—когда всякій дѣлаеть и имѣеть все что ему вздумается. Отсюда распространенная фраза, что „природа всякую вещь дала всѣмъ“ и выводъ: въ „естественномъ состояніи полезность есть условіе права“. (De cive, Кн. I. гл. I.).

пными столь хваленое христіанское милосердіе и не менѣ знаменитую философскую филантропію. Эти благородныя качества восхищали людей, знавшихъ дикія племена до того, какъ они были развращены алкоголемъ, христіанствомъ, грубымъ меркантилизмомъ и заразительными болѣзнями цивилизованныхъ народовъ.

Ни въ какую другую эпоху человѣческаго развитія не встрѣчается такого полного, широкаго и простаго гостепріимства. Если къ ирокезу, по словамъ Моргана, войдетъ человѣкъ въ какой бы то ни было часъ дня, будь это житель этой деревни, членъ племени или чужестранецъ, первая обязанность женщинъ дома поставить передъ нимъ пищу. Пренебречь этимъ правиломъ было бы недостаткомъ вѣжливости, почти оскорбленіемъ. Если гость голоденъ, онъ ѣсть, въ противномъ же случаѣ онъ все таки изъ вѣжливости долженъ попробовать пищу и поблагодарить.

„Не помочь нуждающемуся считалось большимъ преступленіемъ, говоритъ James Adairs, и тотъ, кто его совершалъ, покрывалъ безчестіемъ не только себя, но и все свое племя“ ¹⁾. Гость считался священнымъ, даже если онъ былъ врагомъ. Тацитъ находить тѣ же нравы у Германцевъ варваровъ, только что вышедшихъ изъ этого первобытнаго коммунизма. Ни у какого другого народа, говоритъ онъ, нельзя встрѣтить такихъ богатыхъ пировъ и такого широкаго гостепріимства. Оттолкнуть отъ своего порога человѣка, каковъ бы онъ ни былъ, считается преступленіемъ. Каждый предлагаетъ гостю угощеніе по своимъ средствамъ; когда же запасы истощаются, тотъ, кто принималъ чужестранца, указываетъ ему новаго хозяина и они вмѣстѣ отправляются въ сосѣдній домъ

---

¹⁾ James Adairs History of the American Indians London; 1775.

безъ приглашенія, что однако не мѣшаетъ имъ быть принятыми не менѣ радушно. Разъ дѣло касается обязанностей гостепріимства, не различаютъ ни друзей, ни незнакомцевъ. Это широкое, братское радушіе было настолько развито у людей коммунистическаго періода, что продолжало господствовать даже по прошествіи его и исчезло лишь въ буржуазную эпоху цивилизаціи. Въ селеніяхъ эпохи коллективизма часть земель, оставшихся общественными, отведена для удовлетворенія нуждъ посѣтителей, которыхъ поселяютъ въ особомъ домѣ, находящемся въ ихъ распоряженіи и носящемъ часто названіе „дома гостей“. Эти факты наблюдались не только въ коллективистскихъ деревняхъ Индіи, но и въ тѣхъ, которыя существовали въ Овернѣ и Морванъ въ началѣ этого столѣтія.

Тацитъ и позднѣе Сальвіанъ, марсельскій епископъ конца IV-го вѣка, приводили въ примѣръ цивилизованнымъ римлянамъ варваровъ, жившихъ возлѣ нихъ. Американскій путешественникъ Catlin, прожившій отъ 1832-го до 1839 года среди наиболѣ дикихъ племенъ Сѣверной Америки, писалъ: „я ручаюсь, что цивилизованнымъ народамъ нечего учить ихъ добродѣтели и нравственности“. Путешественники, которые не были подобно Стэнли и Бразу (les Stanley et les Brazza), грубыми, жадными и жестокими комми-вожерами, не только признавали и удивлялись необыкновеннымъ качествамъ посѣщаемыхъ ими дикарей и варваровъ, но даже не колеблясь считали эти качества слѣдствіемъ господствовавшаго среди нихъ коммунизма. „Духъ братства среди краснокожихъ, говоритъ іезуитъ Charlevoix, отчасти объясняется тѣмъ, что „мое“ и „твое“, эти ледяныя слова, какъ ихъ называетъ св. Іоаннъ Златоустъ, еще совершенно неизвѣстны дикимъ. Заботы, которыми они окружаютъ сиротъ, вдовъ и несчастныхъ, гостепріимство, распространенное у нихъ въ такомъ широкомъ размѣрѣ, являются лишь слѣдствіемъ увѣрен-

ности въ томъ, что все должно принадлежать всѣмъ людямъ вмѣстѣ“ 1). Свободный мыслитель Lahontan, современникъ и критикъ іезуита Charlevoix, слѣдующими словами подтверждаетъ его мнѣніе: „Дикимъ неизвѣстны слова „мое“ и „твое“, т. к. можно сказать, что все, принадлежащее одному, въ равной степени принадлежитъ и другому. Деньги существуютъ лишь у христіанъ, живущихъ у воротъ нашихъ городовъ; остальные не хотятъ ихъ имѣть, ни даже видѣть и называютъ „змѣей французовъ“... Имъ кажется страннымъ, чтобы одинъ имѣлъ больше другого и чтобы имѣющій больше, пользовался большимъ почетомъ сравнительно съ имѣющимъ менѣе... Они никогда не ссорятся, не дерутся, не воруютъ и не клеветуютъ другъ на друга“ 2).

* * *

Этотъ первобытный коммунизмъ, не знающій торговли и, слѣдовательно, денежныхъ знаковъ, встрѣчавшійся лишь у дикихъ племенъ числомъ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, былъ примѣненъ также на широкихъ началахъ въ одной странѣ, и несмотря на то, что ея земледѣліе и промышленность были сравнительно мало развиты, обезпечилъ благосостояніе болѣе милліона человѣкъ и благоденствіе огромнаго государства. Въ моментъ завоеванія Перу жители его входили въ фазу коллективной семейной собственности: вмѣсто того, чтобы владѣть землею и обрабатывать ее сообща, они каждый годъ дѣлили ее между семействами, населяющими деревни, и однако же извѣстная часть земли, двѣ трети приблизительно, оставялась для Солнца—ихъ бога, и для инковъ—главенствующей касты. Эта земля обрабатывалась сообща; сборы съ нея шли на удо-

---

1) Charlevoix, Histoire de la Nouvelle France; 1741.

2) Lahontan, Voyage de Lahontan.

влетвореніе нуждъ культа инковъ и общественной администраціи, остальное же употреблялось на работы для общественныхъ нуждъ и дѣлилось между всѣми жителями соответственно ихъ нуждамъ. Шерсть съ огромныхъ стадъ ламъ, пасущихся въ Кордильерахъ, и хлопокъ, воздѣлываемый въ долинахъ, раздѣлялись такъ, чтобы каждому изъ семействъ хватило на одежду всѣхъ его членовъ.

Обработка общественныхъ земель и организація сбора хлѣбовъ были до такой степени совершенны, что испанцы, вышедшіе изъ Европы, гдѣ господствуютъ нищета, развратъ и воровство, и намѣревавшіеся цивилизовать, попали въ страну, незнающую бѣдствій, амбары которой были переполнены маисомъ и другимъ зерномъ. По словамъ Polo Ondegardo, одного изъ законовѣдовъ, посланныхъ для охраненія интересовъ испанской короны противъ жестокихъ и дикихъ авантюристовъ опустошавшихъ Перу, въ нѣкоторыхъ изъ этихъ амбаровъ „хватило бы пищи на десять лѣтъ“. Prescott приводитъ документъ, написанный однимъ солдатомъ изъ числа побѣдителей Sierra Lejesena, который признается, что когда конквистадоры, къ числу которыхъ принадлежалъ и онъ самъ, разрушили имперію инковъ, управленіе народа было настолько совершенно, что у нихъ не было ни воровъ, ни лѣнивыхъ, ни развратниковъ, ни женщинъ дурной жизни... что горы, росыпи, пастбища, лѣса и охоты были такъ мудро управляемы и раздѣлены, что каждый зналъ доставшуюся ему часть, владѣлъ ею, не боясь, чтобы ктонибудь ее похитилъ и ссоръ по этому поводу никогда не происходило... когда испанцы стали запираеть замками двери своихъ жилищъ, туземцы приписали это ихъ боязни быть убитыми индѣйцами, т. к. они не предполагали, чтобы кто либо могъ подумать взять чужую собственность. Когда же они замѣтили у насъ воровство и развратъ, то перестали относиться къ намъ съ уваженіемъ.

Законовѣдъ Ондегардо, видя, что подѣ властью инковъ „не было ни одного бѣднаго или нуждающагося индѣйца“, увѣряетъ, что такое предусмотрительное коммунистическое устройство, могъ установить только дьяволъ, желавшій, чтобы сердца дѣтей, которыя не должны больше помогать своимъ престарѣлымъ, бѣднымъ родителямъ, огрубѣли и чтобы уничтожилось чувство милосердія, разѣ богатые избавлены отъ необходимости творить милостыню бѣднымъ ¹⁾).

Развалины общественныхъ работъ коммунистической имперіи Перу, которая могла выставить въ моментъ ея завоеванія армію въ двѣсти тысячъ, подобно развалинамъ древняго коммунистическаго Египта, удивляетъ современныхъ строителей. Одинъ изъ акведуковъ, проходящій по округу Кондесуйу (Condésuyu) имѣлъ отъ 6 7-и до 8-ми километровъ длины и при помощи резервуаровъ и естественныхъ озеръ проводилъ воду въ самое сердце горъ. По дорогѣ, идущей изъ Квито въ Куско (Cusco), длиной отъ 2,500 до 3,000 километровъ, черезъ каждые 15 километровъ повторялись военныя укрѣпленія и баракы, окруженные каменнымъ парпетомъ очень большого діаметра; шоссе, шириною въ 7 футовъ, было вымощено широкими камнями и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ покрыто цементомъ болѣе твердымъ, чѣмъ гранитъ. Построенная въ гористой мѣстности, дорога эта переходила черезъ потоки и пропасти, черезъ которыя вели деревянные мосты. Гумбольдтъ, посѣтившій Перу въ началѣ этого столѣтія, не могъ не выразить своего удивленія „этому шоссе, выложенному по сторонамъ огромными камнями и напоминающему лучшія дороги римлянъ, которыя я видѣлъ въ Италіи, Франціи и Испаніи... Большая дорога инковъ есть одна изъ полезнѣйшихъ и въ то же время грандіознѣйшихъ работъ, которыя были когда либо выполнены

---

¹⁾ William H. Prescott, History of the conquest of Peru.

людьми“ ¹⁾). И эта чудовищная работа была произведена коммунистическимъ народомъ, не имѣющимъ выючныхъ животныхъ, и не знающимъ употребленія желѣза.

V.

Земельная собственность въ общемъ владѣніи.

Въ то время, какъ орды дикихъ, живущія охотою и сборомъ плодовъ и не имѣющія ни одного прирученнаго животного, за исключеніемъ собаки, бродили по землѣ вдоль береговъ рѣкъ и морей, останавливаясь тамъ, гдѣ находили большее обиліе пищи, онѣ не думали объ установленіи общей собственности на территорію охоты, перваго видаземельной собственности. Дикіе для полученія достаточнаго количества пищи должны владѣть огромными пространствами земли, т. к. земледѣліе находится у нихъ въ первобытномъ состояніи и они больше полагаются на природу, доставляющую имъ плоды, рыбъ и дичь; когда же въ одной изъ мѣстностей населеніе уплотнилось, пришлось прибѣгнуть къ раздѣлу водъ и земель между населяющими ихъ племенами.

Первоначально идея раздѣленія земли выразилась въ формѣ разграниченія участковъ охоты; впоследствии же, когда началось разведеніе скота, то были раздѣлены пастбища. Раздѣленные такимъ образомъ земли поступали въ общую собственность племени или нѣсколькихъ союзныхъ, или находящихся въ родствѣ между собою племенъ, которыя въ свою очередь дѣлили ихъ между входящими въ ихъ составъ кланами или родами. Идея частнаго владѣнія землей проникла въ человеческое сознаніе съ большимъ трудомъ и очень поздно „Земля—

---

¹⁾ Humbold, Vue des Cordillieres.

подобна огню и водѣ, она не можетъ принадлежать никому“, говорятъ американскіе Омахи (Omahas). Земля можетъ находиться лишь въ общемъ владѣніи у цѣлаго племени и не только у членовъ, находящихся налицо, но даже у имѣющихъ родиться; англійское правительство знаетъ объ этомъ по собственному опыту. Купивши землю у Маори (Maoris) съ согласія всѣхъ членовъ племени, оно продолжало получать новыя требованія денегъ при каждомъ новомъ рожденіи; потому что, по словамъ Маори (Maoris), они хотя и продали свои права владѣнія, но не могли располагать правами еще неродившихся членовъ. Правительство вышло изъ этого затрудненія лишь ассигновавши для племени извѣстный ежегодный платежъ, изъ котораго каждый вновь родившійся членъ общества получалъ свою часть. Библія отвергаетъ понятіе частной собственности: „Землю не должно продавать навсегда; ибо Моя земля; вы пришельцы и поселенцы у Меня“. (Левитъ. XXV; 23; (Паралипоменонъ XXIX, 15 и 16.).

Папа Левъ XIII въ своей знаменитой энцикликѣ направленной противъ социалистовъ выступилъ въ качествѣ борца за частную земельную собственность, позабывъ вѣроятно завѣты своего Бога; правда, что въ настоящее время евреи и христіане оставили культъ Іеговы для Бога—Собственности.

Человѣчество должно было пережить долгій и тяжелый періодъ развитія, прежде чѣмъ придти къ частной земельной собственности.

*
* * *

Огнеземельцы ограничиваютъ земли, на которыхъ они охотятся и которыя принадлежатъ всему племени, широкими незанятыми пространствами земли; по словамъ Цезаря у Свевовъ (Suèves) существовалъ тотъ же обычай; германцы называли это нейтральное пространство раздѣляющее владѣнія двухъ или нѣсколькихъ племенъ „пограничнымъ лѣсомъ“,

славяне—„лѣсомъ защиты“; въ Сѣверной Америкѣ полоса эта была уже между племенами, говорящими однимъ языкомъ и обыкновенно породнившимися, союзными, чѣмъ между племенами различныхъ нарѣчій.

Дигари и варвары древняго и новаго міра окружаютъ свои земли нейтральной полосой, для сохраненія своихъ средствъ къ существованію, то есть дичи и стадъ свиней, свободно пасущихся въ ихъ лѣсахъ. Всякій иноземець, встрѣченный на землѣ другого племени подвергается преслѣдованію; схваченный бываетъ изувѣченъ, иногда даже убитъ. По словамъ Гекевельдера краснокожіе обрѣзали носъ и уши всякому, кого встрѣчали на своей землѣ и отправляли его сказать главѣ его племени, что слѣдующій разъ онъ будетъ скальпированъ.

Феодальная поговорка „кто имѣетъ землю, долженъ воевать“ оправдывается въ эпоху дикости и возникновенія общинной собственности. Нарушеніе права охоты является главной причиной столкновеній и войнъ между сосѣдними племенами.

Эти незанятые пространства, первоначально предназначенныя для предотвращенія набѣговъ, превратились впослѣдствіи въ рынки, на которыхъ встрѣчались члены сосѣднихъ племенъ для обмѣна излишковъ потребленія. Англійскій король Гарольдъ, побѣдившій въ 1063 году кэмбрійцевъ, постоянно занимавшихъ территорію саксовъ, заключилъ съ ними условіе, по которому каждому вооруженному человѣку ихъ націи, найденному къ западу отъ окопа, построеннаго въ VIII-мъ вѣкѣ королемъ Оффю, будетъ отрублена правая рука. Саксы съ своей стороны воздвигли параллельный окопъ и пространство между двумя стѣнами сдѣлалось нейтральнымъ мѣстомъ для коммерсантовъ обѣихъ націй.

VI.

Происхождение раздѣленія труда.

Путешественники съ удивленіемъ констатировали, что между племенами дикарей существуетъ въ нравственномъ и фактическомъ отношеніи раздѣленіе половъ и что живутъ они отдѣльно. Это отдѣленіе половъ есть вѣроятно слѣдствіе прекращенія первобытнаго смѣшенія и половыхъ отношеній между братьями и сестрами, что было первоначально правиломъ. Раздѣленіе это, вынужденное интересами семейной нравственности, впоследствии укрѣпилось и получило поддержку благодаря разницѣ между занятіями обоихъ половъ и отчасти благодаря собственности. На мужчину возложена обязанность добыванія пищи и защиты, тогда какъ женщина посвящаетъ себя сбереженію, распредѣленію и приготовленію пищи для рода и изготовленію одежды и хозяйственныхъ принадлежностей. „Мужчина“, какъ говорилъ Физону одинъ Курнаи, „охотится, сражается, ловитъ рыбу и тѣмъ ограничивается вся его работа“; это значитъ, что все остальное есть дѣло женщины. Отсюда начинается раздѣленіе труда и, по замѣчанію Маркса, оно основано прежде всего на различіи половъ. Каждый изъ половъ, имѣетъ свои спеціальныя занятія, точно такъ же, какъ и соотвѣтствующій родъ собственности.

Дикарь можетъ понять существованіе личной собственности лишь, какъ слѣдствіе и освященіе пользованія: предметъ, который не можетъ быть присвоенъ человѣкомъ посредствомъ употребленія, не можетъ ему принадлежать. Мужчинѣ—воину и охотнику, должны принадлежать: оружіе, лошади и орудія рыбной ловли и охоты; женщинѣ же достается въ собственность пища, хозяйственныя принадлежности и другіе предметы, относящіеся къ ея занятіямъ; какъ мужчина

носить свое оружіе и дичь, такъ и она переноситъ на своей спинѣ все, что ей принадлежитъ, не исключая и своего ребенка, который представляетъ ея собственность, а не отца, который обыкновенно сомнителенъ или неизвѣстенъ.

Введеніе земледѣлія, представлявшаго главную причину раздробленія территоріи, бывшей до того общей собственностью племени, еще усилило раздѣленіе половъ.

Мужчина, оставшійся воиномъ и охотникомъ, всецѣло предоставляетъ женщинѣ работы въ полѣ, соглашаясь приходить къ ней на помощь иногда только во время жатвы; у пастушескихъ народовъ мужчина беретъ на себя заботу о стадахъ, что считается болѣе почетнымъ, чѣмъ земледѣльческія работы; у кафровъ—настьба скота считалась аристократическимъ занятіемъ. Древніе законы арійцевъ запрещали заниматься земледѣліемъ, какъ занятіемъ унижающимъ, двумъ главенствующимъ классамъ — браминамъ и кшатріямъ или воинамъ: „потому что“, говоритъ Ману, „добродѣтельные люди запрещаютъ браминамъ и кшатріямъ заниматься земледѣліемъ, такъ какъ желѣзный конецъ плуга ранитъ землю и людей, находящихся въ ней“. (Законъ Ману гл. X). Цари въ волшебныхъ сказкахъ берутъ себѣ въ жены обыкновенно пастушекъ, считающихся благороднаго происхожденія.

Пользованіе есть единственное возможное и понятное основаніе собственности у дикарей, поэтому то земельная собственность семей при своемъ возникновеніи считается принадлежащей женщинѣ. Во всѣхъ обществахъ, гдѣ патриархальная форма семейства не вполне вытѣснила матриархальную, земельная собственность находится въ рукахъ женщинъ; явленіе это наблюдается у египтянъ, у наировъ (des Nairs) Малабарскаго берега, у туареговъ африканской пустыни и басковъ Пиринейскихъ горъ.

Во времена Аристотеля двѣ пятыхъ всей территоріи Спарты принадлежали женщинамъ. Земельная собственность, долженствовавшая эмансипировать своего владѣльца и доставить ему главенство въ обществѣ, первоначально послужила причиной зависимости: женщины были осуждены на тяжелыя полевыя работы, какъ впоследствии—рабы.

Земледѣліе, приведшее человечество къ частной земельной собственности, ввело рабскій трудъ.

VII.

Обработка земли сообща.

Во время существованія первобытнаго коммунизма, земли, принадлежащія племени, вспахиваются и засѣваются сообща. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Индіи, говоритъ въ своихъ запискахъ Непархъ (Néarque), одинъ изъ полководцевъ Александра, очевидецъ событій происходившихъ въ IV-мъ вѣкѣ до нашей эры, земли обрабатываются сообща племенами или группами семействъ, которыя въ концѣ года дѣлятъ между собою урожай. Стефень, на котораго есть ссылки у Моргана, описываетъ лагерь индѣйцевъ Майа (Maia) съ Юкатана, которые владѣли своими землями и обрабатывали ихъ сообща. Діодоръ рассказываетъ, что у жителей Липарскихъ острововъ, у береговъ Сициліи, земля находилась въ общемъ владѣніи и что одна часть жителей посвящала себя обработкѣ земли, другая же сраженіямъ съ тиренскими пиратами; позднѣе, когда Липарскій островъ былъ раздѣленъ между ними по жребію, другіе мелкіе острова все же оставались въ общемъ владѣніи и обрабатывались жителями сообща. По словамъ

Цезаря, Свевы, „наиболѣе могущественная и воинственная нація всей Германіи“, не имѣли частныхъ, отдѣленныхъ полей (*privati ac separati agri*): ежегодно каждый изъ ихъ ста кантоновъ выставялъ тысячу воиновъ, шедшихъ сражаться въ чужія страны; тѣ же, кто оставались у домашнихъ очаговъ, должны были обрабатывать общія поля. Это обыкновеніе владѣть полями и обрабатывать ихъ сообща сохраняется даже по прошествіи эпохи коммунизма. Въ русскихъ деревняхъ, гдѣ господствуетъ режимъ единокровнаго коллективизма, часто встрѣчаются земли „обрабатываемыя обществомъ, такъ называемая „общественная запашка“; сборы же дѣлятся между всѣми семействами міра“. Въ другихъ деревняхъ земли дѣлятся между семействами лишь послѣ совмѣстной вспашки. Донскіе казаки вмѣстѣ косятъ траву на своихъ недѣленныхъ лугахъ и дѣлятъ уже скошенное сѣно. Это постоянство коммунистической культуры можно встрѣтить и не только въ Россіи, класической странѣ единокровнаго коллективизма: въ 1877 году М. Миллеръ писалъ Моргану изъ Таоса (Taos), индѣйскаго селенія Новой-Мексико, что въ каждомъ *pueblo* обрабатывается сообща мансовое поле, сборъ съ котораго, порученный наблюденію *кацика* , находится въ распоряженіи нуждающихся. Законы Валисса, написанные въ IX-мъ вѣкѣ, постановляютъ, что каждое семейство должно получать около двухъ гектаровъ въ свое частное владѣніе, но что известная часть земли должна быть отведена для обработки общественной.

Урожай съ земель, недѣленныхъ и обрабатываемыхъ сообща, идутъ иногда на погашеніе общественныхъ издержекъ, вмѣсто того, чтобы быть раздѣленными между жителями деревни. Гоммъ (*Gomme*) въ своемъ *Village community* приводитъ одно селеніе въ графствѣ Метъ (*Meath*) въ Ирландіи, гдѣ сборы съ общихъ полей употребляли на плату десятины

и налоговъ; въ нѣкоторыхъ общинахъ Индіи они идутъ въ вознагражденіе должностнымъ лицамъ (кузнецъ, священникъ, школьный учитель и т. д.), служащимъ всѣмъ членамъ общины. Изъ Иліады и Одиссеи мы узнаемъ, что въ Греціи также какъ и въ Перу существовало отдѣльное священное поле—*temenos*, посвященное мѣстнымъ богамъ и военному начальнику—базилевсу.

Въ Шотландіи самъ діаволь имѣлъ свое поле и такъ какъ демонъ требуетъ вѣжливаго обращенія съ собою, поле его называли „землю добраго человѣка“ (*gude man's land*); его обыкновенно оставляли невоздѣланнымъ.

Афинское государство отдавало свои общія земли въ аренду и часть полученнаго отсюда дохода употребляло на содержаніе священныхъ проститутокъ, услуги которыхъ евпатридамъ, послѣдними не оплачивались.

Около двухъ третей всей пахотной земли въ Перу оставалось общинной собственностью и принадлежало Солнцу и инкамъ. Жители, прежде чѣмъ пахать и засѣвать землю, достающуюся имъ по ежегодному раздѣлу, сообща работали на земляхъ Солнца, сборъ съ которыхъ удовлетворялъ нужды культа и затѣмъ дѣлился между всѣми. Совмѣстная работа была такъ же пріятна, какъ общественное празднество. На разсвѣтѣ съ вершины башни или какой нибудь возвышенности созывали все населеніе; мужчины вмѣстѣ съ женщинами и дѣтьми сбѣгались въ праздничныхъ одеждахъ и своихъ лучшихъ украшеніяхъ. Толпа принималась за работу съ пѣніемъ гимновъ, прославляющихъ великія дѣянія инковъ, и исполняла ее съ тѣмъ увлеченіемъ и весельемъ, которыя царствуютъ обыкновенно на общественныхъ работахъ въ коммунистическихъ обществахъ варваровъ и дикарей.

VIII.

Общая собственность на движимыя имущества.

Въ настоящее время достоверно извѣстно, что земля и ея произведенія (злаки, рыба и дичь) первоначально, въ племени и родѣ, были общей собственностью, также какъ и первые, чрезвычайно немногочисленные у дикарей, предметы движимаго имущества (оружіе, лодки, принадлежности рыбной ловли и простѣйшая домашняя утварь), причислявшіеся также къ общему имуществу.

Такой коммунизмъ удерживается даже въ то время, когда среди варварскихъ племенъ стало умножаться движимое имущество (стада, рабы, драгоценные камни и металлы и т. д.). Это то движимое имущество, способствующее накопленію богатствъ частными лицами и торговлѣ, остается въ теченіе многихъ тысячелѣтій бичомъ человѣчества и производитъ со временемъ ужасную революцію, которая низводитъ женщину съ ея прежняго высокаго общественнаго положенія и побуждаетъ слабого и безсознательнаго человѣка воздвигнуть на развалинахъ первобытнаго коммунизма и единокровнаго коллективизма злосчастную личную собственность.

Пока земледѣліе и промышленность оставались въ зачаточномъ состояніи, въ первобытныхъ коммунистическихъ обществахъ не было мѣста рабству; военнопленныхъ предавали казни или же принимали въ число членовъ рода, нуждающагося въ войнахъ. Обработка земель, успѣхи промышленности и прирученіе животныхъ привели къ рабству: теперь въ сохраненіи и пріобрѣтеніи рабовъ находили матеріальную выгоду, т. к. ихъ можно было употреблять на различныя работы. Война, которую раньше вели между собою племена лишь съ

цѣлью завоеванія или охраненія территоріи охоты, становится по мѣрѣ накопленія движимыхъ имуществъ средствомъ къ приобрѣтенію хлѣба, стадъ, рабовъ и драгоценныхъ металловъ. Варваръ, воинъ и охотникъ, ненавидитъ работу и раньше, чѣмъ согнуться подъ тяжестью земледѣльческихъ работъ, онъ посвящаетъ свою энергію на то, чтобъ сдѣлаться пиратомъ, вонномъ или разбойникомъ. Разбой появляется параллельно съ накопленіемъ движимыхъ имуществъ.

Греки до историческихъ временъ также были отважными пиратами, они рыскали по берегамъ Средиземнаго моря и прятались съ добычей въ своихъ акрополяхъ, которые ютились на скалахъ, какъ орлиныя гнѣзда. Драгоценный отрывокъ греческой застольной пѣсни (skolion d'Hibrias) даетъ намъ понятіе о жизни и чувствахъ воина-варвара. Герой ея поетъ: „мое богатство—мое копье, мой мечъ и щитъ—охрана моего тѣла; ими я пашу, ими жну, ими собираю сладкій сокъ винограда, и они же дѣлаютъ меня хозяиномъ *mpoia* (рабовъ общины). А тѣ, кто не смѣетъ носить копьа и прекраснаго щита, пусть стануть передо мною на колѣни, какъ передъ хозяиномъ, и назовутъ меня великимъ главою“.

Лемникаймень, „веселый“ герой Калевалы, эпической финской поэмы, также поетъ: „золото мое старо, какъ луна, а серебро появилось вмѣстѣ съ солнцемъ; они смѣло завоеваны въ битвахъ... Одна маленькая монетка, добытая въ сраженіи, дороже всего золота и серебра, полученнаго съ помощью плуга 1).

---

1) Странствующие рыцари конца среднихъ вѣковъ, разоренные крестовыми походами и лишенные земли, жили исключительно войною; они, какъ греческій герой, называли добычу, полученную на войнѣ, „жатвой шпага“. По словамъ поэта той эпохи—мечъ былъ ихъ кормильцемъ (*gagne pain*):

Dont i est gagne—pains nommee
 Car par li est gagnes li pains.
 (Pélerinage du monde, par Guigneville).

Грабежъ на землѣ и на морѣ есть любимое занятіе варваровъ; даже занявшись земледѣліемъ, они не перестаютъ быть пиратами. По словамъ Цезаря, свевы одновременно занимались обоими промыслами: ежегодно одна часть воиновъ ихъ націи обрабатывала землю, другая же отправлялась въ походъ; по возвращеніи же ся, первая часть, въ свою очередь, предпринимала экспедицію. Добыча, привозимая ими, вѣроятно, дѣлилась между всѣми, такъ какъ остававшіеся дома обязаны были обрабатывать земли общины. Они были коммунистами и въ земледѣліи и въ грабежѣ. Впослѣдствіи коммунизмъ исчезъ, но страсть къ грабежу осталась. Аоніане время господства частной собственности сохранили свои хищническіе нравы. Солонъ поддерживалъ въ Аоннахъ коллегіи пиратовъ. По словамъ Фукидида, „древніе не находили ничего безчестнаго въ занятіяхъ пиратовъ“; наоборотъ, капиталистическія націи окружаютъ ихъ большимъ почетомъ; всѣ современныя колониальныя предпріятія представляютъ собою лишь войны пиратовъ.

Герои-варвары, пристава къ берегамъ Средиземнаго моря, похищали мужчинъ, женщинъ, скотъ, хлѣбъ и движимыя имущества. Мужчины, обращаемые въ рабство, оставались общей собственностью, пока землю владѣли сообща; позднѣе ихъ стали дѣлить по жребію. Въ городахъ Крита, одного изъ первыхъ острововъ, населенныхъ этими отважными пиратами, во времена Аристотеля существовали группы рабовъ, называемыхъ *mnotae*, которые обрабатывали государственныя владѣнія, кормившія своими урожаями всѣхъ гражданъ ¹⁾. Это владѣніе

---

¹⁾ Въ Греціи существовало два класса рабовъ: общественные рабы, *koine douleia*,—группа общихъ рабовъ, принадлежащихъ государству, и *klarotes*, т. е. дѣленные по жребію—собственность частныхъ лицъ. Въ Аоннахъ было много государственныхъ рабовъ, не обработывавшихъ земли, а исполнявшихъ должности палачей, полицейскихъ агентовъ, низшихъ чиновниковъ администраціи и т. д.

рабами сообща, какъ и можно было ожидать, встрѣчается еще въ Индіи, этомъ обширномъ хранилищѣ обычаевъ самаго отдаленнаго прошлаго. Въ 1830 году Hadgson описывалъ деревню, расположенную въ 45 километрахъ къ сѣв.-зап. отъ Мадраса, жители которой въ своихъ работахъ употребляли рабовъ, бывшихъ безспорно общей собственностью, потому что, когда кто нибудь продавалъ или закладывалъ свою часть земель, принадлежащихъ общинѣ, то продавалъ въ то же время и прикрѣпленныхъ къ ней рабовъ ¹⁾. Средневѣковые города и даже деревни сообща владѣли крѣпостными.

Во всѣхъ странахъ земля, ея произведенія, домашнія животныя и рабы первоначально являлись общою собственностью племени и рода. Коммунизмъ былъ колыбелью человѣчества. Цивилизація повсюду разрушила этотъ первобытный коммунизмъ, остающіеся слѣды котораго, несмотря на жадность дворянства и буржуазіи, представляютъ собою общественныя имуществва. Вліяніе цивилизаціи, однако, двойственно: съ одной стороны она разрушаетъ, съ другой—созидаетъ: такъ, разбивая коммунистическій строй варварскаго и дикаго человѣчества, она организуетъ элементы новаго коммунизма.

Прoslѣдимъ двоякое движеніе цивилизаціи, какъ разрушительное, такъ и созидательное.

---

¹⁾ Transactions of the Royal Asiatic Society. 1830.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Единокровный коллективизмъ .

I.

Раздробленіе рода на патріархальныя и матриархальныя семьи.

Исторія собственности въ началѣ своего развитія настолько тѣсно связана съ исторіей семьи, что необходимо сказать нѣсколько словъ о превращеніяхъ послѣдней, указавъ читателю на трудъ Ф. Энгельса „О происхожденіи семьи“, въ которомъ тема разработана съ достаточной компетентностью и полнотой ¹⁾).

Первоначально родъ или кланъ образуетъ одно большое, неделимое семейство, члены котораго помѣщаются подъ одной крышей и живутъ вмѣстѣ. Дѣти всѣ принадлежатъ роду, считаютъ другъ друга братьями и сестрами и называютъ отцами и матерями всѣхъ, мужчинъ и женщинъ одного поколѣнія съ ихъ родителями. Это смѣшеніе не мѣшаетъ однако матерямъ-дипкаркамъ, узнавать своихъ собственныхъ дѣтей съ большей увѣренностью, чѣмъ нѣкоторые цивилизованныя матери, дѣтей которыхъ кормилицы часто даже подмѣниваютъ. Дѣти естественно, сгруппировываются вокругъ своихъ настоящихъ матерей, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда запрещены

---

¹⁾ F. Engels. L' Origine de la famille, de la propriété privée et de l'Etat; d. Carré éditeur, 1893.

половые сношенія въ средѣ одного и того же клана, и женщина беретъ себѣ мужа или мужей изъ другого клана, при чемъ отецъ становится чужеземцемъ, иногда даже мимолетнымъ гостемъ. Естественно, что при такихъ условіяхъ мать становится главою возникающей семьи; теперь, несомнѣнно, установленъ тотъ фактъ, что такъ было дѣйствительно во всѣхъ чело-вѣческихъ расахъ.

Изъ сказаннаго выше извѣстно, что въ общемъ жилищѣ клана замужнія женщины имѣли свои отдѣльныя комнатки, въ которыхъ сохранялись общіе съѣстные припасы, раздававшіеся потомъ по числу женщинъ. Индивидуальное семейство тогда зарождалось въ матриархальной формѣ въ самой средѣ коммунистической семьи—рода. Когда замужнія женщины, забирая съ собою дѣтей, младшихъ незамужнихъ сестеръ и братьевъ, жены которыхъ жили въ другихъ кланахъ, отдѣлялись, чтобы основаться самостоятельно, общій домъ распался на столько частныхъ, сколько было новыхъ семействъ. Индивидуализація семьи въ матриархальной формѣ повела за собой распаденіе общаго жилища. Мать дѣлается главой дома, *despoïna*,—властвующей, какъ говорили Лакедемоняне; къ этому времени относится и зарожденіе семейной земельной собственности.

Начало ея скромно, т. к. она ограничивается кускомъ земли, на которомъ стоитъ домъ; это—*terra salica* 1).

1) Выраженіе *terra salica* послужило поводомъ ко многимъ спорамъ: до XVIII-го столѣтія историки переводили его какъ земля благородная, розданная Хлодвигомъ за военную службу и т. п. Мабли въ своихъ „Замѣткахъ по исторіи Франціи“ опредѣляетъ это слово, какъ оставленную въ наслѣдство недвижимость, отцовское владѣніе, у салическихъ франковъ, а не какъ жалованный бенефицій.

Guégard находитъ дѣйствительное его значеніе показавши, что слово *salica* происходитъ отъ старогерманскаго *sala*, что

Во время господства матриархата имущества движимыя, какъ и недвижимыя, передаются по женской линіи; наслѣдство получаютъ отъ матери или ея родителей, а не отъ отца и его родителей. На Явѣ, гдѣ существуетъ еще эта форма семьи, движимое имущество мужчины переходитъ къ семейству его матери и онъ не въ правѣ давать что либо своимъ дѣтямъ, живущимъ съ матерью въ другомъ кланѣ, безъ согласія братьевъ и сестеръ, его естественныхъ наслѣдниковъ. Судя потому, что намъ извѣстно изъ жизни египтянъ и другихъ народовъ, мужчина въ матриархальной семьѣ занимаетъ подчиненное положеніе; у басковъ, гдѣ, несмотря на христіанство и цивилизацію, сохранились первобытные семейные нравы, старшая дочь, наслѣдующая по смерти матери семейное имущество, получаетъ въ тоже время власть надъ младшими братьями и сестрами. Мужчина находится подъ опекой въ своемъ собственномъ домѣ; всю жизнь ему приходится подчиняться власти женщины, въ качествѣ сына, брата или мужа; вся собственность его заключается въ томъ, что онъ получаетъ отъ сестры, когда женится. „Мужъ—первый слуга своей жены“ говорить поговорка басковъ ¹⁾).

значить домъ. Слѣдовательно буквально значеніе terra salica—земля дома, земля, на которой онъ стоитъ и которая принадлежитъ семейству, представляемому сначала матерью, а затѣмъ отцомъ.

¹⁾ Это высокое положеніе женщины при первыхъ шагахъ челоѣчества доказываетъ, скажемъ это мимоходомъ, что физическое и умственное превосходство мужчины не есть первоначальная физиологическая необходимость, но лишь результатъ продолжавшагося нѣсколько столѣтій экономическаго и соціальнаго положенія, позволившаго ему развить свои способности болѣе свободно и совершенно, чѣмъ женщинѣ, которую держали въ подчиненіи и семейномъ рабствѣ. Врота въ своемъ спорѣ съ Gratioletъ объ отношеніи объема и вѣса мозга къ умственнымъ способностямъ высказалъ мысль, что низшая степень

Эта зависимость мужчины от женщины соединялась часто съ ревнивой злобой сильнаго пола и съ раздѣленіемъ половъ на два враждебныхъ класса, отличающихся религиозными обрядами и особымъ тайнымъ языкомъ. Для воина дикихъ племенъ долины Миссисипи и для грека гомерическихъ временъ, едва вышедшаго изъ матриархата, названіе женщины было тяжкимъ оскорбленіемъ.

По словамъ Геродота, Сезострисъ, желая увѣковѣчить память о своихъ побѣдахъ, ставилъ у побѣжденныхъ народовъ обелиски, и для того чтобы показать свое презрѣніе къ тѣмъ, кто не оказалъ ему сопротивленія, изображалъ на нихъ, какъ эмблему подлости, половой органъ женщины; воспоминаніе объ этомъ чувствѣ сохранилось въ простонародномъ языкѣ фран-

---

умственного развитія женщины зависитъ отъ несовершенства ея образованія.

Манувриэ, ученикъ Брока (Broca), профессоръ антропологической школы въ Парижѣ, нашель, что измѣренная имъ вмѣстимость мужскихъ череповъ каменнаго періода приблизительно одинакова со средней вмѣстимостью череповъ современныхъ парижанъ; что же касается женщинъ, то, по его мнѣнію, черепа современныхъ парижанокъ уступаютъ по вмѣстимости черепамъ женщинъ каменнаго вѣка.

Средняя вмѣстимость череповъ современныхъ парижанъ.

Число измѣренныхъ череповъ.	Вмѣстимость въ кубич. сантим.
77 мужскихъ	1.560.
41 женскій	1.938.

Средняя вмѣстимость череповъ каменнаго вѣка.

58 мужскихъ	1.544.
30 женскихъ	1.422.

Средняя вмѣстимость череповъ мужскихъ у дикихъ не доходитъ до 167-ми куб. сантим., тогда какъ вмѣстимость женскихъ череповъ равна болѣе чѣмъ 84 куб. сантиметрамъ.

(Z. Manouvrier, de la Quantité de l'encéphale [Mèmoires de la société d'Anthropologie de Paris, III, 1885]).

Собственность.

цуювъ, на которомъ именемъ того же органа называютъ глупаго человѣка. И наоборотъ, у воинственныхъ женщинъ дагомейскаго племени эпитетъ мужчины считается браннымъ словомъ. Замѣнивъ женщину въ управленіи семьею, мужчина подорвалъ ея власть, завладѣлъ имуществомъ и удовлетворилъ чувству зависти.

По всей вѣроятности эта семейная революція произошла подъ вліяніемъ накопленія движимаго имущества, послѣ чего въ лишеніи женщины власти представлялась выгода. Эта перемѣна произошла болѣе или менѣе быстро и у различныхъ народовъ. Лакедемонянки сохраняли до временъ историческихъ часть своей независимости и имущества, что давало поводъ Аристотелю говорить, что наибольшую властью женщины пользуются у народовъ, исключительно преданныхъ войнѣ; въ Аѳинахъ же и другихъ приморскихъ городахъ, рано разбогатѣвшихъ благодаря торговлѣ, женщины были насильственно лишены своихъ правъ и собственности. Женщины въ Атикѣ защищали свои привилегіи съ оружіемъ въ рукахъ и сражались съ такой отчаянной энергіей, что воспоминаніе объ этой героической борьбѣ сохранилось не только въ мнѳологіи, но даже въ греческой исторіи.

Изъ этого краткаго очерка эволюціи семьи я вывожу тотъ важный фактъ, что основаніе индивидуальнаго семейства сперва въ матриархальной, затѣмъ въ патриархальной формѣ, разрушило коммунизмъ рода. Въ немъ образовались отдѣльныя семьи съ своими личными интересами, независимыми отъ рода; послѣдній уже не представлялъ одной общей семьи всѣхъ своихъ членовъ, а лишь группу единокровныхъ семействъ, т. е., происходящихъ отъ общаго предка.

Общая собственность рода въ свою очередь должна была раздробиться и образовать частную собственность раздѣленныхъ семей.

II.

Собственность единокровнаго коллективизма.

Несмотря на то, что родъ распадается на частныя матриархальныя или патриархальныя семьи, земли продолжают находиться въ общемъ владѣніи, хотя обработка ихъ и потребление продуктовъ уже не производится сообща всѣмъ кланомъ; ежегодно урожай дѣлится между всѣми раздѣленными семьями клана; каждая изъ нихъ обрабатываетъ свою часть и одна владѣетъ продуктами, которые она получила самостоятельнымъ трудомъ. Это еще не частная земельная собственность, но лишь частное пользованіе землею.

Семья состоитъ не изъ одной четы, а изъ нѣсколькихъ домовъ тѣсно связанныхъ родствомъ; она составляетъ „очагъ“ *un feu* по средневѣковому выраженію, то есть группу хозяйствъ живущихъ общиной, „за однимъ хлѣбомъ и однимъ горшкомъ“ и вокругъ одного очага.

Мѣсто коммунизма рода заступаетъ коммунизмъ большаго или меньшаго количества семействъ, соединенныхъ узами крови; появляется такимъ образомъ единокровный коллективизмъ ¹⁾.

---

¹⁾ Изслѣдованія единокровной коллективной собственности подъ названіями *миръ*, *Марка*, сельская община и т. д. были произведены въ Германіи Гакстаузенемъ, Мауреромъ, Энгельсомъ и др.; въ Англіи Кемблемъ, Мэнномъ, Гоммомъ и др.; въ Бельгіи Лавеле; въ Россіи Г-жей Ефименко и Ковалевскимъ; во Франціи — Полемъ Виолэ.

Я даю этой формѣ собственности названіе единокровнаго коллективизма, чтобы отличить ее отъ первобытнаго коммунизма, отъ котораго она происходитъ и еще потому, что первоначально семейства, имѣющія право на ежегодный раздѣлъ земель общины, обыкновенно происходили отъ одного общаго предка

Пахотныя земли дѣлятся на узкія и длинныя полосы, которыя потомъ соединяются по столько кусковъ, сколько хозяйствъ бываетъ въ очагѣ; эти куски, составленные изъ полосъ разнаго качества должны быть какъ можно ровнѣе, такъ какъ при раздѣлахъ каждое хозяйство получаетъ количество земли равное тому, сколько можетъ вспахать за два дня пара быковъ; въ Индіи эта единица мѣры равняется удвоенному количеству земли, которое можно вспахать заразъ однимъ плугомъ, а въ Римѣ она равняется двумъ югерамъ ¹⁾).

Часть земель оставлена въ расчетъ на приростъ населенія, для общихъ издержекъ, уплаты податей и жалованія должностнымъ лицамъ селенія и т. д. Эта запасная земля сначала обрабатывалась сообща, впоследствии же бралась на откупъ.

Участки земли дѣлятъ по жребію во избѣжаніе несправедливости и поводовъ къ неудовольствію. Этотъ дѣлежъ земли и бросаніе жребія при распределеніи участковъ ея встрѣчается у всѣхъ народовъ.

Всевышній повелѣваетъ израильтянамъ при вступленіи въ землю обѣтованную, раздѣлить земли между колѣнами и семьями соотвѣтственно количеству ихъ членовъ и распределеніе предоставить судьбѣ. На греческомъ и латинскомъ языкахъ слово судьба—*Kleros* и *sors* означаетъ также и родовое

---

¹⁾ Варронъ и Плиній разсказываютъ, что Ромуль, отдѣливъ землю для культа и общественнаго имущества, подобно обычаю, существовавшему въ Перу, составилъ три части для каждой изъ трехъ трибъ, каждую часть раздѣливъ на тридцать кусковъ для тридцати курій, а эти куски въ свою очередь были раздроблены на мелкія части, такъ что каждое семейство получило часть земли, соотвѣтствующую двумъ югерамъ. *Jugum* или *jugerum* есть мѣра поверхности, обозначающая количество земли, которое можетъ вспахать въ день упряжка быковъ.

имѣніе, такъ какъ отцы семействъ получали по жребію семейныя владѣнія. Въ случаѣ, если кто недоволенъ, и его жалоба основательна, ошибку поправляютъ, награждая обиженныхъ землею изъ запаса.

Присутствовавшихъ на этихъ земельныхъ раздѣлахъ поражали особенно господствующій при раздѣлѣ духъ равенства и землемѣрное искусство поселянъ. По словамъ Гакстгаузена „по приказанію русскаго министра государственныхъ имуществъ графа Киселева въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Воронежской губерніи, были произведены измѣренія и оцѣнка земель профессиональными землемѣрами и оцѣнщиками, въ совершенствѣ знающими свое дѣло. Результаты этой работы показали, что измѣренія, произведенныя раньше крестьянами были во всѣхъ пунктахъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ незначительныхъ мелочей, тождественны съ истиной. И кто знаетъ еще какое изъ двухъ измѣреній вѣрнѣе“ ¹⁾?

Пастбища, лѣса, воды, право охоты и рыбной ловли, право различныхъ пользованій и доходы, какъ то налоги, взимаемые съ каравановъ и купцовъ и т. п., оставались недѣлимыми и находились въ общей собственности всѣхъ жителей селенія.

Несмотря на то, что пахотныя земли подвергались періодическимъ раздѣламъ между семействами, которымъ принадлежалъ и собранный хлѣбъ, землею владѣло селеніе, то есть общество входящихъ въ его составъ семействъ. Обработка земли производится подъ надзоромъ совѣта старѣйшинъ или уполномоченнаго имъ лица. „Отдѣльное семейство не можетъ обрабатывать по своему желанію свою часть“, говоритъ агрономъ Маршаль о селеніяхъ англійскихъ коллективистовъ прошлаго

---

¹⁾ A. de Haxthausen, Etude sur la situation intérieure, la vie nationale et les institutions rurales de la Russie, французское изданіе 1848.

вѣка. „Оно должно засѣвать свою землю тѣмъ же зерномъ, что и остальные семьи общины“ ¹⁾. Даже когда земля перестаетъ дѣлиться, собственнику принадлежитъ только ея поверхность; „всякая драгоценность, найденная на его полѣ, принадлежитъ не ему, но идетъ общинѣ: то же правило существуетъ относительно металловъ и угля, добываемыхъ посредствомъ разрыванія поверхности. Всѣ эти права были похищены сенейрами и королями въ ихъ исключительную пользу“ ²⁾. Вѣчная концессія копей во Франціи является нарушеніемъ правъ общины. Въ этихъ общинахъ обыкновенно принимается трехпольная или четырехпольная система обработки... Всѣ пахотныя земли селенія раздѣлены на три равныя части, засѣяныя поочередно: первая озимымъ хлѣбомъ (рожь и озимая пшеница), вторая яровымъ (ячмень, овесъ, горохъ и др.); на третій же годъ онѣ остаются подъ паромъ.

Родъ посѣвнаго зерна, время посѣва и жатвы устанавливаются коммунальнымъ совѣтомъ. Каждая индѣйская деревня, какъ говоритъ Ж. Кэмпбелъ, имѣетъ своего астролога, такъ называемаго брампна—календаря, на обязанности котораго лежитъ указывать дни, благопріятствующіе посѣву и жатвѣ. Гакстгаузенъ, внимательный и безпристрастный наблюдатель коллективистскихъ нравовъ русскаго міра, находитъ на полевыхъ работахъ безукоризненный порядокъ, напоминающій военную дисциплину. Всѣ крестьяне выѣзжаютъ въ поле въ одинъ и тотъ же день и часъ, всякій занимается своей работой, одинъ пашетъ, другой боронитъ и т. д. и возвращаются также вмѣстѣ. „Такой порядокъ не предписывается властью сельскаго старосты, они суть лишь результатъ духа общительности,

---

¹⁾ Marshall, Elementary and practical treatise on landed property; 1804.

²⁾ F. Engels, Socialism utopian and scientific; 1892.

отличающаго русскій народъ и, потребности единенія и порядка, оживляющей общину“. Эти характерныя черты, удивлявшія прусскаго чиновника, считавшаго ихъ присущими исключительно русскому народу, суть производныя коллективной формы собственности и встрѣчаются повсюду.

Мэнъ, который въ качествѣ юрисконсульта англійскаго правительства въ Индїи имѣлъ полную возможность изучить деревенскія общины, говоритъ: „Совѣтъ старѣйшинъ не издаетъ никакихъ постановленій, онъ лишь объявляетъ, что таковъ обычай и обнародуетъ лишь то, что считаетъ предписаннымъ высшей властью; тѣ, кто съ наибольшимъ правомъ могутъ говорить объ этомъ предметѣ, утверждаютъ, что въ основѣ ихъ обычаевъ не лежитъ религіозная или политическая санкція и что древность этихъ обычаевъ служитъ единственнымъ основаніемъ для слѣпонаго имъ повиновенія“ ¹⁾.

Военная дисциплина, о которой говоритъ Гакстгаузенъ, является совершенно естественной и далека отъ той насильственной дисциплины, примѣромъ которой могутъ служить движенія солдатъ или дѣйствія рабочихъ *Bonanza farms* этого колоссальнаго земледѣльческаго предпріятія американскаго дальняго запада.

По окончаніи жатвы раздѣленныя земли вновь поступаютъ въ общую собственность и каждый изъ жителей деревни имѣетъ право пасти на нихъ свой скотъ. Обычай оставлять въ общемъ владѣніи незасѣяныя земли сохранялся во Франціи долгое время послѣ возникновенія частной земельной собственности; земли дворянъ также не были изъяты изъ этого обычнаго права. Буржуазія XVIII-го вѣка горько жаловалась на этотъ послѣдній остатокъ древняго коммунистическаго права. По словамъ

---

¹⁾ H. G. Maine, *Village communities in the East and the West.*

лауреата безансонской академіи, „Право это (*droit de parcours ex de vaine pâture*) частью уничтожаетъ право собственности. Имѣніе, отягченное этимъ правомъ становится общественнымъ достояніемъ съ того момента, какъ собственникъ его окончить въ назначенный ему день жатву. Его право собственности прекращается и передается на время обществу“ ¹⁾).

Первоначально земля дѣлилась только между отцами семействъ, потомками первыхъ людей, занявшихъ эту землю, поэтому каждый изъ жителей деревни долженъ былъ знать и умѣть доказать свое происхожденіе. Въ нѣкоторыхъ коммунахъ Индіи существуетъ спеціальныи классъ людей, занимающихся составленіемъ и храненіемъ генеалогическихъ таблицъ; они могутъ назвать, не пропустивъ ни одного, имена всѣхъ предковъ. Въ Атикѣ семейные списки велись тщательно и за внесеніе въ нихъ ребенка, не принадлежащаго по закону къ племени, полагалось строгое наказаніе ²⁾. Баварцы и англо-саксы называли земли деревень *terra aviaticaе, alod parentum, genealogiae*; на варварскомъ же средневѣковомъ латинскомъ нарѣчьи слово *genealogiae* приняло значеніе *proprietas, bona avita (lex Alamannorum)*.

Какъ собственность предковъ, земля принадлежитъ отцамъ семействъ—ихъ представителямъ—и носить названіе *patria, fatherland*, т. е. земли отцовъ. По стариннымъ скандинавскимъ законамъ, слова родина и „домъ“ считались синони-

¹⁾ *Ethis de Novéan*, первый секретарь интендантства Франшъ Конте. Записки, удостоенныя преміи безансонской академіи и помѣщенныя „въ *La gazette de commerce, de l'agriculture et de la finance*“ въ 1767 г.

²⁾ Периклъ на вершинѣ своего могущества принужденъ былъ оправдываться передъ афинскимъ народнымъ собраніемъ за то, что записалъ въ спискахъ своей родины сына своего отъ Аспаріи, которая какъ чужестранка, не могла быть его законной женой.

мами: имѣть домъ значило имѣть право на дѣлежъ земли— на родину. Въ то время можно было приобрести родную страну и политическія права, лишь имѣя право на раздѣлъ земли. Отцы и сыновья семействъ всецѣло несли на себѣ обязанность защищать родину—ихъ собственность; всѣ, кромѣ нихъ, были лишены права ношенія оружія. Непослѣдовательная и противорѣчащая всѣмъ даннымъ прошедшаго капиталистическая цивилизація поручаетъ защиту отечества людямъ, не имѣющимъ ни пяди земли и даетъ политическія права тѣмъ, кто лишенъ всякаго имущества.

III.

Происхожденіе частной земельной собственности.

Логичный умъ варвара и дикаря могъ еще понять, что можно владѣть предметомъ, который сдѣлалъ самъ и которымъ пользуешься; но мысль о личномъ владѣніи землею, никѣмъ не созданною и которою пользуются лишь часть года, не могла зародиться въ ихъ головѣ и вполнѣдствіи попала въ человѣческой мозгъ лишь окольнымъ путемъ. Первая частная земельная собственность не огороженное и обработанное поле, по сентиментальной теоріи Руссо, но—кусочекъ земли, на которомъ стоитъ домъ, такъ какъ домъ, считаясь движимой собственностью, можетъ принадлежать лицу, построившему его и живущему въ немъ. Такъ у многихъ варваровъ и дикарей домъ сжигаютъ въ числѣ прочаго движимаго имущества усопшаго (оружія, любимыхъ животныхъ и т. д.). Древнѣйшій англійскій законъ и нѣкоторые изъ кутюмовъ Франціи, между прочимъ кутюмъ города Лилля (гл. I, § 6), причисляютъ домъ къ движимому имуществу.

Личная свобода варвара и дикаря коммуниста—ненарушима, домъ въ качествѣ присвоенной собственности пользуется тѣмъ же правомъ неприкосновенности, что и его обладатель и даже сохраняетъ это право долгое время послѣ того, какъ человѣкъ его теряетъ. Въ обществахъ, гдѣ гражданинъ за долги можетъ быть посаженъ въ тюрьму и даже проданъ въ рабство, домъ его остается неприкосновеннымъ: никто не можетъ войти въ него безъ позволенія главы семьи. Исполнители законовъ страны останавливаются у его порога и, если преступникъ укроется въ своемъ домѣ или даже дотронется до двери его — онъ спасенъ отъ общественной кары и находится въ зависимости лишь отъ отца, которому принадлежитъ законодательная и исполнительная власть въ семьѣ. Въ 186 году до Р. Хр. римскій сенатъ осудилъ на смерть нѣсколькихъ римскихъ женщинъ, вакхическія оргіи которыхъ смущали спокойствіе и нравственность республики; но исполненіе этого приговора онъ долженъ былъ поручить главамъ семействъ, т. к. женщины, запершись въ своихъ домахъ укрылись отъ закона, сдѣлавшись недоступными для него. Это правило неприкосновенности соблюдалось такъ строго, что римлянинъ для укрощенія своего непокорнаго сына не могъ просить помощи судьи и общественной власти. Въ средніе вѣка одинъ мюльгаузскій горожанинъ укрывался отъ преслѣдованія городского суда въ домѣ и засѣданіе суда принуждено было собратъся у его двери; ему позволено было отвѣчать на предлагаемые ему вопросы, для чего онъ подходилъ къ окну. Право убѣжища, которое сохраняли потомъ языческіе храмы и христіанскія церкви, было видоизмѣненіемъ этой неприкосновенности жилища; церковь же, какъ будетъ сказано впоследствии, была общественнымъ домомъ.

Дома въ деревняхъ дикарей не примыкаютъ другъ къ другу, но стоятъ отдѣльно, окруженные полосой земли. Тацитъ,

какъ и многіе послѣдующіе историки, считалъ эту изоляцію мѣрой предосторожности противъ пожаровъ, тѣмъ болѣе опасныхъ, что жилища эти обыкновенно деревянные и крыты соломой. Но это не есть главная причина упомянутаго распространеннаго обычая.

Выше было указано, что участки, на которыхъ охотились дикія племена бывали окружены нейтральнымъ пространствомъ; точно также и резиденція семьи для того, чтобы быть независимой отъ сосѣднихъ домовъ, отдѣлялась отъ нихъ незанятою полосою. Впослѣдствіи эта земля стала составлять съ домомъ одно, была провозглашена частной собственностью „и окружалась частоколомъ или изгородью изъ камней“; у дикарей пространство это называлось „законнымъ дворомъ“ *curtis legalis, hoba legitima*. Отдѣлить жилище считалось настолько необходимымъ, что въ законахъ двѣнадцати таблицъ устанавливалась въ $2\frac{1}{2}$ фута ширина пространства, долженствовавшаго раздѣлять дома въ городѣ (таблица VII, § 1).

Не только дома, но и куски земли, принадлежащіе разнымъ семьямъ, должны быть раздѣлены, и эта предосторожность была направлена, конечно, не противъ пожаровъ. По законамъ двѣнадцати таблицъ между различными полями должна оставаться полоса невоздѣланной земли, шириною въ 5 футовъ (Табл. VII. § 4).

IV.

Происхожденіе правосудія и воровства.

Раздѣленіе собственности рода или клана на участки земли, розданные во временное владѣніе отдѣльнымъ семьямъ, было нововведеніемъ еще болѣе революціоннаго характера, чѣмъ въ наше время показалось бы возвращеніе недвижимыхъ иму-

щество въ общественное владѣніе. Частное пользованіе землей и обладаніе частнымъ лицомъ ея продуктами привились съ большимъ трудомъ и остались въ силѣ лишь поставивъ себя подъ покровительство боговъ и карательнаго закона. Надо прибавить, что законъ вообще былъ придуманъ лишь для защиты этого нововведенія. Правосудіе не есть удовлетвореніе вендетты, древняго таліона и появляется въ человѣческомъ обществѣ лишь какъ слѣдствіе частной собственности; „гдѣ нѣтъ собственности, не можетъ быть несправедливости“, говоритъ Локкъ. И это положеніе такъ же достовѣрно, какъ любая Эвклидова теорема: идея собственности есть право на что нибудь, несправедливость же предполагаетъ вторженіе въ область этого права, или нарушеніе его ¹⁾). Linguet остроумно сказалъ Монтескье: „Вашъ трактатъ о духѣ законовъ есть скорѣе разсужденіе о духѣ собственности“. Религіозныя церемоніи запечатлѣвали въ суевѣрномъ воображеніи первобытныхъ народовъ уваженіе къ частной собственности, въ сущности очень несвойственной и антипатичной ихъ коммунистической природѣ. Въ Италіи и Греціи въ извѣстные дни года, старѣйшины рода обходили свои поля по межамъ, гоня передъ собою скотъ, распѣвая гимны и принося жертвы на столбахъ, указывающихъ границу между полями, и считавшихся у римлянъ богами — термами (termes) — а у Грековъ божественными границами. Землепашецъ не смѣлъ приблизиться къ границѣ изъ боязни, чтобы богъ, потревоженный лемешомъ плуга ему не закричалъ: „Стой! Это мое поле, вонъ твое (Овидій, пѣснь II). Иегова принужденъ вселять уваженіе къ чужому полю путемъ многочисленныхъ наставленій

---

¹⁾ Locke, Essay on the human understanding, book IV ch. III. § 18.

и угрозы „Не преступи межи твоего ближняго“ (Второзаконіе XIX, 2) „Да будетъ проклятъ преступающій между своего ближняго: весь народъ ему закричитъ: аминь! (Тамъ же XXVII, 17) Іовъ, у котораго душа завзятаго собственника, причисляетъ нарушителей границъ къ числу самыхъ плохихъ людей, (XXIV, 2). Когда дѣло касается собственности, Платонъ забываетъ свой идеализмъ. Нашъ первый законъ долженъ быть слѣдующій: да не нарушитъ никто границу, отдѣляющую его поле отъ поля его сосѣда, потому что она должна оставаться ненарушимою. Никто да не посмѣетъ тронуть камень, который онъ далъ клятву оставить на мѣстѣ“. (Законы VIII). Этруски призывали всѣ проклятія на голову нарушителей этихъ законовъ: „Да будетъ проклятъ богами тотъ, кто осмѣлится тронуть или переимѣнить межевой столбъ; домъ его да исчезнетъ, родъ его да угаснетъ, да перестанетъ земля его приносить плоды. Градъ, ржавчина, небесный огонь да истребятъ его жатвы, тѣло его да покроется язвами и сгниетъ“ ¹⁾. Частная собственность приносила человѣчеству далеко не братское отношеніе къ себѣ подобнымъ. Когда нравственное воздѣйствіе проклятіями, такъ сильно дѣйствующее на своеобразное и беспорядочное воображеніе первобытныхъ народовъ, оказалось недостаточнымъ, чтобъ обуздать привычку брать нужные предметы, гдѣ бы они ни находились, потребовалось прибѣгнуть къ невѣроятно свирѣпымъ тѣлеснымъ наказаніямъ, которыя рѣшительно противорѣчили нравамъ и чувствамъ дикарей и варваровъ. Чтобы приготовиться къ жизни полной непрестанной борьбы, они дѣйствительно причиняли другъ другу ужасныя мученія, но которыя, однако, никогда не носили характера наказанія. Это наши праотцы-собственники

---

¹⁾ Священная формула, приведенная Фюстель де Кулашжемъ въ его *Ciie antique*.

придумали ужасное *qui bene amat, bene castigat*. Дикарь не бьет ребенка: Catlin передает фактъ, что вождь племени Сіу говорилъ ему съ удивленіемъ, что онъ видѣлъ на границѣ, какъ бѣлые били своихъ дѣтей и что это очень жестоко.

Пролить кровь своего рода, убить одного изъ его членовъ, это самое ужасное преступленіе, которое можетъ совершить дикарь или варваръ: чтобъ за него мстить, долженъ подняться весь кланъ. Когда одинъ изъ членовъ клана совершилъ убійство или какое другое преступленіе, то, чтобы никто изъ остальныхъ не осквернилъ себя, ударивъ виновнаго, его изгоняли и обрекали подземнымъ богамъ. Долгое время спустя послѣ того, какъ Аѳины вышли изъ варварскаго состоянія, никто изъ гражданъ не брался исполнять роль полицейскихъ: пришлось прибѣгнуть къ рабамъ, и приходилось наблюдать удивительное зрѣлище, что рабъ билъ кнутомъ свободнаго человѣка. Собственность появляясь учить варваровъ попираетъ ногами всѣ ихъ священные чувства; появляются законы, грозящіе смертною казнью всѣмъ, дерзнувшимъ поднять на собственность руку. Всякій, кто ночью, украдкой соберетъ или вынесетъ жатву на обработанномъ полѣ, говоритъ законъ двѣнадцати таблицъ, будетъ преданъ Церерѣ и умерщвленъ, если онъ совершеннолѣтній; если же онъ малолѣтній, то по усмотрѣнію судьи будетъ битъ розгами и присужденъ вдвойнѣ вознаградить убытокъ.

Явный воръ (взятый на мѣстѣ преступленія), если онъ свободный человѣкъ долженъ быть подверженъ наказанію розгами и отданъ въ рабство; поджегшій же скирду пшеницы долженъ быть высѣченъ и сожженъ на кострѣ. (Таблица VIII. §§ 9, 10, 14). Законы бургундовъ превосходятъ строгостью даже римскіе: они отдавали въ рабство жену и дѣтей старше четырнадцати лѣтъ, человѣка виновнаго въ кражѣ

лошади или быка, если тѣ не сразу выдали отца и мужа. (XLVII, §§ 1, 2). Собственность вносила извѣты даже въ лоно семьи ¹⁾.

Всѣ нравственныя заклинанія и тѣлесныя наказанія, встрѣчающіяся у всѣхъ народовъ, одинаково строги и даже свирѣпы: они свидѣтельствуютъ о трудностяхъ, съ которыми пришлось бороться частной собственности, вѣдряясь въ коммунистическія племена. Это вполне понятно, такъ какъ до введенія семейной коллективной собственности, дикарь считалъ, что ему принадлежитъ все, чѣмъ владѣетъ кланъ, и онъ можетъ имъ пользоваться согласно потребности или прихоти. Тѣ изъ путешественниковъ, которые испытали на себѣ право брать все, что подъ рукой, называли дикарей ворами, какъ будто бы воровство можетъ существовать тамъ, гдѣ нѣтъ еще частной собственности.

Но какъ только устанавливается коллективная собственность, привычка завладѣвать всѣмъ, что видишь и желаешь имѣть, становится преступленіемъ, разъ она распространяется на жатвы и стада отдѣленныхъ семействъ рода, и чтобъ побороть эту вѣдрившуюся привычку, становится необходимымъ прибѣгнуть къ религіознымъ предразсудкамъ и тѣлеснымъ наказаніямъ.

Единственное и ужасное правосудіе и его отвратительные кодексы о проступкахъ и преступленіяхъ появляются въ исторіи

---

¹⁾ Собственность всегда свирѣпа и кровожадна; еще совсѣмъ недавно, въ странахъ очень христіанскихъ и очень филантропическихъ, вѣшали воровъ, и если было время, то предварительно ихъ и мучили. Не такъ давно въ Англіи были осуждены на смертную казнь поддѣльватели банковыхъ билетовъ, во всѣхъ же цивилизованныхъ странахъ они наказываются вѣчными каторжными работами. — Вѣдь кровь гекатомбъ іюня 1848 года и мая 1871 года была пролита также на алтарь собственности.

человѣчества лишь какъ необходимый выводъ изъ установленія частной собственности.

V.

Патріархальная семья есть сплоченіе многихъ семей. Ея глава живетъ вмѣстѣ со своими братьями, дѣтьми и внуками и ихъ женами и дѣтьми, которые подчиняются его власти. Судьба патріархальной семьи настолько тѣсно связана съ коллективной формой собственности, что послѣдняя становится необходимымъ условіемъ ея существованія и, какъ только она начинаетъ дробиться, какъ раздробилась общая собственность *gens'a*, патріархальная семья распадается. Всѣ отдѣльныя семьи, соединенныя прежде общою собственностью, устраниваются отдѣльно и основывается современная семья, приведенная къ самому простому и послѣднему виду: состоящая изъ одной четы. Семья и собственность проходятъ однѣ тѣ же фазы развитія.

Gens сперва является общей семьей всѣхъ своихъ членовъ; затѣмъ онъ дѣлится на семьи матріархальныя, наконецъ патріархальныя, которыя представляютъ собою коллективное семейство, которое состоитъ изъ нѣсколькихъ четь, пока не распадется на составныя части.

Общая собственность переходитъ въ коллективную, принадлежащую матріархальной или патріархальной семьѣ и въ свою очередь преобразуется въ частную, когда ее захватятъ одно или нѣсколько семействъ, составляющихъ патріархатъ.

Древнія общества всѣ признавали значеніе собственности для строя семьи. Въ Спартѣ, классической землѣ равенства, гражданинъ, потерявшій семейную собственность, или растратившій ее настолько, чтобъ не быть въ состояніи нести расходы по общественному столу—исключался изъ аристократи-

ческаго кружка равноправныхъ (ομοίοι), которые одни имѣли политическія права.

Аѳинское государство слѣдило за управленіемъ семейной собственностью: всякій гражданинъ могъ требовать устраненія главы рода, разъ тотъ плохо управлялъ его имѣніемъ. Коллективная собственность не принадлежала ни главѣ рода, ни его наличнымъ членамъ, а семьѣ, понимаемой какъ собирательное существо, которое не умираетъ и возобновляется изъ поколѣнія въ поколѣніе; она принадлежала семьѣ прошедшаго, настоящаго и будущаго. Она принадлежала предкамъ, у которыхъ тамъ были жертвенники и могилы, находящимся въ живыхъ членамъ, получающимъ съ нея доходы и обязаннымъ продолжать традиціи и поддерживать семейную собственность, чтобы передать ее въ благоустроенномъ видѣ потомкамъ.

Домъ былъ ядромъ семейной собственности; аѳинскіе законы, разрѣшавшіе продажу земли, запрещали продавать домъ. Земельная собственность не могла быть продана; изъ семьи она не могла выйти, даже не могла быть раздѣлена между ея членами; она переходила отъ отца къ сыну: когда отецъ не оставлялъ потомковъ мужескаго пола, греческая наслѣдница должна была выйти замужъ за родственника своего отца, который въ такомъ случаѣ становился наслѣдникомъ. Законъ франковъ и другихъ германскихъ племенъ говоритъ: „Если умершій не оставилъ сына, пусть деньги и рабы принадлежать его дочери, а земля самому близкому родственнику по нисходящей отцовской линіи“ (Lex Thuringorum). Глава рода, который иногда былъ выборнымъ, управлялъ имуществомъ; онъ долженъ былъ слѣдить, чтобы хорошо обрабатывались поля, хорошо велся домъ, долженъ былъ заботиться о нуждахъ членовъ семейной общины. Онъ обязанъ былъ передать своему преемнику собственность въ такомъ же благоустройствѣ, въ какомъ онъ ее принялъ по смерти своего

предшественника. Чтобы быть въ состояніи выполнить всѣ эти обязанности, онъ былъ облеченъ деспотическою властью; онъ былъ законодатель, судья и палачъ; онъ судилъ, составлялъ приговоры и наказывалъ (тѣлесно) подвластныхъ ему членовъ общины; его власть простиралась до продажи въ рабство дѣтей и до обреченія смертной казни подчиненныхъ, включая сюда и жену, хотя послѣдняя состояла подъ покровительствомъ, правда очень ненадежномъ, своей собственной семьи.

Количество земли, даваемо каждой семейной общинѣ бывало обыкновенно пропорціонально количеству составляющихъ ее семействъ: вождь увеличивалъ ихъ число, жени мальчиковъ дѣтскаго возраста на взрослыхъ дѣвушкахъ, которыя становились его наложницами и слугами общины. Naxthausen передаетъ, что видалъ въ русскихъ селахъ, какъ взрослые и здоровыя молодыя женщины носили на рукахъ своихъ маленькихъ мужей.

Фраза, ставшая банальною и повторяемая *ad nauseam* моралистами и политиками: семья есть основа государства, была во времена коллективной собственности выраженіемъ истины.

Всякое село, въ основаніи котораго лежитъ коллективная собственность—это маленькое государство, живущее своей собственной жизнью¹⁾. Его правительство—совѣтъ старѣйшинъ, состоящій изъ главъ семействъ, равныхъ въ правахъ. Въ Индіи, гдѣ система собственности достигла полного развитія, коммуна имѣетъ многочисленныхъ общественныхъ служащихъ, дѣлящихся на ремесленниковъ (телѣжниковъ, ткачей, портныхъ, носильщиковъ воды, прачекъ и т. д.), школьныхъ учителей, которые, чтобъ научить читать, чертили на песокѣ буквы; генеалогистовъ, которые должны были сохранять память о про-

---

¹⁾ Русскій крестьянинъ живетъ и умираетъ въ общинѣ, все что внѣ ея, не существуетъ для него: слово міръ значитъ одновременно и совѣтъ и сельская община.

исхожденіи каждой семьи; астрологовъ, которые бы предсказывали благопріятныя для посѣва и жатвы дни; пастуховъ, для скота всѣхъ жителей; браминовъ и даже танцовщицъ для религіозныхъ церемоній. Всѣ такіе служащіе, содержатся на средства коммуны, и должны даромъ служить семьямъ, происходящимъ отъ аборигеновъ страны, но не иностранцамъ, поселившимся въ селѣ. Sir G. Campbell, между прочимъ передаетъ слѣдующую любопытную подробность: кузнецъ и еще нѣкоторые ремесленники были лучше оплачиваемы, чѣмъ священники.

Село выбираетъ вождя за знаніе, способности къ административной дѣятельности, а также за познанія въ магіи и чародѣйствѣ. Онъ завѣдуетъ имуществомъ общины; онъ одинъ имѣетъ право заниматься внѣшней торговлей, продавать излишекъ стада или жатвы и покупать предметы фабрикуемые не общиной. По наблюденіямъ Naxthausen—торговля идетъ только оптомъ, что очень выгодно, такъ какъ крестьянинъ, представленный самъ себѣ, иногда бываетъ принужденъ продавать свои продукты ниже ихъ дѣйствительной стоимости и въ минуту не благопріятную для продажи. Наоборотъ, если торговля находится въ рукахъ вождя, то согласившись съ вождями другихъ сосѣднихъ селеній, онъ можетъ ждать для заключенія сдѣлки повышенія цѣнъ и воспользоваться всякими благопріятными случайностями.—Можно оцѣнить справедливость этого замѣчанія, зная какъ нагло обворовываютъ купцы мелкихъ французскихъ земледѣльцевъ. Буржуазія, бросившаяся какъ голодная саранча на Алжиръ и Тунисъ, чтобы воровать и грабить, была очень оскорблена, не будучи въ состояніи войти въ прямыя и личныя сношенія съ арабами. Они должны были имѣть дѣло съ вождями мелкихъ общинъ. Они говорили много и высокопарно насчетъ судьбы этихъ бѣдныхъ арабовъ, не пользующихся свободой, благодаря чему они не могутъ дать себя ограбить европейскимъ коммерсантамъ.

Эти маленькія общества, основаніемъ которыхъ служитъ коллективная собственность, одарены удивительной жизненностью и способностью сопротивленія, которою не обладает ни одна форма общественнаго устройства, стоящая на подобной ступени развитія.—Сельскія общины, говоритъ лордъ Metcalf, который ихъ изучалъ, будучи вице королемъ Индіи, это маленькія республики, производящія почти все, что имъ нужно, и почти независимыя отъ внѣшняго міра. Онѣ существуютъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ ничто не могло удержаться. Династіи смѣнялись династіями, революціи революціями: индусы, моголы, патаны, магратты и англичане одни за другими владѣли ими, а сельскія общины оставались неизмѣнными. Въ дни волненій, они вооружаются и укрѣпляются. Если непріятельская армія проходитъ сквозь страну, община загоняетъ стада и безпрекословно пропускаетъ ее. Если грабежъ и разрушеніе направлены на нее, а сила нападающихъ неодолима, она бѣжитъ и скрывается среди дружественныхъ сосѣднихъ селъ; когда гроза проходитъ, она возвращается къ своимъ занятіямъ. Если въ продолженіе ряда лѣтъ убійства и грабежи опустошаютъ страну настолько, что она не можетъ быть обитаема, жители разсыпаются въ разныя стороны; но какъ только появляется возможность возвратиться къ мирнымъ занятіямъ, они снова возвращаются. Одно поколѣніе можетъ исчезнуть, но слѣдующее вернется. Сыновья снова займутъ поля предковъ; село будетъ стоять на томъ же мѣстѣ, дома будутъ имѣть то же расположеніе, а потомки—тѣ же земли... И не легко ихъ согнать оттуда. Часто они крѣпко держатся во время долгихъ смутъ и волненій и въ концѣ концовъ приобрѣтаютъ достаточно силы, чтобы побѣдить грабежи и насиліе. Дальше лордъ Metcalf съ нѣкоторою грустью признается, что эти сельскія общины,

на которыя не дѣйствуютъ никакіе внѣшніе удары, легко уничтожаются нашими законами и судопроизводствомъ ¹⁾).

Капиталистическая эксплуатація не терпитъ рядомъ съ собою коллективнаго строя. Она немилосердно уничтожаетъ его, замѣняя индивидуальною собственностью. Что въ наши дни происходитъ въ Индіи и Алжирѣ, то было и во Франціи. Сельскія общины, которыя прошли сквозь весь феодальный періодъ и достигли 1789 года, были разрушены растлевающимъ дѣйствіемъ законовъ, созданныхъ во время и послѣ буржуазной революціи. Великій революціонный юристъ Merlin

---

1) Report of select committee of the House of commons; 1832

Удивительное показаніе лорда Metcalf опубликовано in extenso въ IX томѣ Sir H. J. Maine не упоминаетъ о немъ въ своемъ трудѣ *Les communautés de village* (сельскія общины) и этотъ важный документъ не включенъ также въ отчеты лорда Metcalf, опубликованные въ 1855 году W. Кауе. Юристы, политики, философы и религиозные реформаторы часто спорили о неограниченномъ правѣ собственности; эти нескончаемые споры, однако, всегда возвращались къ одному исходному пункту: что въ основѣ собственности лежитъ насиліе, но что годы, возрастъ обезображивающіе все, украсили и освятили ее. Никому не приходило въ голову исторически изучить собственность: мыслители, изучающіе прогрессъ человѣчества съ точки зрѣнія философіи, подумали бы, что очень низко пали, если бы занялись матеріальной стороной существованія человѣка и его общества. До послѣдняго времени историки и экономисты не подозрѣвали о существованіи коллективной собственности.

Ее открылъ одинъ прусскій чиновникъ около 1840 года, Naxthausen, путешествуя по Россіи. Но онъ не понялъ важности своего открытія съ исторической точки зрѣнія. Онъ думалъ, что „міръ“ есть осуществленіе утопій Сень-Симона, бывшихъ тогда въ модѣ. Послѣ Гакстгаузена, снова открылъ „міръ“ Бакунинъ и другіе русскіе либералы, но такъ какъ, несмотря на ихъ необузданный анархизмъ, Бакунинъ и его русскіе ученики были шовинистами, то они провозгласили, что славяне были привилегированной рассой, долженствующей вести человѣчество по пути къ прогрессу. Они проповѣдывали, что „міру,“ этой

Suspect, прозванный такъ потому, что онъ былъ докладчикомъ закона объ опасныхъ для республики, лицъ—одинъ больше способствовалъ уничтоженію и раздѣлу общественныхъ имуществъ и „освобожденію“ отъ нихъ крестьянъ, чѣмъ феодальные сеньеры въ продолженіе многихъ вѣковъ.

Кромѣ причинъ политическаго свойства, заставляющихъ деспотическія государства защищать семейную и общинную организацію, основанную на коллективной собственности, есть не менѣ важныя административныя причины. Каждая община представляетъ изъ себя административную единицу, представляемую ея вождемъ, который править ею и торгуетъ отъ ея имени; правительство возлагаетъ на него обязанности по сбору податей, по набору войска и другія не вознаграждаемыя обязанности. Въ Россіи императорское правительство оказываетъ поддержку сельскому сходу, требуетъ исполненія его постановленій, нарушителей же ихъ оно отдаетъ въ солдаты или отпра-

---

первобытной и отжившей формѣ собственности, принадлежитъ будущее: западнымъ народамъ оставалось только уничтожить цивилизацію и подписаться подъ общиною русскихъ крестьянъ.

Въ силу правила, что труднѣе всего видѣть то, что передъ глазами, Гакстгаузенъ открывшій русскій „міръ“, не видалъ въ Германіи многочисленныхъ остатковъ „марки“, онъ утверждалъ, что общинное устройство есть особенность славянской расы. Въ послѣдствіи Мауреръ доказалъ, что германцы прошли черезъ коллективную форму собственности, а послѣ него множество изслѣдователей нашли семейный коллективизмъ во всѣхъ странахъ и всѣхъ расахъ. Однако до Гакстгаузена англійскіе чиновники въ Индіи упоминали о существованіи въ подвѣдомственныхъ имъ провинціяхъ этой странной формы собственности. Но ихъ открытіе, затерянное среди официальныхъ отчетовъ, не было опубликовано. Съ тѣхъ поръ какъ этотъ вопросъ былъ поставленъ на очередь, извѣстно, что писатели конца XVIII вѣка были осведомлены о коллективной формѣ собственности. Между ними называютъ: великаго d'Aussy, Volneg, Francois de Neufchateau и др. Но для нихъ она была лишь курьезомъ и грубымъ анахронизмомъ.

вляеть въ Сибирь ¹⁾). Короли Франціи до 89 года дѣлали усилія, часто увѣнчивавшіяся успѣхомъ, къ защитѣ общинныхъ имуществъ и охранѣ тѣхъ привилегій крестьянъ и ихъ коммунистическихъ организацій, которыя сохранились несмотря на переходъ крестьянъ изъ свободныхъ собственниковъ въ крѣпостное состояніе.

Жилища этихъ общинъ крѣпостныхъ часто находились у подножія крѣпостей и назывались *cellae* — хижины. Большая часть селъ и до сихъ поръ сохранила это названіе. Получивъ свободу бывшіе крѣпостные продолжали жить общинами и до революціи господскія земли обрабатывались общинами земледѣльцевъ, и дворяне находили это выгоднымъ. Они были далеки отъ мысли разрушать эти общинныя организаціи и наоборотъ, отдавая землю въ обработку или дая ея въ соб-

---

¹⁾ Русскіе соціалисты вѣрятъ въ „миръ“, они возлагаютъ на него надежды, думая, что легче устроить аграрный коммунизмъ среди крестьянъ живущихъ общиной. Революціонное правительство, пользуясь коммунистическими чувствами, развитію которыхъ способствуетъ общинная собственность, могло бы дѣйствительно способствовать націонализациі земли и ея эксплоатаціи обществомъ. Но къ несчастью болѣе чѣмъ сомнительна возможность установленія въ Россіи соціалистическаго и революціоннаго правительства, пока въ ней господствуетъ коммунистическая организація *gens'a* и коллективная собственность, которая, кстати сказать, свела коммунизмъ только къ сожитію нѣсколькихъ семей подъ одной крышей, и сохранялась и въ деревушкахъ крѣпостныхъ, гдѣ устраивались общіе загоны и амбары. Они производятъ все для нихъ необходимое сами, и сношенія ихъ другъ съ другомъ весьма несовершенны, такъ что правительству легко подавить всякую попытку федераціи, что и случилось въ Индіи. Англія съ 50.000 европейскаго войска держитъ подъ своимъ владычествомъ страну такую же обширную и населенную, какъ Россія. Индусскія общины, не представляющія федераціи, не могутъ противостоятъ имъ. Слѣдовательно, можно сказать, основой деспотизма именно и является коллективная собственность и семейное и общинное устройство соотвѣтствующее имъ.

ственность крестьянамъ, они вмѣняли имъ въ обязанность сохраненіе общины. Ferréolot (t. 1-er ch V) упоминаетъ объ эдиктѣ 1549 года, постановленномъ совмѣстно духовенствомъ и дворянствомъ Бургундіи, запрещавшемъ крестьянамъ, выходившимъ изъ крѣпостного состоянія, становиться собственниками земель, если они не организуются въ общины. Dalloz (Jurisprudence générale) говоритъ объ одномъ контрактѣ XVII вѣка, гдѣ сеньоръ de la Marche отдаетъ въ вѣчную исполную аренду свои земли подъ условіемъ «que les paysans preneurs ne feraient qu'un même pot, feu et chaudeau de pain et vivraient eu communauté perpétuelle». Юристъ XVIII вѣка Dunod въ своемъ Traité de la mainmorte объясняетъ причину этихъ требованій сеньора: „Требуютъ согласія между земледѣльцами относительно общей обработки потому, говоритъ онъ, что земля тогда лучше обрабатывается, и община въ состояніи лучше платить подати сеньору, чѣмъ отдѣльныя семейства“. А капиталисты говорятъ, что рабочіе живущіе сообща будутъ такъ же какъ и они, лѣнтяями и никуда негодными людьми!

VI.

Крестьянскія общины.

Экономисты, которые настолько близоруки, что не видятъ дальше своего носа, принимаютъ современнаго крестьянина собственника, пришедшаго въ упадокъ благодаря личной собственности, за вѣчный типъ земледѣльца, и серьезно увѣряютъ, что онъ и всегда былъ враждебно настроенъ противъ коммунизма и никогда не могъ и не сможетъ работать сообща и сообща же потреблять труды рукъ своихъ. Это положеніе, почерпнутое изъ области фантазіи, такъ часто повторялось, что наконецъ стало считаться непреложной истиной буржуаз-

ной мудрости. Однако, чтобъ удостовѣриться въ его ложности стоитъ только открыть Beaumanoir и Guy Coquille, которые несмотря на то, что принадлежали къ двумъ различнымъ столѣтіямъ (Beaumanoir—XIII вѣка Coquille—XVI вѣка), собрали многочисленные документы о крестьянской общинѣ во Франціи.

Товарищи, однокашники (питающіеся однимъ и тѣмъ же хлѣбомъ), составляющіе общину, которую Coquille называетъ „полевымъ хозяйствомъ“ (menages des champs) и которые брались обрабатывать земли сеньора, („les bourdeilages“, qui sont terres charges de revenus») отягощенные повинностями, были потомками консортовъ-варваровъ, имѣвшихъ право на ту же судьбу, на одинаковую долю въ распредѣленіи земли по жребію.

Laferrière не ошибся, говоря, что происхождение этого „обычая объединяться“ замѣчается въ варварскихъ обществахъ еще до переселенія народовъ и что онъ въ немъ видитъ „слѣды древняго кельтскаго клана“. (Histoire du droit français).

Это мнѣніе тѣмъ болѣе вѣрно, что эти общины состояли изъ людей, связанныхъ лишь родственными узами; впоследствии когда онѣ открылись и для другихъ лицъ, то все же для принятія чужеземца требовался особенный договоръ (coutumes de Dreux, de Chartres etc).

Однако, когда вслѣдствіе безпорядковъ, которые въ продолженіе столѣтій волновали страну, семьи распались и члены ихъ разсѣялись, то, несмотря на это, привычка жить общиной такъ внѣдрилась въ крестьянъ, что община сплотилась просто изъ сожителей одной деревни. Beaumanoir говорить: «compagnie se fait par votre coutume, par solement manoir ensemble à un pain, et à un pot, un an et un jor puisque le meubles de l'un et de l'autre sont mêlés ensamble». Это не ассоціація, условія организаціи которой, обсуждаются

сообща; нѣтъ эта община рождается *tacitement* по выраженію среднихъ вѣковъ изъ совмѣстной жизни даже въ краткій срокъ.

Семьи, которыя по выраженію Coquille «*demenaient le menage des champs qui est fort laborieux*» состояди изъ многихъ лицъ; „одни погоняютъ быковъ, этихъ лѣнливыхъ животныхъ—а по обычаю нужно, чтобы въ плугъ было впряжено шесть быковъ;—другіе пашутъ; нѣкоторые должны вести на поле коровъ и кобылъ, другіе овецъ и барановъ, а третьи пасти свиней“. Эти подробности важны, какъ доказательства того, что тутъ соединились скотоводство съ хлѣбопашествомъ. Всѣ люди получаютъ работу по возрасту, и подчинены одному называемому *maistre de communauté*, главѣ общины, выбранному для этого дѣла и повелѣвающему другими... За столомъ онъ сидитъ первымъ... завѣдуетъ дѣлами, случающимися въ городѣ, дома и въ другихъ мѣстахъ; имѣетъ власть заставлять своихъ *parcouniers* (однокашниковъ) слушаться его распоряженій, если дѣло касается движимости, принадлежащей общинѣ; и одинъ имѣетъ право распредѣлять подати и другіе оброки, („*et lui seul est nommé aux rolles des tailles et autres subsides*“).

Слѣдовательно, эти вожди общинъ исполняли всѣ обязанности сельскихъ вождей въ Индіи и старость русскаго міра.

Въ этихъ общинахъ принимаются въ расчетъ дѣти, не умѣющія еще ничего дѣлать, въ надеждѣ, что въ будущемъ они отработаютъ общинѣ затраченныя на нихъ деньги; люди въ расцвѣтѣ силъ работаютъ въ настоящемъ, стариковъ же содержатъ за мудрые совѣты и въ воспоминаніе ихъ прежнихъ трудовъ.

Итакъ, всѣ возрасты всячески другъ друга поддерживаютъ, и составляютъ какъ бы политическое цѣлое, которое, смѣняяся должно всегда существовать... По этимъ даннымъ можно

видѣть, что эти общины являются однимъ цѣлымъ, семьею, коллегіею, которая сознавая свои интересы, составляетъ какъ бы тѣло, состоящее изъ членовъ, какъ бы они ни были обособлены.

„Братство, дружба и экономическая связь объединяють ихъ въ одно тѣло“.

Почти во всей Франціи находятся слѣды этихъ крестьянскихъ общинъ, которыя Coquille сравниваетъ съ тѣломъ, отдѣльные члены котораго объединены чувствами и общими интересами ¹⁾).

Guérard находитъ это устройство среди крѣпостныхъ колоновъ IX-го вѣка, которые обрабатывали земли аббатства Saint-Germain des Près, и существовали до времени революціи. Но землевладѣльцы второй половины XVIII вѣка вмѣсто того, чтобъ защищать эти общины, какъ прежніе дворяне, признали ихъ вредными для доходности земли и требовали ихъ уничтоженія вмѣстѣ съ уничтоженіемъ тѣхъ вѣковыхъ правъ, которыя крестьяне сохранили даже въ то время, когда потеряли свои земли, отобранныя феодалными сеньорами. Революція, которую буржуазные историки выставляютъ какъ благодѣяніе для крестьянъ, похитила ихъ права и разрушила общину.'

Въ протоколѣ засѣданій областного собранія Берри (Berry) за 1787 годъ, заключается отчетъ о причинахъ упадка Берри, резюмирующей главные упреки помѣщиковъ крестьянамъ и ихъ полевому хозяйству.

---

¹⁾ «Doniol говоритъ, что «большая часть сельъ, дворовъ, деревушекъ и хуторовъ, обозначенныхъ на картахъ, въ собраніяхъ монастырскихъ грамотъ или мѣстныхъ кутюмовъ, разъ ихъ названія не указываютъ явно на особенныя неровности почвы данной мѣстности, и разъ передъ ними стоитъ частица *lès*, указываютъ что тутъ жила такая община.

Henri Doniol, Histoire des classes rurales en France. 1865.

Первая причина упадка,—это лѣность рабочаго класса. „Этотъ порокъ работниковъ Берри долженъ быть очень древняго происхожденія, такъ какъ между привилегіями, данными муниципалитету (corps municipal) Буржа, мы нашли одну, которую мы не встрѣчали больше ни въ одномъ городѣ Европы, а именно, право устанавливать ежегодно размѣръ жалованья виноградарямъ и число ихъ рабочихъ часовъ“. Отчетъ этотъ грѣшитъ неосвѣдомленностью, такъ какъ по всей Франціи и даже въ Европѣ землевладѣльцы присвоили себѣ право опредѣлять максимумъ жалованья и минимумъ рабочихъ часовъ, исполнять который они силой заставляли рабочихъ въ городахъ и на поляхъ; теперь сами рабочіе требуютъ фиксаціи минимума жалованья и максимума рабочихъ часовъ; одинъ этотъ фактъ вполне доказываетъ, насколько положеніе рабочаго класса ухудшилось съ 1789 года.

Все способствовало поддержанію этой проклятой лѣности, которая приводила въ такое отчаянье господъ землевладѣльцевъ, этихъ подвижниковъ труда.

„Постановленіе Берри, составленное людьми, преданными древнимъ обычаямъ, не знающимъ ничего лучшаго“, установило, что „необработанныя мѣста, какъ лѣса, гдѣ растутъ грабина, верески и кустарникъ, а также залежныя земли никогда не могутъ быть защитными; также не могутъ быть признаны защитными лѣса въ маѣ мѣсяцѣ, разъ въ три года... и пастбища съ 15 іюля до 15 марта; слѣдовательно, какъ и во время коллективной общины они остаются пастбищами для крестьянскаго скота. Слѣдствіемъ этого является то, что никто не можетъ себя считать исключительнымъ и совершеннымъ собственникомъ въ Берри“. Это постановленіе имѣло цѣлью „обезпечить скоту такое положеніе, въ которомъ его хозяину бы не пришлось заботиться о его пропитаніи“. Право защиты полей громко требовалось помѣщиками до революціи.

Особенно же они возставали противъ общинъ. „Большинство отдѣльныхъ семей объединяются въ общину... Не рѣдкость встрѣтить три или четыре замужнихъ женщины, живущихъ вмѣстѣ. Имущество мужа и жены тамъ признаны общимъ; но кутюмы негласно установили и общность имуществъ братьевъ и сестеръ и даже чужихъ лицъ, лишь живущихъ вмѣстѣ, ведущихъ сообща расходы, — и дѣлящихъ доходы, прибыль и убытки... Въ результатѣ получается почти вѣчная община, которую тѣмъ труднѣе искоренить, чѣмъ она дольше просуществовала“.

„Каждая община должна имѣть главу и матрону... Обычай требуетъ, если живутъ вмѣстѣ братья или сестры, чтобы главой былъ старшій братъ, матроной же—жена младшаго: такимъ образомъ община представляетъ изъ себя республику, въ которой постарались установить и равновѣсiе властей. Каждый имѣетъ право пользоваться доходами общины, значить имѣть жилище, пищу, одежду и обувь на средства общины, скорѣе чѣмъ помѣщикъ...“

Отсюда происходитъ, что помѣщикъ прокармливаетъ много народу, а имѣнiе его не улучшается и многими руками исполняется мало работы. Кромѣ лѣннивыхъ рукъ, прибавьте сюда множество лишнихъ ртовъ, которые не могутъ не появиться тамъ, гдѣ есть три или четыре женщины, производящiя дѣтей, и вы поймете, почему, несмотря на плодородность и большiя пространства земли, часто сборъ съ нея хватаетъ лишь на то, чтобъ прокормить семью колона.

„Въ описанныхъ нами республикахъ царствуетъ полная анархiя. Глава ея, однако, пользуется довольно большою властью: онъ продаетъ, покупаетъ, перепродаетъ,—однимъ словомъ дѣлаетъ, что хочетъ; для работы этотъ человѣкъ потерянъ...“

Разъ много свободнаго времени, то является и веселое времяпровожденіе. А ничего недѣланье становится пріятнымъ удовольствіемъ описанныхъ нами людей; такъ какъ увеселенія не замедляютъ появленіемъ. Одному нравится рыбная ловля; онъ становится рыболовомъ общины; другой склоненъ къ охотѣ— онъ охотникъ, третьему нравится ставить силки и онъ проводитъ по четыре, по пяти часовъ въ день разставляя и наблюдая за ними; все это ему охотно прощается лишь бы онъ приходилъ съ добычей“. Если общины и не могли удовлетворить буржуазныхъ собственниковъ XVIII вѣка, то онѣ во всякомъ случаѣ больше давали свободы и счастья земледѣльцамъ, чѣмъ революція 89 года дала крестьянамъ-собственникамъ, въ пользу которыхъ она дѣйствовала по словамъ историковъ и буржуазныхъ политиковъ. Коллективная собственность, поддерживавшая коммунистическіе инстинкты крестьянъ во Франціи и Европѣ, предохраняла ихъ отъ нищеты. „Пролетаріатъ неизвѣстенъ въ Россіи, пишетъ Гакстгаузенъ, и пока міръ существуетъ, онъ не можетъ образоваться. Человѣкъ можетъ обѣднить и промотать свое состояніе, но несчастье или ошибки отца не вліяютъ на судьбу дѣтей; такъ какъ послѣднія предъявляютъ свои права не семьѣ, а общинѣ, и не наследуютъ отъ нищеты отца“. Именно эта обеспеченность противъ нищеты и пролетаріата и не нравится въ общинѣ буржуазіи, богатство которой основано на бѣдности рабочихъ. Коллективная собственность замѣчательна тою жизненностью и устойчивостью, которую она даетъ живущимъ ею маленькимъ крестьянскимъ обществамъ. Она даетъ благосостояніе земледѣльцамъ и воспитываетъ въ нихъ чувство гостепріимства, братства и солидарности, она велика совершенными ею дѣлами. Европа была расчищена и обработана не монахами, какъ то говорятъ религіозная легенда, а варва-

рами-коллективистами ¹⁾); по мѣрѣ увеличенія населенія въ селѣ, при передѣлахъ доля каждаго члена общины уменьшалась; чтобы обработать новую землю, уничтожали лѣса. „Эта расчистка, говоритъ Ковалевскій, рѣдко производилась отдѣльными семьями. Осилить дѣло общими усилями цѣлыя орды занимаютъ сообща землю... Факты такого рода засвидѣтельствованы русскими грамотами XVI и XVII вѣковъ. Они повторяются отъ времени до времени и до нашихъ дней, такъ какъ

¹⁾ Монахи и священники участвовали въ обработкѣ земли, проѣдая и пропивая многочисленныя подати, которыми они обложили рабовъ, колоновъ и вассаловъ своихъ, причемъ они пѣли съ большимъ усердіемъ чѣмъ хвалу Господу, слѣдующую пѣснь:

Vinum bonum et suave
 . . . . .
 Mundana laetitia
 . . . . .
 Ave, placens in colore,
 Ave, fragrans in odore,
 Ave, sapidum in ore,
 Dulce linguae vinculum.
 . . . . .
 Monachorum grex devotus,
 Omnis ordo, omnis mundus,
 Bibunt ad aequales potus
 Et nunc et in saeculum.
 . . . . .
 Felix venter quem intrabis,
 Felix lingua quam rigabis,
 Felix os quod tu lavabis,
 Et beata labia.
 Supplicamus, hic abunda,
 Per te mensa sit facunda,
 Et nos, cum voce jucunda,
 Deducamus gaudia!

Доброе пріятное вино... радость жизни... привѣтъ тебѣ, ласкающему цвѣтомъ... привѣтъ тебѣ, наполняющему благовоіемъ... привѣтъ

главная община (la commune metropole) отказывается признавать, что свободныя земли, называемыя въ древне-французскомъ правѣ „essarts et purprises“, могутъ принадлежать отдѣльнымъ лицамъ? ¹⁾

Какъ примѣръ крупныхъ дѣлъ, которые произвели крестьянскія общины можно назвать удивительныя работы по орошенію въ Индіи и обработку земель террасами на склонахъ горъ на Явѣ, которыя по словамъ Wallace покрываютъ сотни квадратныхъ километровъ:

„По мѣрѣ увеличенія населенія изъ года въ годъ увеличивается число терасъ... Работы ведутся сообща жителями всего села подъ наблюденіемъ вождя: можетъ только эта работа цѣлыми селеніями и была въ состояніи дать такое количество терасъ и ирригаціонныхъ каналовъ“ ²⁾.

VI.

Дробленіе коллективной собственности.

Gens, распавшійся на патріархальныя и матріархальныя общины, образуетъ общину съ коллективною собственностью

тебѣ, дающему чудный вкусъ во рту, пріятно сковывающему языкъ. Благочестивое стадо монаховъ, всѣ ихъ ордена, пьютъ вволю—теперь и всегда. Счастливъ желудокъ, куда ты войдешь,—счастливъ языкъ который ты искупаешь,—счастливъ ротъ, который ты омоешь,—особенно же счастливы губы. Умоляемъ тебя распространяться здѣсь;—дай краснорѣчія нашимъ банкетамъ;—живи для насъ радостно поющихъ—да здравствуетъ жизнь!

Варьянты этой пѣсни, воспроизведенной Edelestand du Méril въ „народныхъ латинскихъ стихотвореніяхъ среднихъ вѣковъ“, были найдены въ монастыряхъ во Франціи, Германіи и Шотландіи.

¹⁾ Ковалевскій. О происхожденіи семьи и собственности. Стокгольмъ. 1890.

²⁾ A.—R. Wallace. The Malay Archipelago. 1869 годъ.

когда же и эти объединенныя семьи разсыпаются, появляется и частная собственность.

Послѣдовательное дробленіе этихъ двухъ формъ недвижной собственности было вызвано фактомъ существованія движимой собственности, являющейся наиболѣе дѣятельнымъ факторомъ преобразованія земельной собственности, и оно могло произойти лишь вслѣдствіе индивидуализаціи движимости, которая по существу своему склонна принадлежать личности.

Матери семействъ, жившія сообща въ gens'ѣ, выходя изъ него уносили съ собою нѣкоторыя вещи и строили себѣ отдѣльныя жилища, которыя будучи очень первобытно устроены въ сущности были движимымъ имуществомъ и всякій ихъ таковыми и считалъ. Но земля, на которой воздвигалось жилище, составляя съ нимъ одно цѣлое, становилась личной собственностью; вскорѣ понятіе личной собственности распространилось и на окружающую его землю, и вмѣстѣ съ загородкою, плетнемъ или стѣною изъ голыхъ камней образовала недвижимое имущество семьи, которое все увеличивалось въ ущербъ коллективной собственности. Это расширеніе совершилось быстро благодаря увеличенію движимости въ селахъ и деревняхъ, гдѣ положеніе ихъ благопріятствовало развитію торговли. Равенство между патриархальными семьями въ селѣ было уничтожено; однѣ задолжали, обѣднѣли, другія разбогатѣли и употребляли богатство на пріобрѣтеніе земель общины; участки задолжавшихъ переходили въ руки ростовщиковъ.

Накопленіе богатствъ чувствовалось даже въ лонѣ самыхъ патриархальныхъ семей. Въ началѣ все было общее: ни одинъ членъ семьи не обладалъ ничѣмъ, кромѣ предметовъ личнаго употребленія; въ семьяхъ общинныхъ селъ въ Индіи монеты не употреблялись для торговли; онѣ служили лишь какъ предметъ роскоши и пришивались къ одеждѣ. Все пріобрѣ-

тенное приносилось въ общій складъ. „Куда ни приведи корову, она все дома отелится“ говоритъ славянская поговорка; это значитъ: какимъ бы способомъ ни обогатился человѣкъ, онъ долженъ подѣлиться со всей своей семьей. Это только справедливо, такъ какъ всякій членъ семьи имѣетъ право на все, чѣмъ она обладаетъ, если онъ не изгнанъ за какое либо преступленіе или по другой важной причинѣ; онъ можетъ уѣхать, быть въ отсутствіи нѣсколько лѣтъ; когда же онъ вернется, то дома ему всегда есть мѣсто.

Первое движимое имущество сдѣлавшееся личнымъ въ Римѣ и славянскихъ земляхъ, это *peculium castrense*, военная добыча; мало по малу эта же привилегія распространилась и на имущества, пріобрѣтенныя на службѣ государству и церкви, и принесенныя въ приданое женою; слѣдовательно послѣ *peculium castrense* образовалось *peculium quasi castrense*.

Было позволено торговать этимъ благопріобрѣтеннымъ имуществомъ, состоявшимъ сначала изъ рабовъ, затѣмъ изъ скота, драгоценностей, денегъ и даже недвижимости. вмѣстѣ съ богатствомъ въ общину проникло неравенство между ея членами, и составлявшими ее семьями; согласіе было уничтожено; въ каждой семьѣ появились личные, и часто противоположные требованія другихъ, интересы; наконецъ семьи раздѣлились и устроились самостоятельно. Тогда и была основана семья, такая, какою мы ее теперь знаемъ.

Общественная собственность и соотвѣтствующій ей семейный строй развиваются удивительно медленно въ селахъ, не становящихся центрами торговли и накопленія движимыхъ имуществъ. Вѣроятно прежняя форма собственности продолжалась бы вѣками, если бы ее не разшатали внѣшніе толчки. Дѣйствительно, коллективистическія коммуны представляютъ собою экономическія единицы, вполне удовлетворяющія матеріальнымъ и

умственнымъ нуждамъ своихъ членовъ, и наоборотъ производящія очень мало бродящихъ элементовъ: тамъ все совершается по традиціи, сохраненной предками и передаваемой изъ поколѣнія въ поколѣніе, какъ драгоценнѣйшее изъ наслѣдствъ. Поэтому сельская община достигаетъ довольно высокой степени промышленнаго и земледѣльческаго развитія и въ то же время удовлетворяетъ простымъ и малочисленнымъ потребностямъ своихъ членовъ; кажется въ ней самой не можетъ найтись и причинъ эволюціи: движеніе передастся ей лишь внѣшнимъ міромъ. Первыми кто даѣтъ ей толчекъ являются деспотическія правительства; они то и являются настоящими разрушителями основъ деспотизма, дѣйствуя противъ себя.

Государственные поборы, пагубное вліяніе которыхъ можно наблюдать въ Индіи, являются одной изъ дѣйствительнѣйшихъ причинъ, вселяющихъ нищету и дезорганизацію въ сельскія общины.

Сперва подати платятся натурой пропорціонально урожаю сбора съ полей; но этотъ способъ платежа не можетъ удовлетворить централизирующееся правительство: оно начинаетъ опредѣлять заранѣе количество и родъ взноса, требуя его во всякомъ случаѣ, не въ зависимости отъ урожая. Чтобы уплатить подати, крестьяне часто принуждены обращаться къ ростовщикамъ, этой язвѣ общинъ; эти ужасныя существа, поддерживаемыя правительствомъ, безбожно обворовываютъ ихъ; они превращаютъ земледѣльца въ чисто номинальнаго собственника, который работаетъ лишь для уплаты все увеличивающихся, по мѣрѣ платежа, долговъ. Ростовщики внушаютъ вездѣ и глубокое презрѣніе, и ненависть.

Въ Россіи крестьянинъ смѣшиваетъ еврея съ ростовщикомъ, вотъ почему антисемитическія движенія въ ней такъ бурны и кровавы.

Тѣ, которые поживляются отъ крестьянъ не хуже обрѣзан-

ныхъ сыновъ Авраама, были тоже часто избиваемы и разграбляемы.

Но дробленіе общинной собственности можетъ происходить и естественно, какъ слѣдствіе прогресса въ земледѣліи.

По мѣрѣ усовершенствованія способовъ обработки и по мѣрѣ того, какъ является сбытъ продуктамъ, земледѣльцы начинаютъ замѣчать, что одного года недостаточно для получения всего барыша на затраченные на полученную при раздѣлѣ землю трудъ и удобреніе.

Они требуютъ отсрочки передѣла на 2, 3, 7 и 20 лѣтъ. Русское правительство требовало передѣловъ лишь во время ревизіи; мужики же называли ихъ чернымъ, т. е. дурнымъ передѣломъ и указали этимъ, какъ онъ непріятенъ тѣмъ семьямъ, которыя стали какъ бы владѣтелями доставшейся имъ по послѣднему передѣлу земли. Но замѣьте, что только пахотныя, удобряемыя земли передѣляются послѣ долгихъ лѣтъ и даже остаются недвижимостью владѣющихъ ими семей, луга же продолжаютъ дѣлиться ежегодно; деревья же, посаженные на общинныхъ земляхъ, подлежащихъ передѣлу, задолго до этого являлись собственностью посадившаго.

Въ общинныхъ селахъ всѣ главы семействъ равны между собою, такъ какъ происходятъ всѣ отъ одного gens'a: иностранцы, поселяющіеся среди нихъ въ качествѣ ремесленниковъ или же военноплѣнныхъ, спустя нѣкоторе время, получивъ право гражданства, соответствующее древнему принятію въ gens, получаютъ долю земли наравнѣ съ первоначальными жителями. Это присоединеніе чужестранцевъ, конечно, возможно лишь въ случаѣ медленнаго прироста населенія и обилія пригодной земли. Густо населенныя села принуждены отдѣлять колоніи и посылаютъ ихъ на новыя мѣста разрабатывать соседніе лѣса. Иногда каждое семейство получаетъ право самостоятельно обрабатывать кусокъ земли вдалькѣ отъ извѣстнаго

района, и на извѣстный промежутокъ времени болѣе или менѣе продолжительный, оно считается собственникомъ обрабатываемой имъ земли.

Но запасъ необработанныхъ, но плодородныхъ земель скоро истощается въ городахъ, которые расположены по берегу моря, вдоль рѣки, или на перекресткѣ дорогъ и которые привлекаютъ большое количество чужеземцевъ.

Въ этихъ селахъ, превратившихся въ города, трудно ужъ получить право гражданства; даже для жительства въ нихъ нужно платить извѣстную пошлину ¹⁾.

Пришельцы не принимаются въ расчетъ при раздѣлахъ земли, они не пользуются общими лугами и пастбищами и не входятъ въ число должностныхъ лицъ города. Эти права принадлежатъ исключительно потомкамъ первоначальныхъ жителей, составляющихъ привилегированное сословіе; аристократію коммуны, городскихъ патрицевъ, въ противовѣсъ съ одной стороны феодальной аристократіи, съ другой—ремесленникамъ, которые, по крайней мѣрѣ по происхожденію, всегда иностранцы. Тѣ же, защищая себя противъ деспотизма и вѣчныхъ притѣсненій общинной аристократіи, организовались въ ремесленные цехи. Это подраздѣленіе городскихъ жителей во все время среднихъ вѣковъ было источникомъ междуусобныхъ, часто кровавыхъ, столкновений.

Въ деревняхъ росла — въ ущербъ общинной — феодальная собственность: слѣды ея сохранились до перехода собственности къ буржуазіи; въ городахъ же, сдѣлавшихся

---

¹⁾ Rivière упоминаетъ указъ 1223 года, требовавшій взыскивать со всякаго иностранца, желающаго проживать въ Реймѣ въ пользу епископа четверть сеты (3 четверика) ржи и курицу, въ пользу мэра 8 экю, а старшинамъ 4. Епископъ—это феодальный сеньоръ; его повинность сравнительно легка; тогда какъ требованія мэра и старшинъ-патрицевъ общины очень тяжелы для того времени.

оживленными центрами промышленности и торговли, накапливались и увеличивались движимыя богатства, воздвигшія индивидуальную собственность на развалинахъ коллективной собственности и общинной организаціи.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Феодальная собственность.

1.

Феодальная организація.

Есть два типа феодальной собственности: недвижимая, называемая знатоками леннаго права тѣлесной (*corporelle*), состоящая изъ замка, достоящагося по праву старшинства старшему сыну, и окрестныхъ земель „такъ далеко, какъ каплунъ можетъ въ разъ облетѣть“; и движимая, называемая договорной (*incorporelle*), состоящая изъ военной повинности, барщины, десятины и различныхъ обязательствъ.

Феодальная собственность (собственность духовенства есть лишь разновидность ея) рождается среди сельскихъ общинъ, основанныхъ на коллективной собственности, и увеличивается за счетъ ея; затѣмъ, вслѣдствіе ряда вѣковыхъ преобразований, она приводитъ къ буржуазной, настоящему виду индивидуальной собственности. Феодальная собственность и порождаемая ею социальная организація служатъ переходомъ отъ се-

мейнаго, точнѣе родового коллективизма къ буржуазному индивидуализму. Въ феодальныя времена собственность и собственникъ имѣють обязательства и не приобрѣли еще буржуазную независимость, право пользоваться и злоупотреблять. Земля не продается и не можетъ быть куплена, она отягощена рабствомъ и передается по обычаю и законамъ, которые собственникъ не можетъ нарушить: собственникъ долженъ исполнять свои обязанности относительно людей, стоящихъ выше и ниже его по іерархической лѣстницѣ. Феодальный строй, въ сущности, есть контрактъ взаимныхъ услугъ: баронъ обладаетъ землей и правомъ на трудъ и продукты труда крѣпостныхъ и вассаловъ, подъ условіемъ оказанія услугъ высшимъ и подвластнымъ лицамъ (*la foi et l'hommage*). Феодальный сеньоръ, взамѣнъ „присяги на вѣрность“ вассала „обѣщался защищать его отъ всѣхъ и противъ всѣхъ и помогать ему во всѣхъ случаяхъ“; вассалъ укрѣплялъ эту защиту, въ свою очередь слѣдуя за сеньоромъ на войну и платя личными повинностями и десятиной съ жатвы и приплода домашнихъ животныхъ ¹⁾). Баронъ, чтобы найти въ случаѣ нужды поддержку и помощь, прикрѣплялся къ болѣе могущественному сеньору, который въ свою очередь былъ вассаломъ могущественныхъ феодаловъ—короля или императора.

---

¹⁾ The vision of Piers the Plowman (видѣніе Пирса-пахаря), составленное за нѣсколько лѣтъ до бунта кентскихъ крестьянъ, завладѣвшихъ въ 1380 году Лондономъ, напоминаетъ дворянству ихъ обязанности по отношенію къ крѣпостнымъ и вассаламъ кормящимъ ихъ. Пирсъ говоритъ рыцарю: *Je profre you so faire,*

That I shall swynke, and swete, and sow for us bothe,
And other labourers do for thi love al my lyf tyme,
Ju' covenant that thow kepe holik irke and myselfe

Tro wastoures and fro wikked men that this world struyeth.

Вы предлагаете такъ справедливо, что я буду работать и сѣять въ потѣ лица своего за насъ обоихъ, и другіе дѣла буду дѣ-

Всѣ члены феодальной іерархіи, восходящей отъ крѣпостного человѣка къ королю или императору, были тѣсно связаны взаимными обязательствами. Тогда долгъ, какъ теперь прибыль, былъ душою общества. Все способствовало глубокому запечатлѣнію его въ сердцахъ старыхъ и малыхъ. Народная поэзія, этотъ первый и могущественный факторъ образованія, обращала долгъ въ религію. Роландъ—эпическій герой феодализма, окруженный и побѣжденный сарацинами въ Ронсевалѣ, держитъ такую рѣчь къ своему сотоварищу по оружію, Оливье, который жалуется на то, что Карлъ Великій ихъ покинулъ...

Ne dites tel outrage.

Mal seit de l'coer ki el'piz se cuardet!

Nus remeindrum en estal en la place;

Par nus i iert i li colps e li caples.

Per sun seignur deit hum suffrir granz mals.

E endurer e forz freiz e granz calz.

Si u deit hum perdre de l'sanc e de la carn.

Fur de la lance e jo de Durendal,

Ma bone espée que li Reis me dumat.

Se jo i moere, dire poet ki l'avrate,

Que ele fut à nobilie vassal' ¹⁾. Aoi.

дать за тебя всю жизнь, подъ условіемъ, что ты станешь защищать святую церковь и меня самого отъ разбойниковъ и злыхъ людей, ходящихъ по свѣту.

¹⁾ Не богохульствуйте.—Проклятъ тотъ, кто носить въ себѣ трусливое сердце. Мы будемъ твердо держаться; отъ насъ будутъ исходить и удары и сраженіе!.. За своего сеньора мы должны претерпѣвать большія страданія и терпѣть холодъ и жаръ, также должны терять кровь и тѣло. Коли копьемъ, а я дюрандаломъ—доброй саблей, что даль мнѣ король. Самъ умру, ея обладатель можетъ сказать что

Родовой коллективизмъ могъ дать лишь общинное единство; феодализмъ создалъ провинціальную и національную жизнь, объединивъ обязанностями и взаимными услугами автономныя и отдѣльныя части одной провинціи и націи. Съ этой точки зрѣнія феодализмъ есть военная федерація баронствъ.

Обязанности барона по отношенію къ его крѣпостнымъ, оброчникамъ и вассаламъ были многочисленны и тяжелы; но когда начался упадокъ феодализма, они освободились отъ своихъ обязанностей, сохраняя и увеличивая обязательства и тяготы подчиненныхъ, которыя въ прежнія времена лишь были платою за дѣйствительныя услуги.—Бароны не ограничились освобожденіемъ себя отъ феодальныхъ обязанностей, они захотѣли владѣть землями своихъ вассаловъ, лѣсами и другими общинными имуществами. Французскіе знатоки леннаго права, справедливо названные *plumes fèodales*, подтверждали, что земля, лѣса, дуга и воды всегда принадлежали сеньорамъ, отдавшимъ ихъ лишь въ распоряженіе крѣпостнымъ людямъ и вассаламъ. То же произошло и въ Англіи, гдѣ объ-

---

она принадлежала благородному вассалу! *Aoi* (Пѣснь Роланда; изданіе *Léon Gautier*). Пѣснь о Роландѣ, народная эпопея среднихъ вѣковъ, часто пѣлась при началѣ сраженій. При Гастингсѣ, когда сошлись двѣ арміи, нормандскій рыцарь *Taillefer*, сталъ передъ рядами и запѣлъ пѣсню о Карлѣ Великомъ и Роландѣ „чтобъ возбудить въ солдатахъ мужество“, какъ говоритъ *William Malmsbury*. Во время пѣнія онъ игралъ шпагой, бросалъ ее въ воздухъ и хваталъ за рукоять: Норманны подхватывали припѣвъ съ криками: „Господи, помоги“.

Воскличаніе *Aoi!* повторяющееся послѣ каждой строфы занимало многихъ филологовъ; оно соответствуетъ французскому *ohé!* какъ замѣчаетъ *Gautier* и означало окончаніе куплета; такъ какъ вѣроятно „пѣснь о Роландѣ пѣлась двумя лицами, какъ поется еще теперь въ Финляндіи *kalevala* двумя *runoilain*“.

Одинъ начинаетъ пѣть строфу, которую другой повторяетъ, потомъ говоритъ свою, повторяемую въ свою очередь первымъ и такъ далѣе до конца поэмы, пѣніе которой продолжается часто цѣлые дни и ночи.

явили, что неизвѣстно когда, „должно быть во время феодализаціи Европы, или нормандскаго завоеванія, вся территорія Англіи была конфискована, что земли были распределены между сеньорами въ собственность, которую они частью роздали слѣдовавшимъ за ними свободнымъ людямъ, частью же поручили обрабатывать крѣпостнымъ рабамъ, что вся невоздѣлывавшаяся земля была также отдана сеньорамъ, и что всѣ несогласующіеся съ феодальными принципами обычаи послѣдовательно и незамѣтно возникли благодаря попустительству сеньоровъ же“ ¹⁾. Однимъ словомъ все принадлежало барону, и должно было къ нему вернуться. Благодаря такимъ безстыднымъ подтасовкамъ фактовъ, дворянство во Франціи и Англіи могло завладѣть лѣсами и землями—собственностью сельскихъ общинъ. Историки изъ среды буржуазіи и Merlin, ужасный законовѣдъ конвента, разрушитель общинныхъ имуществъ, желая найти индивидуальную форму собственности даже въ феодальныя времена, признали пристрастнымъ тезисъ аристократовъ. Исторія зарожденія и эволюціи феодальной собственности докажетъ ложность мнѣнія знатоковъ леннаго права, и укажетъ, что феодальная собственность установилась съ помощью обмана и насилія.

II.

Происхожденіе феодальной собственности.

Феодализмъ, являющійся іерархическимъ строемъ власти, родился и развился среди равенства; но чтобы равенство по-

---

¹⁾ Н. J. Maine. Village communities стр. 84. Мнѣніе это было выражено передъ комиссіей палаты общинъ адвокатомъ М'Blamire, который, по словамъ Мэна былъ наиболѣе свѣдущимъ законовѣдомъ по части земельной собственности въ Англіи въ ея наиболѣе рѣдкихъ формахъ.

родило деспотизмъ, нужно было въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ вліяніе событій, которыя необходимо напомнить въ поясненіе.

Германскія племена, вѣками наводнявшія западную Европу, были кочевниками, и по дикости довольно близко подходили къ ирокезскимъ племенамъ времени открытія Америки. Страбонъ говоритъ, что варвары, жившіе въ Бельгійи и на сѣверо-востокѣ Франціи, не знали земледѣлія, и питались молочными продуктами и мясомъ, большею частью свѣжимъ мясомъ дикихъ кабановъ, столь же опасныхъ, какъ и волки, и которыхъ было столько въ необозримыхъ лѣсахъ, что ихъ хватало для пищи и для покупки другихъ свѣстныхъ припасовъ и предметовъ роскоши. Страбонъ добавляетъ, что таковы же были нравы и обычаи галловъ, вполне сходные съ нравами германцевъ его эпохи. (кн. IV).

Когда Цезарь высадился въ Англіи, то нашелъ что кентскіе бретонцы походили нравами на галловъ: „они не обрабатывали землю, питались молочными продуктами, мясомъ, и покрывались шкурами; они красили свое тѣло въ синій цвѣтъ, чтобы пугать враговъ, и братья имѣли общихъ женъ“¹⁾. Исходная точка европейской цивилизаціи та же, что и во всѣхъ частяхъ свѣта.

Весьма строгое равенство царило среди этихъ варваровъ—воиновъ и охотниковъ; ихъ нравы и обычаи были направлены къ сохраненію этого героическаго равенства. Когда они становились осѣдлыми и начинали обрабатывать землю наиболѣе первобытнымъ способомъ, то предпринимали постоянные военные походы, чтобъ не забыть военнаго искусства. Любимому вождю стоило только провозгласить, что онъ идетъ воевать, и подъ его команду стекалось множество воиновъ, жаждавшихъ добычи и славы.

---

¹⁾ De Bello Gallico. V, § 14.

Въ походѣ они повиновались ему, какъ воины Агамемнону; но пировали за общимъ столомъ на равныхъ правахъ и такъ же поровну, по жребію, дѣлили добычу, и вернувшись къ себѣ, они снова становились независимыми и равными, а вождь терялъ свою власть. На такихъ началахъ свободы и равенства скандинавы, и въ сущности всѣ варвары организовывали свои набѣги. Во все время среднихъ вѣковъ сохранялись эти пиратскіе обычаи; солдатъ набирали, обращаясь къ свободной личной инициативѣ: чтобы пойти войною противъ англичанъ и альбигойцевъ, Вильгельмъ Завоеватель и Иннокентій III обѣщали лишь дѣлежъ имущества побѣжденныхъ. Въ битвѣ при Гастингсѣ въ моментъ начала битвы Вильгельмъ обратился съ такою рѣчью къ солдатамъ: „Сражайтесь хорошо, убивайте всѣхъ враговъ; если мы побѣдимъ, всѣ будемъ богаты: что я возьму—будетъ и ваше; что явоюю, завоеуете и вы; если я возьму эту землю, она будетъ ваша.“—Святой отецъ говоритъ тѣмъ же языкомъ, что и сынъ Роберта Дьявола для возбужденія вѣрующихъ къ истребленію еретиковъ альбигойцевъ. „Ну же, Христовы солдаты! Уничтожайте нечестіе всѣми, данными вамъ Богомъ, средствами (Богъ далъ имъ лишь поджоги, убійство и грабежъ); гоните графа Тулузскаго съ его вассалами изъ ихъ замковъ; лишайте ихъ земель, чтобы православные католики утвердились на земляхъ еретиковъ (10 марта 1208). Крестовые походы, наводнившіе востокъ европейскими воинами, организовались такъ же; предлогомъ для нихъ было освобожденіе Гроба Господня, а цѣлью—грабежъ ¹⁾).

---

¹⁾ Извѣстный экономистъ г-нъ Молиналии паивно сравнилъ финансовыя предпріятія нашего времени съ пиратскими набѣгами среднихъ вѣковъ; онъ слѣдовательно признавалъ, что частная отдача денегъ подъ проценты нашихъ отцовъ семействъ имѣетъ цѣлью грабежъ. Между ними существуетъ однако разница: феодальные войны рисковали собою,

Когда варвары въ поискахъ за землями завоевывали страну, то убивали жителей, какъ дѣлали это евреи по повѣленію своего Бога; но обыкновенно они ограничивались разграбленіемъ городовъ и отнятіемъ нужныхъ имъ земель, на которыхъ они поселялись и которыя обрабатывали по своему, оставляя побѣжденныхъ жить рядомъ по своимъ законамъ и обычаямъ. Ихъ строй не являлся чѣмъ нибудь случайнымъ, а по словамъ Цезаря это была племенная организація; то же подтверждаетъ Elphinstone, сражавшійся въ концѣ прошлаго вѣка съ афганскими варварами. ¹⁾ Каждое племя получало землю распредѣляемую между родами или кланами, живущими въ одномъ или нѣсколькихъ селеніяхъ. Села, объединенныя родствомъ, составляли *centène* (по древне-германски *huntari*, по древне-нормански *haradh*) нѣсколько *centènes* составляютъ графство, нѣсколько графствъ — герцогство. На этой племенной организаціи меровингскіе короли основали начало политической организаціи.

Землю, не бывшую во владѣніи села, занимали *centènes*; что не принадлежало ей—бралось графствомъ, а что оставалось—обыкновенно большія пространства земли—были въ непосредственномъ распоряженіи всей націи. Въ Швеціи существуютъ рядомъ всѣ эти виды владѣнія, говоритъ Энгельсъ, каждое село имѣетъ общинныя земли, дальше идутъ общинныя

а капиталисты набрасываясь на предложенныя финансистами предпріятія, дающія 10 и 20 0/0, рискуютъ лишь капиталами, создавали которые далеко не они.

¹⁾ Земли *Gundehroogs* раздѣлены на шесть частей, соответствующихъ числу клановъ, составляющихъ племя; они распредѣляются по жребію. Передѣлы бывають разъ въ 3 или въ 5 лѣтъ. Удивительно, что передѣлы у этихъ народовъ не имѣющихъ законовъ обходятся безъ ссоръ. (*Mountstuart Elphinstone, an Account of the Kingdom of Caubul*; 1805).

земли *centéne* или *haradh* и графства и наконец національныя, которыя присваиваетъ король въ качествѣ представителя націи, но которыя однако продолжаютъ называться общинными ¹⁾). Коронныя земли во всѣхъ феодальныхъ монархіяхъ были имуществами, принадлежавшими націи; ихъ не слѣдуетъ смѣшивать съ имѣніями меровинговъ въ Бренѣ, Атиньи, Компъенѣ, Вербери и т. д., принадлежавшими роду меровинговъ.

Но, становясь осѣдлыми, земледѣльцами, а позже христианами, варвары мало-по-малу утрачивали свои воинственныя привычки, хотя нѣкоторые изъ нихъ оставались неизмѣнно вѣрными своимъ примитивнымъ нравамъ. Германцы временъ Тацита, освободившись отъ своей первобытной дикости, занимались ужъ земледѣліемъ и были осѣдлы; однако племя ихъ, хатты, занималось исключительно войной: они начинали всѣ сраженія, становясь въ наиболѣе опасныхъ мѣстахъ; они не имѣли ни домовъ, ни земель, никакихъ заботъ. Всюду ихъ кормили. Знаменитые воины другихъ племенъ удерживали всегда при себѣ подарками и пирами преданный имъ штатъ, готовый всюду слѣдовать за ними. Воины племени хаттовъ и храбрецы другихъ племенъ составляли постоянную армію, которая должна была защищать другія племена, занимающіяся земледѣліемъ.

Но какъ только варвары-завоеватели отучались отъ войны, другіе варвары нападали на нихъ, какъ на добычу. Цѣлыми вѣтками сплоченныя маcсы варваровъ устремлялись на Европу: на востокъ готы, гунны, германцы, на сѣверъ скандинавы, на югъ арабы. Чтобы защищать границы отъ ихъ вторженій, римскіе императоры устраивали колоніи ветерановъ, раздавали имъ землю, скотъ, сѣмена и даже деньги, самихъ варваровъ

---

¹⁾ Фр. Энгельсъ. *Socialisme utopian and scientific*. См. замѣчательное дополненіе о Марксѣ.

они направляли другъ противъ друга, имъ дарили земли и поручали защиту крѣпостей; но эти барьеры цивилизаціи разрушались наводненіями варваровъ.

А когда на востокѣ, югѣ и сѣверѣ прекратился этотъ людской потокъ, и варвары сдѣлались осѣдлыми и стали продолжать пріостановленное ими дѣло цивилизаціи, начался новый бичъ: разбойничьи шайки грабили и брали выкупы; послѣ каждой войны обѣ стороны братались и шли грабить дальше ¹⁾).

Европа жила вѣками подѣ страхомъ быть разграбленной, разбитой и уведенной въ рабство. Нашествія, разорявшія страну, не мѣшали племенамъ, уже сдѣлавшимся осѣдлыми, воевать между собою. Эти междоусобныя войны вѣчно обезсиливаютъ варварскія племена при борьбѣ съ иностранцами: они не умѣютъ забыть ненависть клана къ клану, села къ селу, чтобы пойти на общаго врага. Тацитъ, думавшій лишь о римскомъ могуществѣ, просилъ боговъ поддержать эти гибельныя войны, такъ какъ, по его словамъ, „судьба не могла дать большаго счастья римлянамъ, какъ междоусобную войну ихъ враговъ“. Жители деревень для защиты отъ столькихъ опасностей укрѣпляли села, называемыя по овернскимъ хартіямъ XI, XII вѣка лагерями (*castra*). При полномъ равенствѣ членовъ

---

¹⁾ Послѣ битвы при Пуатье (1356) солдаты обѣихъ армій, сидѣвшіе безъ дѣла, соединились и пошли воевать для себя. Послѣ трактата въ Вретиши (1360), возвратившаго свободу королю Іоанну, англійскому плѣннику, обѣ арміи были отпущены, онѣ соединились въ шайки и пошли грабить. Одни воевали на сѣверѣ; другіе, болѣе многочисленныя, подѣ начальствомъ Талейрана-Перигоръ, спустились по Ронѣ и опустошили Провансъ. Въ Авиньонѣ они получили отпущеніе грѣховъ отъ папы и подарокъ въ 500.000 ливровъ, что имъ было гораздо цѣннѣе,—папа угостилъ также ихъ вождей, которые брали выкупъ съ городовъ и опустошали деревни.

клана они прибѣгали къ выборамъ для назначенія вождя для защиты племени; вожди вмѣстѣ съ чиновниками, окружавшими короля, составили зародышъ феодальныхъ бароновъ ¹⁾.

Вожди эти вначалѣ исполняли лишь роль сборщиковъ податей, *provenant des compensations*, источникомъ которыхъ является вознагражденіе за услуги, роль предсѣдателей народныхъ собраний, судей, военныхъ надсмотрщиковъ и блюстителей порядка. Они были подчинены власти совѣта старѣйшинъ и народного собранія. По салическимъ законамъ (*lex salica*) среди франкскихъ племенъ, графъ (*graffio*), не позаботившійся выгнать иностранца, приговореннаго къ изгнанію народнымъ собраніемъ, подвергался взысканію въ двѣсти золотыхъ су; именно ту же сумму составлялъ выкупъ за убійство (*Wergeld*). Права, которыя впослѣдствіи должны были сдѣлаться принадлежностью феодальныхъ сеньоровъ, принадлежали общинѣ, представителями которой являлись и публичныя собранія (*folke-mootes*). Подъ страхомъ штрафа, на нихъ должны были присутствовать всѣ жители во всеоружіи. Общины владѣли колонами и крѣпостными.

Законы Валиса, собранные въ 940 году по приказанію короля Ноël-Да и изданные въ 1841 году А. Овенонъ, указываютъ способъ выборовъ, качества и обязанности этихъ вождей, *chef de village*, которые кромѣ нѣкоторыхъ особенностей одинаковы во всѣхъ варварскихъ племенахъ. Вождь,

---

¹⁾ Иногда кланы обращались къ иностранному воину. Кутюмы Беарна начинаются такимъ провозглашеніемъ независимости: *A quetts son los fors de Bearn: en los quo aus fé mention qué antiquement eu Bearn no havé Senhor*, (Вотъ обычаи Беарна: они упоминаютъ, что первоначально въ Беарнѣ не было сеньоровъ,—но жители, нуждающіеся въ военномъ вождѣ и прослышавшіе о подвигахъ рыцаря *de Vigorre*, выбрали его на годъ. Народное собраніе просило его придерживаться обычаевъ, которыми онъ пренебрегъ, онъ былъ избитъ въ самомъ собраніи такъ какъ отказался повиноваться).

старѣйшина *gens'a* или клана, избирался всѣми главами семейства, имѣвшими законныхъ женъ и дѣтей; власть его была пожизненна; у другихъ же народовъ она была временна; во всякомъ случаѣ онъ могъ быть отрѣшенъ отъ должности. Онъ долженъ былъ быть всегда готовъ „à parler en faveur de ses parents et qu'il fût craint: qu'il fut prêt à se battre pour ses parents et qu'il fut craint, qu'il fut prêt à se porter garant pour ses parents et qu'il fut accepté“.

Когда онъ творилъ судъ, то ему помогали семь наиболѣе древнихъ старцевъ; подъ началомъ у него находился мститель (*avénger*), на обязанности котораго лежало исполненіе отмщенія; такъ какъ правосудіе тогда было лишь закономъ возмездія, ударъ за ударъ, рана за рану, убытокъ за убытокъ. При первой тревогѣ, когда кликнуть кличь—у норманновъ *le haro*, у басковъ *le bïafar*—всѣ жители должны вооруженными выходить изъ домовъ и становиться подъ начало вожда: онъ былъ ихъ военнымъ начальникомъ, они были обязаны быть вѣрными ему, повиноваться. Кто не являлся на кличь, былъ приговариваемъ къ штрафу. Жители имѣли военную организацію; напримѣръ, въ Тарбахъ они составляли группы, по десяти человекъ, во главѣ которыхъ стояли *dizainier*, десятскіе, на обязанности которыхъ лежало смотрѣть за тѣмъ, чтобы всѣ были вооружены и чтобы оружіе было въ порядкѣ ¹⁾).

Всякій трудъ среди варваровъ имѣетъ тенденцію укрѣпляться въ одной и той же семьѣ: отъ отца къ сыну переходятъ обязанности плотника, кузнеца, мага или священника; такъ

---

¹⁾ S. Deville. Etudes historiques sur Tarbes, (Bulletin de la Société académique des Hautes-Pyrenées. 6-e année, 2-e livraison, 1861).

образуются касты. Вождь, на обязанности котораго лежало поддержаніе внутренняго порядка и внѣшней защиты, избирался изъ среды жителей; но мало-по-малу вошло въ привычку избирать его изъ той же семьи, которая, наконецъ, устраняя формальность выборовъ, стала назначать сама вождя для общины изъ среды своихъ членовъ. Было бы ошибочно думать, что вначалѣ должность вождя составляла завидную привилегію; наоборотъ, обязанности его были тяжелы и опасны, вождь былъ отвѣтственъ за все. Для скандинавовъ голодъ былъ вѣрнымъ признакомъ гнѣва боговъ: вину эту долженъ былъ нести король, котораго смѣщали, а иногда и казнили.

Эта должность была настолько непопулярна, что избранный собраніемъ не смѣлъ отъ нея уклоняться, иначе онъ подвергался изгнанію и той опасности, что священная и неприкосновенная собственность его семьи, домъ его, будетъ разрушенъ. Древній кутюмъ Аміена говоритъ: „*Se li maires qui eslus seroit refusoit le mairie... et se aucuns refusoit l'esquivinage on abateroit se maison*“.

Gomme указываетъ на тѣ же карательныя мѣры обычнаго права Фолькстона и Гастингса, для городскихъ старшинъ и засѣдателей, которые, будучи выбраны, отказались бы вступить въ должность¹⁾.

Сельскія общины въ Индіи, которыя изслѣдовались и въ наши дни, имѣютъ на общественной службѣ плотниковъ, кузнецовъ, школьныхъ учителей, браминовъ, танцовщицъ для религіозныхъ церемоній и др.; всѣ они находятся на службѣ у общины, которая платитъ имъ, давая помѣщеніе и назначая жалованье съ пошлинъ, взимаемыхъ съ жатвъ и стадъ; иногда

---

¹⁾ Gomme. Village community.

имъ даются клочки земли ¹⁾, обрабатываемые отчасти или вполнѣ поселянами.

Выборные старшины въ европейскихъ селахъ были въ такомъ же положеніи, какъ индусскіе чиновники; ихъ товарищи въ награду за заслуги при дѣлежѣ земель выдѣляли имъ больше земли, чѣмъ остальнымъ жителямъ; такъ, въ бургѣ Мальмсбери старшина его, *alderman*, получалъ въ награду за службу дополнительный кусокъ земли, называемый кухней *alderman'a*; чтобы дать возможность старшинѣ заниматься общественными дѣлами, односельчане обрабатывали его поле и давали ему первую часть жатвы и первенцовъ изъ стадъ, которые затѣмъ оставались на ихъ же попеченіи ²⁾. Должность вождя вовсе не была синекурою; онъ долженъ былъ быть всегда готовъ къ битвѣ. *Dompe* воспроизводитъ рисунокъ манускрипта XI вѣка, гдѣ изображены жнецы, собирающіе хлѣбъ подъ началомъ воина съ копьемъ въ рукахъ.

Выборные вожди не выдѣлялись сперва среди другихъ жителей; но то, что они выбирались всегда изъ того же семейства, породило привилегію, перешедшую въ наследственное право. Глава привилегированной семьи, по праву рожденія, дѣлался естественнымъ главою общины безъ всякихъ выборовъ. Во франкскихъ племенахъ королевская власть не имѣла

---

¹⁾ Эти клочки земли часто назывались именемъ того ремесла въ вознагражденіе за которое они получались. „Существуютъ, говоритъ Мэнъ, въ нѣкоторыхъ англійскихъ приходяхъ клочки земли среди общинной земли, которые съ незапамятныхъ временъ носятъ названіе какого нибудь ремесла, и часто въ народѣ считается, что ею не можетъ законно владѣть человѣкъ не занимающійся даннымъ ремесломъ“.

²⁾ Каждый годъ базуты собираются, чтобы вспахать и засеять поле ихъ вождя и его первой жены. Сотни людей, выстроенныхъ въ линію, послѣдовательно поднимаютъ и опускаютъ мотыки: все село соединяется, чтобы поддержать вождя (*Casalis, les Basoutos*).

другого происхожденія; родъ Меровинговъ доставлялъ военныхъ вождей, такъ же какъ у евреевъ родъ Левитовъ доставлялъ священниковъ, но войны избирали сами вожда изъ среды Меровинговъ; Пипинъ Короткій не только заставилъ себя выбрать собраніемъ воиновъ, но, чтобы прикрыть неправильное завладѣніе властью, онъ заставилъ майнцакаго епископа и папу Стефана IV посвятить себя, причемъ послѣдній его назвалъ: помазанникомъ Божіимъ.

Меровингскіе короли не издавали ни одного частнаго приказанія *particulier*, ни одной грамоты, безъ слѣдующей формулы: *una cum nostris optimatibus* (съ согласія нашего дворянства),—*De consensu fidelium nostrorum* (съ разрѣшенія нашихъ вѣрныхъ подданныхъ) и т. д. Салическіе, древне-германскіе законы и указы первыхъ франкскихъ королей обнародуются не отъ имени какого нибудь князя, а всего народа ¹⁾. Можетъ быть въ главы общины выбирался тотъ, у кого былъ самый обширный домъ, легче всего защищаемый, дабы жители села могли легче въ немъ укрыться въ случаѣ нападенія.

Это стратегическое преимущество, могущее быть случайнымъ вначалѣ, впослѣдствіи сдѣлалось непремѣннымъ условіемъ избранія вожда: въ пограничныхъ индусскихъ селеніяхъ *the burj*—обзорная башня, всегда прилежитъ къ дому вожда и служить убѣжищемъ и наблюдательнымъ пунктомъ. Въ средніе вѣка возможно было быть сеньоромъ лишь обладая „замкомъ или крѣпостью съ птичьимъ дворомъ, укрѣпленнымъ рвами и подъемными мостами, съ большой четырехуголь-

---

¹⁾ Вотъ формула при воцареніи древнихъ королей Арагона, которая съ маленькими измѣненіями должна была быть общей съ франкскими королями: „Мы, изъ которыхъ каждый равенъ тебѣ, дѣлаемъ тебя нашимъ королемъ, подъ условіемъ, чтобы ты исполнялъ наши обычаи; если же нѣтъ, то нѣтъ“.

ной башней и ручной мельницей внутри“¹⁾, чтобы крестьяне могли укрыть урожай и скотъ въ защищенное мѣсто, въ немъ молотъ зерно и организовать защиту. Домъ вождя считался какъ бы общимъ: въ моментъ же опасности онъ и фактически являлся убѣжищемъ для всѣхъ. Крестьяне поправляли его, рыли рвы, укрѣпляли стѣны; въ коллективистическихъ поселеніяхъ есть обычай всѣмъ жителямъ работать сообща при поправкѣ или постройкѣ дома одного изъ членовъ общества. Этотъ обычай и является основаніемъ права феодальныхъ сеньоровъ „требовать отъ вассаловъ и ленниковъ помощи при постройкѣ укрѣпленій, если это право основано на титулѣ, и даже безъ титула во время военныхъ дѣйствій“.

Слѣдующій же комментарий писателя феодальныхъ временъ ясно указываетъ происхожденіе этого права. „И, такъ какъ эти укрѣпленія одинаково служатъ безопасности сель и городовъ, защитѣ лицъ такъ же, какъ и имуществъ, то и чужестранцы, обладающіе имуществомъ въ данной мѣстности, также обязаны способствовать ихъ возведенію“.

Истинными защитниками села и его крѣпости были варвары, болѣе воины, чѣмъ земледѣльцы; при первомъ зовѣ они являлись вооруженными и становились подъ начальство вождя, чтобы поддержать его и отразить нападеніе; они также стояли на стражѣ на башнѣ днемъ и стерегли домъ ночью, во многихъ мѣстахъ до самой революціи нѣкоторые сеньоры сохранили право требовать отъ своихъ вассаловъ строевой службы. Но какъ скоро земледѣльческія наклонности взяли верхъ, крестьяне, чтобы избавиться отъ военныхъ повинностей, мѣшавшихъ имъ отдаваться работѣ, превратили ихъ въ подати платимыя вождю, съ условіемъ содержать

---

¹⁾ Boucher d'Argis, Code rural ou Maximes et réglemens concernant les biens de campagne: 1774, 3-e édition, ch. VI § 2.

воиновъ, исключительно занимающихся сторожевой службой и защитой населенія. При всякомъ штрафѣ, налагаемомъ на преступника, удерживалась извѣстная часть въ пользу вождя и его воиновъ. Этимъ способомъ создавалась возможность для вождя содержать вооруженную силу, которая и позволила ему властвовать и повелѣвать надъ бывшими товарищами.

Село, расположенное въ лучшихъ стратегическихъ условіяхъ дѣлалось центромъ; въ случаѣ нападенія, жители сосѣднихъ селъ искали въ немъ защиты; а чтобы имѣть возможность рассчитывать на это убѣжище, они должны были способствовать содержанію укрѣпленій и воиновъ. Вождь этой крестьянской общины распространялъ свою власть и надъ окружающими селеніями.

Этимъ естественнымъ путемъ родились среди коллективистическихъ селъ, гдѣ права и обязанности всѣхъ мужчинъ были равны, зачатки феодальнаго строя. Они также, какъ и въ Индіи, однако не двинулись бы вѣками впередъ, если бы ихъ не поколебали и не влили въ нихъ новую жизнь внѣшнія событія.

Войны и завоеванія развили эти зародыши, увеличили ихъ число и тѣсно связали между собою взаимными обязанностями и правами въ одну обширную систему, которая въ средніе вѣка распростерлась надъ Западной Европой.

То, что въ наши времена произошло въ Индіи, даетъ намъ возможность понять, какъ завоеваніе страны превращало вождей сельскихъ общинъ въ феодальныхъ бароновъ.

Когда англичане, водворившись на побережьи Индіи, расширили свои владѣнія вглубь страны, то столкнулись съ селами, организація которыхъ была такою же, какъ въ описанныхъ въ предыдущей главѣ. Во главѣ каждой группы земледѣльцевъ стоялъ такой же крестьянинъ, вождь, headman, ко-

торый по словамъ Мэна, вель переговоры съ побѣдителемъ отъ имени всего села.

Англійскія власти не дали себѣ труда узнать, въ чемъ заключались полномочія его власти и каково ея происхожденіе и настоящее положеніе въ общинѣ. Онѣ нашли болѣе удобнымъ считать его хозяиномъ села, тогда какъ онъ былъ лишь его представителемъ, и соотвѣтственно обращались съ нимъ; они усилили и укрѣпили его власть, сдѣлавъ его болѣе могущественнымъ; и въ тысячахъ случаевъ они помогали вождамъ сель покорять своихъ прежнихъ товарищей и лишать ихъ правъ и имущества.

Французы и англичане безуспѣшно стремились дать такую власть старшинамъ (*sachens*) племени Ирокезовъ.

Средневѣковые завоеватели поступали такимъ же образомъ: вождей слишкомъ маленькихъ сель, которыхъ не стоило раздавать въ видѣ бенефиціи своимъ подданнымъ, они оставляли въ должности и возлагали на нихъ обязанности по сбору податей и надзору за ихъ подчиненными; такимъ образомъ завоеватели имъ дали власть, которою тѣ не пользовались въ своей общинѣ. Въ стратегическихъ же пунктахъ завоеватели раздавали мѣста вождей села одному изъ своихъ воиновъ; они вѣряли ему военный постъ. Продолжительность занятія этого поста, называемаго бенефиціей, зависѣла по даннымъ ленныхъ книгъ отъ обстоятельствъ; вначалѣ постъ этотъ былъ смѣняемъ, затѣмъ сдѣлался годичнымъ, пожизненнымъ, наконецъ наследственнымъ и вѣчнымъ. Пользовались всѣми случаями, чтобы превратить бенефицію въ родовое имѣніе и въ аллодь, то есть въ землю свободную отъ податей: во Франціи, короли второй династіи должны были часто издавать указы противъ подобныхъ присвоеній. „Да никто изъ имѣющихъ бенефицію отъ императора или церкви, не вывозитъ оттуда ничего въ свое родовое имѣніе,

говоритъ Карлъ Великій въ капитуляріи 803 года. (Сар. VII, с. III). Но указы не могли помѣшать вождямъ селеній превратиться въ феодальныхъ бароновъ.

Итакъ можно сказать, что происхождение феодализма двояко: туземное и иностранное; онъ развился изъ эволюціи сельскихъ общинъ, и изъ завоеваній.

Феодальные бароны, какъ превращенные въ таковыхъ естественнымъ ходомъ событій изъ вождей сель, такъ и тѣ, которыхъ завоеватели сдѣлали военными начальниками, всѣ должны были защищать и управлять. Земли, которыми они обладали, и оброки, которые они получали, десятина и барщина, служили, имъ вознагражденіемъ за услуги, оказываемыя земледѣльцамъ, живущимъ въ предѣлахъ ихъ юрисдикціи. Бароны и ихъ челядь составляли постоянную мѣстную армію, которая кормилась и содержалась защищаемымъ ими населеніемъ ¹⁾.

Баронъ обязывался судить своихъ вассаловъ, защищать ихъ и помогать имъ, тѣ же клялись ему въ вѣрности, становясь его подданными. При всякой переменѣ происшедшей, благодаря смерти сеньора или вассала, послѣдній, долженъ былъ не позднее какъ черезъ 40 дней лично, а не черезъ довѣренное лицо, явиться въ главный замокъ, никуда больше, чтобы показать, что онъ принималъ присягу въ вѣрности, лишь чтобы найти защиту въ баронскомъ замкѣ; если сеньоръ былъ въ отсутствіи, и не оставилъ представителя, вассаль, узнавъ объ этомъ, присягалъ на вѣрность передъ вратами замка, о чемъ и составлялся протоколъ. Въ положеніи просящаго, прося защиты, съ непокрытой головой, безъ шпаги и шпоръ, онъ долженъ былъ преклонить колѣна и

---

¹⁾ Въ романскихъ языкахъ, слово *вагон*, первое имя феодальныхъ сеньоровъ, означало сильный человекъ, храбрый воинъ, что ясно указываетъ на главнымъ образомъ военный характеръ феодализма.—*Vassal* также значило храбрый, *vallant*.

сложить руки. Принимая присягу, сеньоръ въ знакъ союза и защиты, бралъ его руки въ свои. Тогда вассаль совершалъ, *l'aveu et le dénombrement*, объявлялъ ленъ т. е. перечислялъ земли и имущества, которыя онъ отдавалъ подъ покровительство сеньора; въ первобытныя времена онъ приносилъ кусочекъ земли съ собою. Иногда самъ сеньоръ первымъ давалъ клятву вассаламъ. Въ Fors, кутюмахъ Бигора (*Bigorre*) говорится, что графъ Бигорскій „передъ тѣмъ, какъ принять присягу на вѣрность отъ депутатовъ, присланныхъ по этому случаю отъ жителей той мѣстности, самъ долженъ принять присягу въ томъ, что онъ ничего не измѣнитъ, ни въ древнихъ, ни въ тѣхъ обычаяхъ, которые онъ найдетъ среди жителей; четыре дворянина его земель должны подкрѣпить его клятву“.

Вассаль долженъ былъ являться на военную службу къ сеньору въ слѣдующихъ случаяхъ: „когда чужеземная армія напала на его землю, когда онъ хотѣлъ освободить свой осажденный замокъ или когда отправлялись на объявленную войну“, то есть предпринятую въ интересахъ жителей его земель.

Однако, на первыхъ порахъ феодальной организаціи вассаль хотя и далеко не свободный, но могъ покинуть своего сеньора въ нѣкоторыхъ случаяхъ, перечисленныхъ въ капитуляріяхъ 803 и 816 годовъ, то есть „когда сеньоръ изъявилъ намѣреніе его убить, взять къ себѣ въ крѣпостныя, ударить палкой или шпагой, обезчестить его дочь или жену или отнять его родовое имѣніе“.

Разъ власть бароновъ была установлена, то феодальное дворянство въ свою очередь сдѣлалось источникомъ смуть въ той мѣстности, которую оно должно было защищать. Чтобы увеличить свои владѣнія, бароны вели между собою постоянную и пагубную войну, которая прекращалась лишь на короткое время производства полевыхъ работъ.

Войны между баронами можно уподобить конкуренціи между промышленниками и купцами нашихъ временъ, которая даже пагубнѣе, потому что не знаетъ перерывовъ. Результатъ одинаковъ, то и другое приводитъ къ централизаціи собственности и стоящей въ зависимости отъ нея централизаціи власти.

Побѣжденный феодалъ, разъ онъ не былъ повѣшенъ и лишенъ имущества, становился вассаломъ побѣдителя, который и завладѣвалъ частью его земель и вассаловъ. Къ выгодѣ крупныхъ бароновъ, исчезли мелкіе; они же сдѣлались феодалами, устроили герцогскіе дворы, гдѣ должны были присутствовать тѣ, кто сдѣлались ихъ вассалами.

Бароны часто превращались въ воровъ на большихъ дорогахъ, которые грабили деревни и требовали денегъ съ проезжающихъ и съ городовъ, и вполнѣ заслужили данныя имъ названія *gens-pille-hommes* и *gens-tue-hommes* ¹⁾.

Города вынуждены были вооружиться и стать подъ защиту короля или крупныхъ феодаловъ, которые стремились къ централизаціи земель и феодальнаго имущества, чѣмъ и превращались изъ бароновъ въ придворныхъ.

¹⁾ Vitru, легатъ Инокентія III, проповѣдывавшій въ Бельгii и Германii крестовый походъ противъ Альбигойцевъ (1208) пишетъ: несмотря на титулы и свой санъ, сеньоры не прекращаютъ ходить на добычу и исполняютъ ремесло воровъ и разбойниковъ, пожарами уничтожая цѣлыя мѣстности; нравы духовенства были ни лучше, ни хуже: Норвежскій архіепископъ въ сопровожденіи канониковъ и архидіаконовъ въ XII вѣкѣ рыскалъ по полямъ, охотился на животныхъ, грабилъ крестьянъ и насиловалъ женщинъ. У него была на жалованьи шайка разбойниковъ *routiers* изъ Арагона, которые вымогали деньги отъ страны; епископы и аббаты любили особенно „женщинъ бѣлыхъ, вино красное, богатая одежда и чудные волосы, живя богато, тогда какъ Христосъ жилъ бѣдно“ говорить трубадуръ.

Но по мѣрѣ того, какъ исчезали мелкіе бароны, войны между замками затихали, устанавливалось спокойствіе въ деревняхъ и уменьшалась необходимость феодальной защиты; тогда сеньоры сочли возможнымъ покинуть свои земли и отправиться къ герцогскимъ и королевскимъ дворамъ, чтобы исполнять тамъ обязанности придворныхъ, разъ ихъ роль какъ защитниковъ своихъ вассаловъ и ленниковъ была окончена. Феодализмъ потерялъ свой *raison d'être* съ тѣхъ поръ, какъ земледѣльцы перестали нуждаться въ его военной защитѣ.—Феодализмъ, рожденный войной, отъ войны же и погибъ: тѣ же военныя доблести, которыя способствовали его возникновенію, и погубили его.

Но пока существовалъ феодализмъ, существовали и слѣды первобытнаго равенства, на лонѣ котораго онъ зародился, несмотря на то, что исчезло всякое равенство между сеньоромъ и его вассалами и ленниками. На мірскомъ сходѣ, который вѣдалъ земельныя отношенія какъ барона такъ и крестьянъ, феодальный сеньоръ снова становился равнымъ имъ. Сходъ собирался и безъ его разрѣшенія, иногда даже несмотря на его отказъ созвать сходъ, что однако было его обязанностью. Его право пользоваться общиннымъ имуществомъ было такъ же ограничено, какъ и право другихъ жителей; число головъ скота, которое онъ могъ послать на общинное пастбище, было заранее опредѣлено. Въ своемъ очеркѣ о земледѣльческихъ классахъ Нормандіи, Delisle доказываетъ, что права дворянства были не велики. Такъ сеньоръ де-Бриквиль имѣлъ право пасти на общинныхъ лугахъ только два быка и одну лошадь.

Сеньоры имѣли настолько мало привилегій, что *la Poix de Trémoneille* говоритъ намъ, что сеньоръ, не владѣющій собственнымъ скотомъ, не можетъ послать пастись туда чужой

скоть, ни отказать свое право другому, ни продать его, даже не можетъ уступить свое право добромъ“ ⁴⁾).

III.

Происхожденіе церковной собственности.

Происхожденіе церковной собственности если не тождественно съ происхожденіемъ феодальной, то во всякомъ случаѣ подобно ей.

Въ тѣ смутныя времена многіе искали защиты и у церкви, также какъ и у бароновъ. Священникъ же обладалъ властью, которой не было у барона: открыть врата рая. Вѣра была наивна, но глубока и пылка: этическая поэма и народная сказка, это истинное выраженіе чувствъ и задушевныхъ думъ массъ, признають за священникомъ власть спасти отъ адскаго огня и доставить мѣсто въ раю. Въ пѣснѣ о Роландѣ архіепископъ Turpin, чтобы вернуть къ бою дрогнувшихъ рыцарей, обѣщаетъ имъ райскія блаженства и одновременно предостерегаетъ ихъ, что иначе они будутъ обезчещены народной пѣсней:

Seignurs baruns, neu allez mespeusant;
Pur Deu vus pri que ne seiez fuiant,
Que mils prozdum malvaisemant n'eu caut!
Asez est mielz que moerium cumbatant.
Pramis nus est, feir prendum aïtant;

---

⁴⁾ La Poix de Tréminville, *Traité général du gouvernement des biens des communautés d'habitants*: Paris 1760.

Ultre c'est jur ne serum plus vivant,
Mais d'une chose vus sui jo bien guarant:
Seinz Pareis vus iert aboudunont:
As Innocenz vus en serez seant 1).

Духовенство увѣрило всѣхъ, что скупость есть первый и самый главный атрибутъ Бога и что святые торговали своимъ влияніемъ и протекціей; благодаря чему Хлодвигъ и говорилъ, что „святой Мартинъ не плохо служить своимъ друзьямъ, но заставляетъ слишкомъ высоко оплачивать свои труды“.

Чтобы обезпечить за собою мѣсто въ раю, вѣрующіе умирая завѣщали свое имущество церкви. Вначалѣ этотъ даръ зависѣлъ вполне отъ доброй воли дающаго, но впоследствии сдѣлался вынужденнымъ. „Всякій, говоритъ Монтескье, кто умиралъ, не оставивъ части своего имущества церкви, что называлось умереть непричащеннымъ, *découfés*, былъ лишаемъ причастія и погребенія.

Если кто нибудь умиралъ безъ завѣщанія, то родные должны были просить епископа назначить посредниковъ, которые бы вмѣстѣ съ ними рѣшили, какую часть имущества оставилъ бы умершій церкви, оставъ онъ завѣщаніе. (*Esprit des lois*, I. XXVIII, ch. XVI). Священники предусмотрительно разрѣшали вѣрующимъ отрѣшиться еще при жизни отъ своего имущества, на условіи сохраненія пользованія имъ до дня своей смерти.

Страхъ, что конецъ міра наступаетъ въ 1000 году, значительно увеличилъ дары монастырямъ и духовенству. Къ чему хранить имущества міра сего, когда и люди и животныя должны погибнуть, и часъ Страшнаго Суда скоро наступитъ.

---

1) Сенъоры-бароны, бросьте скверныя мысли;—именемъ Бога, прошу васъ, не бѣгите,—вѣдь васъ зло осмѣютъ въ пѣснѣ.—Лучше умремъ сражаясь.—Между нами, вѣдь это вѣрно, что мы умремъ; послѣ сегодншняго дня намъ не жить;—вы будете возсѣдать вмѣстѣ со святыми.

Но когда 1000 годъ прошелъ безъ катастрофы, страхъ исчезъ, и всѣ стали горько сожалѣть объ имуществѣхъ, отданныхъ въ видѣ выкупа за грѣхи при жизни, и главное напрасно. Начались протесты: наслѣдники протестовали противъ завѣщаній. Чтобы запугать вѣрующихъ, которые требовали возвращенія имуществъ, церковь прибѣгала къ проклятіямъ и анафемамъ. Монастырскія грамоты той эпохи переполнены формулами проклятій, долженствовавшихъ наполнить ужасомъ сердца дарителей и ихъ родныхъ. Вотъ одна изъ нихъ которая часто встрѣчается въ регистрахъ Оверни: „Если кто нибудь изъ чужихъ, или который нибудь изъ вашихъ родныхъ, если вашъ сынъ, или дочь, настолько безразсудны, что рѣшаются нападать на этотъ актъ, рѣшаются силой отнимать имѣнія посвященныя Богу и его Святымъ, то пусть ихъ поражаютъ какъ Ирода ужасныя раны; пусть они мучаются въ глубинѣ ада какъ Іуда, Дафанъ и Авпронъ“ ¹⁾. Но собственно говоря происхожденіе церковныхъ имуществъ было другое.

Beauvois перечисляя причины, такъ увеличившія въ государствѣ число крѣпостныхъ, говоритъ, что нѣкоторые свободные люди сами продавали себя и своихъ дѣтей, иногда изъ нужды, иногда же изъ желанія имѣть хозяина и защитника отъ враговъ, и что свободные люди изъ набожности закрѣпощали себя и свое потомство на время исполненія нѣкоторыхъ обязательствъ по отношенію къ какой либо церкви или монастырю; происхожденіе этой зависимости забылось и на нее стали смотрѣть какъ на доказательство дѣйствительнаго крѣпостнаго состоянія. (*Coutumes du Beauvoisis*, с. XLV).

Отдавались церкви, чтобы имѣть временную защиту. Боль-

---

¹⁾ Cité par H—F Riviere dans son Histoire des institutions de l’Auvergne; 1874.

шинство актовъ добровольнаго закрѣпощенія, говоритъ Gué-
gard, было вызвано набожностью, хорошимъ обращеніемъ
епископовъ и аббатовъ съ крѣпостными, а также преимуще-
ствами этого положенія, оговоренными въ законѣ. Церковные
и монастырскіе крѣпостные и вассалы пользовались тѣми же
привилегіями, что и королевскіе; въ случаѣ нанесенной обиды,
раны или смерти они имѣли право на тройное вознагражде-
ніе. Князь церкви брался преслѣдовать виновнаго, тогда какъ
иначе эта обязанность лежала на семьѣ обиженнаго.

Монастыри были въ то же время крѣпостями, могли вы-
держивать правильную осаду, а монахи умѣли владѣть оружіемъ;
при Гастингсѣ духовенство дралось въ обѣихъ арміяхъ; аббатъ
изъ монастыря Хида возлѣ Винчестера привелъ къ Гарольду
12 монаховъ, они всѣ пали въ битвѣ. Вышіе сановники
церкви были и военными полководцами и, оставляя ризу и
крестъ, надѣвали латы и брали копье. Такіе епископы, какъ
Кагоръ во время пышнаго богослуженія клали на престолъ
свою каску, латы, шпагу, и латныя рукавицы. При Ронсевалѣ,
Роландъ, желая высказать Турпину высшую похвалу, говоритъ
Оливье:

Li Arcevesques est mult bons chevaliers:

Neu ad meillur en terre, desuz ciel,

Bien set ferir e de lance e d'espier.

.....

Dieut Franceis: „Ci ad graut vasselage;

Eu l'Arcevesque est bien la croce salve.

Kar placet Deu qu'asez de tels ait Carles. Aoi. ¹⁾

---

¹⁾ Архіепископъ хорошій рыцарь:—на землѣ, подъ небомъ нѣтъ
лучшаго, онъ умѣетъ хорошо драться копьемъ и шпагой.—Французы
говорятъ: Вотъ большая храбрость! — Крестъ въ безопасности съ архи-
епископомъ.—Дай Богъ, чтобы было побольше людей, подобныхъ Карлу.
Aoi.

Въ феодальныя времена единственными людьми обладавшими хоть какимъ нибудь образованіемъ были, люди церкви; и свои знанія и военную доблесть они отдавали кормившимъ ихъ прихожанамъ. Часто они вступались за сельское населеніе противъ угнетавшихъ его сеньоровъ.

Въ Ирландіи и теперь еще низшее духовенство идетъ вмѣстѣ съ фермерами и крестьянами, которые его кормятъ, противъ помѣщиковъ.

Насколько тѣсна была связь священниковъ и ихъ городской и деревенской паствы, настолько же часты бывали столкновения и борьба между ними и феодальнымъ дворянствомъ. Въ припадкѣ суевѣрнаго ужаса и лихорадочной набожности бароны могли жертвовать церквамъ и монастырямъ часть земель и богатствъ; но въ спокойныя минуты они сильно желали воспользоваться имѣніями священниковъ и монаховъ и пользовались первымъ попавшимся случаемъ, чтобъ завладѣть ими ¹⁾.

Короли первыхъ династій и полководцы раздавали въ видѣ бенефіцій своимъ солдатамъ и подданнымъ церкви и монастыри; съ VIII до XII в. большинствомъ церквей завѣдывали свѣтскія лица ²⁾.

Французскіе короли до самой революціи сохранили за со-

---

¹⁾ По словамъ W. of Malmesbury, Свейнъ, сынъ Годвина и братъ Гарольда, похитилъ монахиню и въ моментъ аффекта совершилъ убійство; затѣмъ, чтобъ успокоить угрызения совѣсти, онъ далъ обѣтъ пройти босикомъ до Іерусалима. Геройски исполнивъ этотъ трудный обѣтъ, онъ умеръ, не выдержавъ его тяжести.

²⁾ Пипинъ Геристальскій, его внукъ Пипинъ Короткій и Карлъ Великій, которымъ нужно было замолить убійство Дагобера и свои захваты, были защитниками церкви; но Карлъ Мартель, отецъ Пипина Короткаго грубо ограбилъ ее. Лѣтописецъ, описывая этотъ фактъ, употребляетъ глаголь *socialiser*. *Korolus plurima juri ecclesiastico detrahens, praedia fisco, sociavit, ac deinde militibus despertivit.* (Eu chronico Centuteusi, lib. II).

бою droit de régale, коронное преимущество, по которому они пользовались всѣми доходами незамѣщенного епископства. Феодалыне короли считали, что церковныя богатства собраны для того, чтобъ помогать имъ въ случаѣ неотступной нужды; они съ такой же беззастѣнчивостью обирали церкви и монастыри, какъ и евреевъ.

„Но духовенство получало столько,—говоритъ Монтескье, что, надо думать, за время трехъ династій, ему, вѣрно, нѣсколько разъ жертвовали всѣ богатства страны“. Когда Генрихъ VIII, эта Синяя-Борода англійской исторіи и верховный первосвященникъ Англій, реформировалъ католическую церковь, то онъ конфисковалъ 645 монастырей, 90 соборовъ, 2.374 церкви и отдѣльныя часовни, 110 больницъ, съ доходами свыше 50 милліоновъ въ одинъ годъ: онъ сдѣлалъ въ большихъ размѣрахъ то, что дѣлали и его предшественники. Буржуа—революціонеры 89 года, завладѣвъ имуществами церкви, въ сущности, послѣдовали лишь примѣру, данному христіаннѣйшими королями Франціи.

IV.

Сущность феодальныхъ повинностей.

Феодальныя повинности пережили феодальныхъ бароновъ, исчезнувшихъ за ненадобностью; онѣ сдѣлались достояніемъ дворянства, часто буржуазнаго происхожденія, и ужъ не служили вознагражденіемъ за оказанныя услуги.

Энергично защищаемыя знатоками леннаго права противъ ожесточенныхъ нападокъ буржуа, онѣ были окончательно уничтожены лишь буржуазною революціей 1789 года. Англійская буржуазная революція, свершившаяся за полтора столѣтія до

нея, облекла властью буржуазію, учредивъ рядомъ съ палатой лордовъ палату общинъ, но она не уничтожила массу феодальныхъ привилегій, которыя являются теперь анахронизмомъ, когда аристократія буквально представляетъ часто лишь классъ капиталистовъ.

Либеральные экономисты и историки нашего вѣка вмѣсто того, чтобъ искать происхожденія феодальныхъ отношеній въ прошедшемъ и объяснить ихъ уничтоженіе исчезновеніемъ причинъ, обуславливающихъ ихъ необходимость, сочли, что будетъ научнѣе и либеральнѣе огуломъ и безъ разбору осудить все, что болѣе или менѣе касалось феодализма. Однако, чтобъ понять общественное устройство среднихъ вѣковъ, нужно знать, въ чемъ состояли эти крѣпостныя отношенія, которыя представляютъ собою движимую форму феодальной собственности.

Было бы слишкомъ долго перечислять всѣ феодальныя повинности; я выберу лишь тѣ, на которыя больше всего изливался гнѣвъ буржуазныхъ писателей, и докажу, что если онѣ и были поддержаны и укрѣплены силой, то въ началѣ онѣ все-таки были установлены добровольно.

Барщина (la corvée). Изъ вышеизложеннаго видно, что феодальный баронъ, если онъ не былъ военнымъ полководцемъ, назначеннымъ побѣдителями, былъ такой же гражданинъ, какъ и равные ему другіе, не выдѣлявшійся изъ ихъ среды никакими привилегіями; онъ получалъ свой клочекъ по земельнымъ раздѣламъ, но онъ самъ не обрабатывалъ его. Его односельчане, чтобъ дать ему больше свободнаго времени для защиты страны, обрабатывали его землю. По словамъ Гакетхаузена, въ Россіи помѣщики продолжаютъ получать доходы съ четверти или трети мірской земли, обрабатываемой жителями села.

Latruffe-Moutmeylion говоритъ, что во Франціи часть общинныхъ имуществъ, которою располагалъ сеньоръ, зависѣла

отъ правѣ крестьянъ. Если послѣдніе пользовались и господскимъ лѣсомъ, то она равнялась двумъ третямъ, если они пользовались только общиннымъ лѣсомъ, то—одной трети 1).

Когда владѣнія монастырей и бароновъ настолько увеличились, что имъ перестало хватать собственность крѣпостныхъ, то они стали сдавать обработку крестьянамъ, жившимъ „au môme pot et au môme pain“, по мѣткому выраженію того времени. Но эти арендаторы, будь они крѣпостные или свободные, должны были нѣсколько дней въ недѣлю работать на сеньора, или пахать его земли, или свозить хлѣбъ.

Въ тѣ времена, когда не существовало товарнаго производства и торговли, и баронъ, и крестьянинъ сами должны были удовлетворять своимъ нуждамъ 2). И въ монастырѣ, и въ феодальномъ замкѣ были всякаго рода мастерскія для производства оружія, земледѣльческихъ орудій, матерій, одежды и т. д.

Крестьяне, ихъ жены и дочери были обязаны работать тамъ нѣсколько дней въ году. Женскими мастерскими завѣдывали сами владѣльцы замка, назывались же онѣ *gynecia*.

---

1) Latruffe-Moutmeylion. Du droit des communes sur les biens communaux; Paris, 1825. Moutmeylion былъ однимъ изъ рѣдкихъ во Франціи писателей, которые имѣли смѣлость защищать общинныя имущества отъ жадности буржуа.

2) Въ *Théâtre de l'agriculture et du metrage des champs* Olivier de Serres совѣтовалъ помѣщикамъ производить самимъ все необходимое и вмѣсто того, чтобъ продавать продукты и на вырученные деньги покупать все нужное въ другомъ мѣстѣ, самому дѣлать одежду; совѣтовалъ въ каждомъ помѣстьѣ имѣть скотобойню, булочную, ткацкую и т. д. Дѣйствительно, феодальная экономія не знала оборота товаровъ и товарнаго производства, являющихся отличительной чертой буржуазной экономіи.

При монастыряхъ также были женскія мастерскія ¹⁾. Онѣ не замедлили превратиться въ гаремы для сеньоровъ и ихъ слугъ и даже въ притоны разврата, гдѣ бароны и священники безчестили своихъ крѣпостныхъ и вассалокъ; слово *gупесіагіа*, работница изъ *gупесіа*, сдѣлалось синонимомъ обезчещенной. Скандаль былъ настолько великъ, что епископы принуждены были запретить священникамъ имѣть подобныя мастерскія.

Изъ этого видно, что современный публичный домъ—духовнаго и аристократическаго происхожденія.

Вначалѣ число дней, въ которые вассаль и свободный колонъ должны были работать на сеньора, было весьма незначительно; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ равнялось всего тремъ днямъ въ году ²⁾. За отсутствіемъ установленнаго обычая или контрактовъ, королевскіе приказы установили 12 дней работы въ году на сеньора. Повинности крѣпостныхъ были значительнѣе, обыкновенно неболѣе трехъ дней въ недѣлю, но отрадой крѣпостного былоею маленькое поле, которое ему оставлялъ сеньоръ и съ котораго не могъ его согнать; кромѣ того онъ получалъ нѣкоторую часть съ жатвы барона и имѣлъ право пастьбы въ его лѣсахъ и пахотяхъ.

Графъ Гаспаринъ, министръ земледѣлія при Людовикѣ XVIII въ своемъ трактатѣ „Аренда“, опубликованномъ въ 1821 году, не колеблясь признаетъ преимущество для помѣщика аренды надъ барщиной ³⁾.

---

¹⁾ Въ дарственной записи графа Ебергарта монастырю Морбахъ въ 728, упоминается сорокъ работницъ изъ гинесей.

²⁾ Пусть свободные люди живутъ мирно и пусть три раза въ годъ идутъ въ извозъ къ графу, велитъ *le Tars de Bigorre*.

³⁾ Причины, которыя указываетъ графъ Гаспаринъ общенитересны и ихъ стоитъ привести здѣсь, такъ какъ онѣ могутъ быть примѣнены къ работѣ пролетарія.

Но во времена упадка феодализма, сеньоры стали злоупотреблять своей властью и увеличили барщину; они захватили такую власть, говоритъ Jean Chenу, писатель начала XVII вѣка, что заставляли крѣпостныхъ пахать, собирать виноградъ и дѣлать тысячи другихъ повинностей, безъ всякаго права, запугивая лишь страхомъ быть битымъ или обруганнымъ воинами. Когда миръ въ Европѣ былъ болѣе или менѣе установленъ и крестьянъ ужъ не отъ кого было защищать, придворная знать, замѣнившая феодальныхъ бароновъ, обратилась въ паразитовъ и притѣснителей.

Обязательный сѣвооборотъ (baus de moisson). Мнѣніе, что право сеньора назначать день покоса луга, сбора винограда, жатвы и т. д. относится исключительно къ феода-

«Система барщины предполагаетъ обязательство дать крѣпостному для прокормленія извѣстное пространство земли подъ обработку за свой счетъ, съ обязательствомъ нѣкоторое количество дней въ году, въ вознагражденіе за это пользованіе, работать на помѣщика... Интересы хозяина и крѣпостного раздѣляются; каждый становится личностью; крѣпостной человекъ знаетъ, что трудъ, который онъ вложитъ въ уступленную ему землю, является залогомъ его благосостоянія, и чтобы сдѣлать его плодотворнѣе, онъ работаетъ дѣятельнѣе.. Происходитъ ли тоже самое въ дни работы на хозяина? Руки, бывшія свободными три дня въ недѣлю, снова становятся рабами на три другихъ. Человекъ научается различать трудъ на себя и на барина: и это различіе является пагубнымъ для послѣдняго... Теперь система аренды. Если мы ее сравнимъ съ барщиной, то не трудно будетъ увидѣть насколько она для помѣщика выгоднѣе.

Въ арендѣ колонъ-арендаторъ не въ состояніи различить какая часть его труда идетъ на пользу хозяину, а какая въ его пользу, и это заставляетъ его трудиться одинаково; и если количество обрабатываемой имъ земли соответствуетъ его силамъ, то онъ и получаетъ съ него все, что возможно при данномъ развитіи земледѣльческой промышленности». (Le Métaillage, publié avec le concours du ministre de l'agriculture).

лизму, невѣрно. Оно зародилось еще въ то время, когда коллективная собственность процвѣтала. Раньше было сказано, что для того, чтобы освободить поля для пастбы общиннаго скота, совѣтъ старѣйшинъ села назначалъ день жатвы.

Этотъ обычай, установленный въ интересахъ всѣхъ односельчанъ, измѣнился лишь, когда сеньоръ сталъ торговать хлѣбомъ. Сеньоръ замѣнилъ собою совѣтъ старѣйшинъ или же влялъ на него, въ томъ направленіи, чтобы задержать объявленіе жатвы, собрать раньше крестьянъ свой хлѣбъ и также раньше и при лучшихъ условіяхъ продать его.

Помѣщичье право (*banalité*) ¹⁾. Хотя слово это и феодальное, но обычай, который оно означаетъ, относится къ эпохѣ коммунизма. Какъ и было сказано, въ сельскихъ общинахъ нѣкоторыя работы исполнялись лицами, оплачиваемыми общиной; въ каждомъ селѣ общинный пастухъ пасъ скотъ всего села; къ услугамъ всей общины были также кузнецы, скотобойни, мельницы и животныя-производители. Въмѣсто того, чтобы топить свою печь и въ ней печь свой хлѣбъ, каждая семья относла его въ общинную, *banale*; этотъ обычай произошелъ изъ желанія сэкономить топливо. Содержаніе и наблюденіе за печью было поручено совѣту старѣйшинъ, потомъ сеньору, который вездѣ, гдѣ это было въ его интересахъ замѣнилъ собою выборныхъ отъ общины. Плата за пользованіе общиннымъ имуществомъ была минимальная: въ ордонансѣ 1223 года Вильгельма *Blanches-Mains*, Реймскаго архіепископа, сказано, что священникъ „будетъ владѣть общинной

---

¹⁾ Въ феодальномъ правѣ подъ этимъ словомъ подразумѣвается право помѣщика заставлять крестьянъ принудительно пользоваться за плату вещами, принадлежащими помѣщику, какъ на примѣръ пользоваться печью или животнымъ-производителемъ.

печью и будетъ взимать за пользованіе ею одинъ хлѣбъ изъ тридцати двухъ“. Boucher d'Argis приводитъ постановленія 1563 и 1673 года, гдѣ плата за помоль опредѣляется въ $\frac{1}{16}$ и $\frac{1}{13}$; по расчету современный мельникъ беретъ $\frac{1}{10}$ ¹⁾).

Такія учрежденія могли существовать лишь внѣ товарнаго обмѣна; они задерживали развитіе торговли и возможность эксплуатаціи общины частными лицами: французскіе революціонеры объявили, что онѣ запятнаны феодализмомъ и уничтожили ихъ въ 1790 году.

Церковь.—Священникъ былъ тѣсно связанъ съ выбиравшимъ и кормившимъ его сельскимъ населеніемъ; въ свою очередь онъ заботился объ ихъ образованіи, занималъ ихъ легендами священнаго содержанія, воспроизведенными въ религіозныхъ церемоніяхъ и другихъ драматическихъ произведеніяхъ, и защищалъ ихъ отъ барона; единеніе существовавшее между священникомъ и народомъ видно изъ духа тогдашней Церкви. Божій Храмъ, впослѣдствіи сдѣлавшійся исключительной собственностью духовенства и закрытый для народа, кромѣ часовъ службы, тогда еще былъ общей собственностью священника, барона и крестьянъ. Хоры и алтарь принадлежали десятиникамъ, то есть сеньору и священнику; „на нихъ возложена была обязанность заботиться объ исправности хоръ,—ихъ стѣнъ, сводовъ, украшеній, покрововъ, пола, скамеекъ, приставныхъ стульевъ, оконныхъ стеколъ, престола и картинъ... Прихожане должны были заботиться о кораблѣ церкви, такъ какъ она имъ принадлежитъ“ говоритъ la Poix de Fréminville. Церковь была и рынкомъ, и мірскимъ сходомъ, и заломъ для танцевальныхъ собраній, въ случаѣ же необходимости въ нее складывали хлѣбъ ²⁾).

1) Boucher d'Argis. Code rural, chap. XV, des banalités.

2) Соборный уставъ 1529 года запрещаетъ „de faire ou souffrir en l'église ou cimitières d'icelles, aulcunes fêtes, danses, jeux

По словамъ Thorold Rogers „въ Англии церковь вездѣ была сборнымъ пунктомъ для собраній прихожанъ, а въ случаѣ опасности и крѣпостью. Строилась она на томъ мѣстѣ, которое первые поселенцы укрѣпили заборомъ“ ¹⁾). Прежде храмъ представлялъ собою священное мѣсто, гдѣ складывались драгоценные предметы; евреи обращали Иерусалимскій храмъ, Римляне храмъ Весты, а Греки Дельфійскій въ сохранныю кассу, *banques de dépôts*, для своихъ сокровищъ.

Колокола средневѣковыхъ церквей принадлежали крестьянамъ, и тѣ звонили въ нихъ, предупреждая о сходѣ, пожарѣ, или нападеніи: въ юридическихъ архивахъ французскихъ провинцій XVII и XVIII вѣковъ встрѣчаются судебныя преслѣдованія, возбужденныя противъ колоколовъ, причемъ они обвиняются въ томъ, что предупредили крестьянъ о прибытіи чиновниковъ по пошлинамъ на соль или королевской ревизіи; ихъ присуждали снять и бить кнутомъ, рукой палача“, „несмотря на то, что они были уже освящены и посвящены при очень торжественной церемоніи, при которой употреблялись и елей,

---

esbatemens, représentations, marchés, et autres assemblées illicites; car l'église est seulement ordonnée à Dieu et non à faire telles folies“.

Но кажется этотъ уставъ имѣлъ мало силы, такъ какъ le Mercure de France, Сентябрь 1742, передаетъ, что въ Безансонской епархіи, въ день Пасхи танцовали танецъ Bergerette, установленный самой Церковью: танцовали *in mendio navis ecclesiae*; по окончаніи танца шивали *cum vino rubro et claro*.

„ Въ Histoire de la danse Bounet говоритъ: въ день святого Мартіала, жители Перигора танцовали въ церкви подъ звуки распѣваемыхъ псалмовъ. Въ концѣ каждой строфы повторяли:

San Marceau, pregas per nous,

E nous espingarem per vous.

Святой Мартіаль молитесь за насъ, а мы потанцуемъ за васъ.

¹⁾ Thorold Rogers, Economical interpretation of History.

и ладонь, и мирро, и пѣлись молитвы“. Церковь была Божиимъ домомъ, строилась противъ феодальнаго замка и крестьянскія жилища тѣснились вокругъ нея.

— *Десятина* (Dime). — Это жалованье священниковъ, которое прежде давалось прихожанами, теперь же платится государствомъ, которое его взимаетъ въ видѣ подати. Какъ и другія феодальныя повинности, она оплачивалась натурой. Вобанъ думаетъ, что повинности и десятина, платимая натурой, менѣе тягостны для земледѣльца, чѣмъ подати деньгами. Дѣйствительно, онѣ соотвѣтствовали жатвѣ и, судя по урожаю, были больше или меньше. Тогда какъ, хороши или плохи урожаи, подать не мѣняется; чтобы уплатить ее, крестьянинъ долженъ добыть за свой продуктъ денегъ; и при этомъ обмѣнѣ, мелкій земледѣлецъ принужденъ сообразоваться съ требованіями банкира или хлѣбнаго торговца, имѣющаго деньги.

Если всѣ современныя правительства и приняли платежъ податей деньгами, то это столько же для того, чтобы сдѣлать ее независимой отъ урожая, сколько и для того, чтобы свалить на земледѣльцевъ всѣ случайности продажи хлѣба.

Десятина въ пользу Церкви давалась сначала произвольно, какъ и теперь въ Ирландіи; по словамъ Mably въ капитуляріяхъ Карла Великаго спеціально объ ней не упоминается; ее платили и священнику, и колдуну. Agobard, Лионскій архіепископъ IX вѣка, горько жалуется, что десятина далеко не такъ охотно платится духовенству, какъ колдунамъ (temprestarii), имѣвшимъ силу насылать бурю и отвращать грозу. Вѣроятно поэтому Франкфуртскій соборъ, созванный при Карлѣ Великомъ въ 794 году, чтобы сполна получить духовную десятину, пустилъ въ ходъ чорта: онъ издалъ капитуляріи, въ которомъ было сказано: „во время послѣдняго голода были найдены пустыя колосья, которые опустошили дьяволы въ от-

мщеніе за неисправный платежъ десятины“. Священники и колдуны, дьяволъ и Богъ, это часто тѣ же лица подъ разными именами.

Но въ силу феодальной поговорки: *nulle terre sans charges ni dîmes*, десятина стала обязательной; она была превращена въ государственное имущество и жаловалась свѣтскимъ сеньорамъ или аббатамъ, которые перепродавали ее свѣтскимъ лицамъ. Десятина, даваемая добровольно, чтобы получить духовную помощь отъ церковно-служителей, сдѣлалась обязательною и въ концѣ концовъ превратилась въ насильственную, не оправдываемую никакой пользой, подать: такъ благородное золото превращается въ неблагородный свинецъ.

V.

Способы расширенія феодальной собственности.

Если феодальныя повинности, сдѣлавшіяся тягостными и несправедливыми, когда бароны перестали исполнять роль защитниковъ своихъ вассаловъ, колоновъ и крѣпостныхъ, и возникли благодаря взаимному соглашенію, то ужъ земельная собственность дворянства увеличилась лишь благодаря обману и насилію, главнымъ образомъ за счетъ общинныхъ имуществъ.

Вначалѣ это былъ лишь военный постъ, порученный временно какому либо воину, или просто право на земельный надѣлъ.

Въ замѣчательной XXVII главѣ „Капитала“, къ которой я и отсылаю читателя, объ экспропріаціи сельскаго населенія, Марксъ показалъ, какимъ грубымъ и быстрымъ образомъ сеньоры Шотландіи и Англіи совершенно обезземелили крестьянъ.

Хотя никакая другая европейская нація и не может похвалиться тѣмъ, что кормила аристократію, которая бы съ такою жадностью и свирѣпостью совершала монополизацию земли, однако во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ крестьяне были обезземелены и лишены своихъ вѣковыхъ правъ буржуазіей и дворянствомъ. Ими были пущены въ ходъ средства, чтобы прійти къ этому похвальному и прибыльному концу. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Подати и барщина сдѣлались настолько непомерно велики, особенно съ тѣхъ поръ какъ бароны сдѣлались бесполезны, что крестьяне соглашались взаимно ихъ отдать сеньору часть общинной земли села. Эти уступки земли, которыхъ жадно домогались сеньоры, повидимому кажется всегда производились съ помощью обмана: бароны подкупали нѣкоторое число крестьянъ, которые брались устроить сельскій сходъ изъ нихъ однихъ, въ которомъ бы прошелъ вопросъ о передачѣ земли; поэтому во Франціи встрѣчаются королевскіе ордонансы, кассирующіе эти приговоры и постановляющіе возвратить земли общинѣ; они же постановляютъ, что никакая уступка общинныхъ земель недѣйствительна, разъ она не постановлена всѣми жителями села, созданными для рѣшенія этого вопроса.

Грабители общинныхъ земель не всегда прибѣгали къ парламентскимъ приемамъ, часто они пользовались силой.

Въ XVI вѣкѣ, когда быстро развивалась промышленная и торговая буржуазія, на общинныя земли заглядывались разомъ и дворяне, и многочисленные спекуляторы. Населеніе городовъ росло и, чтобъ удовлетворить его новымъ потребностямъ, земледѣліе должно было увеличить число своихъ продуктовъ. Общей заботой было—какъ бы развить земледѣліе. Подъ предлогомъ увеличенія пространства пахотной земли, спекуляторы заставили французскихъ королей издать указы, разрѣшающіе распахивать цѣлинныя земли; въ число ихъ они поторопились

включить и общинныя земли и рѣшили ихъ отнять у крестьянъ; тѣ съ оружіемъ въ рукахъ рѣшили защищать ихъ; чтобъ сломить ихъ сопротивленіе барышники призывали на помощь войска, и между королями, приславшими вооруженную помощь, былъ и Генрихъ IV, который говорилъ, что желалъ бы видѣть въ супѣ cadaго крестьянина по воскресеньямъ курицу.

Продѣлки, къ которымъ прибѣгало дворянство, чтобы завладѣть крестьянской землей, носили характеръ ябедничества; они утверждали, что крестьяне владѣютъ землей, не имѣя титровъ, документовъ, что во многихъ случаяхъ было совершенно справедливо, они требовали провѣрки правъ на землю, остальную же землю конфисковали въ свою пользу; иногда же они дѣйствовали чисто революціоннымъ способомъ; когда имъ въ руки попадались бумаги, доказывающія права крестьянъ на землю, они ихъ сжигали, а разъ крестьянинъ не могъ доказать своихъ правъ, то земля оставалась безъ хозяина и слѣдовательно въ силу правила: *nulle terre sans seigneur*, баронъ захватывалъ ихъ. Сожженіе титровъ о собственности въ 1789 году было лишь отвѣтомъ на дѣянія дворянства XVI вѣка.

Захваты лѣсовъ начались еще раньше: не заботясь о бумагахъ, сеньоры присваивали лѣса и поросли; они огораживали ихъ и запрещали крестьянамъ въ нихъ охотиться и лишали ихъ вѣками установившагося права рубить его на постройки и топливо. Эти захваты общинныхъ лѣсовъ дворянствомъ служили поводомъ къ ужаснымъ возмущеніямъ. Въ *Roman Rou* XI столѣтія, крестьянинъ говоритъ: „сеньоры намъ причиняютъ только зло; у нихъ есть все, они могутъ все, ѣдятъ все, а насъ заставляютъ жить въ бѣдности и печали... Къ чему съ нами такъ обращаются? Мы тоже люди какъ и они, у насъ тѣ же члены, тотъ же ростъ, мы такъ

же страдаемъ и насъ сто на одного... Защитимся отъ рыцарей, объединимся и никто не будетъ господиномъ надъ нами, и мы получимъ возможность рубить деревья, стрѣлять въ лѣсахъ дичь, въ прудахъ ловить рыбу и станемъ и въ лѣсахъ, и на лугахъ, и на водахъ жить по своей волѣ“.

Въ срединѣ XIV вѣка въ сѣверныхъ и центральныхъ провинціяхъ Франціи вспыхнули Жакеріи, вызванныя желаніемъ баронства запретить крестьянамъ пользованіе лѣсами и водой.

Такіе же бунты повторялись въ Германіи, начиная съ возмущенія саксовъ противъ императора Генриха IV, кончая крестьянами Суабы, которые во времена Мотера вооружились противъ сеньоровъ, запрещавшихъ имъ пользоваться лѣсомъ и водою.

Отзвукомъ этого возмущенія былъ такой же кровавый бунтъ въ Эльзасѣ и Лотарингін.

Эти возстанія заставили сеньоровъ во многихъ случаяхъ уважать „права пользованья“ крестьянъ, и они такъ прочно установились, что La Poix de Trémerville въ 1760 г. писалъ: „они не могли бы быть у нихъ отняты, даже если бы крестьяне ими злоупотребляли, такъ какъ право пользованья лѣсомъ должно быть вѣчно, и какъ таковое оно такъ же принадлежитъ существующимъ крестьянамъ, какъ и ихъ будущимъ наслѣдникамъ, а тѣхъ, кто еще не родился, нельзя лишить приобрѣтеннаго права“. Но буржуа революціонеры не съ такимъ уваженіемъ отнеслись къ правамъ крестьянъ, какъ феодальный юристъ; они ихъ уничтожили въ пользу крупной земельной собственности.

Если сеньорамъ и приходилось иногда склоняться передъ „правомъ пользованья“ крестьянъ, то тогда они обыкновенно объявляли, что это ими дарованныя привилегіи; они считали себя владѣльцами лѣсовъ такъ же, какъ потомъ они предъ-

явили свои права на земли своихъ вассаловъ. Въ средніе вѣка, когда свободный человѣкъ, владѣвшій аллодомъ, искалъ коммѣндаціи, то-есть покровительства сильнѣйшаго, онъ приносилъ ему кусокъ земли, клялся въ вѣрности и этимъ самымъ бралъ на себя извѣстныя повинности, которыя онъ или отработывалъ, или платилъ натурой; тѣмъ не менѣе, онъ оставался собственникомъ своего поля. Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ феодальный сеньоръ объявлялъ себя владѣльцемъ нѣдръ, то-есть почвы подъ поверхностью земли, признавая за крестьянами (*domaniers*) право на поверхность, самую землю и на все то, что есть на ней: постройки, посѣвы, деревья. Однако, феодальное право не заключало въ себѣ этого пункта, такъ какъ для эксплуатаціи рудниковъ, даже за свой счетъ, сеньоръ долженъ былъ испрашивать разрѣшенія у короля, и право это давалось на опредѣленное время и за плату. Однако, и теперь еще, при помощи такихъ же фикцій закона, современные бретонскіе дворяне требуютъ экспропріаціи земледѣльцевъ, потомковъ вассаловъ и ихъ предковъ.

VI.

Повинности феодальной собственности.

Буржуазная революція 1789 года создала частную собственность на землю: до тѣхъ поръ земли Франціи, принадлежавшія какъ дворянству, такъ и крестьянамъ, были подчинены сервитутнымъ правамъ, что одно время совсѣмъ лишило ихъ характера частной собственности. Крестьяне могли пасти свой скотъ не только въ лѣсахъ, захваченныхъ дворянствомъ, но также и на пахотныхъ земляхъ; разъ жатва снята, земля становилась общею и крестьяне посылали на нее свой скотъ.

Это право распространялось даже на виноградники ¹⁾. Земледѣльцы не только должны были уступать свободныя земли подъ пастбища для общиннаго скота, но и не имѣли права сѣять когда имъ заблагоразсудится: для этого надо было сообразоваться съ постановленіями общинныхъ совѣтовъ; для того же, чтобъ насадить виноградникъ, надо было испросить разрѣшеніе короля. За нѣсколько лѣтъ до революціи было отказано въ этомъ правѣ Montesquien, къ великомъ ужасу энциклопедистовъ.

У владѣльца были обязанности по отношенію къ землѣ: онъ обязанъ былъ ее обрабатывать. 13 октября 1693 года Людовикъ XIV издалъ постановленіе, по которому, въ случаѣ если владѣльцы сами не обрабатываютъ своей земли, „разрѣшается всякому засѣвать ее и пожинать плоды, подъ условіемъ дѣлежа съ хозяиномъ поля“. Этотъ указъ узаконивалъ лишь старый обычай. „Наши городскія головы, говоритъ Coquille, любя общественное имущество и полицію, очень толково ввели обычай, по которому всякій имѣетъ право обрабатывать чужую необработанную землю, безъ согласія владѣльца, подъ условіемъ уплаты названному владѣльцу хлѣбнаго оброка. Этотъ оброкъ не вездѣ одинаковъ, онъ зависитъ отъ количества пахарей и качества земли, въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ равняется трети урожая, иногда четверти, пятой, шестой, а иногда и седьмой части; она зависитъ отъ обычаевъ мѣстности“. (Questions et réponses sur les coutumes de France, § LXXVI).

Земельная собственность въ феодальные времена совершенно не была свободной, она принадлежала не лицу, а семьѣ; по закону владѣлецъ не могъ ее продать; онъ былъ

---

¹⁾ Въ своемъ *voyage agronomique* 1806 года François de Neufchâteau упоминаетъ объ мемуарахъ, напечатанныхъ въ 1763 году обществомъ сельской экономіи въ Берѣ, гдѣ горько жалуется на то, что послѣ сбора винограда виноградникъ долженъ быть предоставленъ для пастбы овецъ, какъ „общая земля“.

лишь арендаторъ, обязанный передать ее наслѣднику. Тотъ же характеръ носили церковныя владѣнія, только они принадлежать бѣднымъ и церкви, великой католической семьѣ: аббаты, монахи и священники, пользовавшіеся ими, были лишь администраторами, хотя и очень ненадежными. Чтобъ избавиться отъ податей, французское духовенство до самой революціи утверждало, что на церковныя владѣнія нельзя смотрѣть, какъ на простыя, такъ какъ они не принадлежать никому,—это *res nullius*, потому что это собственность священная, *res sacrae*, *res religiosae*. Буржуа—революціонеры поймали ихъ на словѣ: они объявили, что церковными имуществами владѣтъ церковь, а не духовенство; греческое же слово *ecclesia*, *église*—церковь означаетъ собраніе, связь, общество всѣхъ вѣрующихъ, что тоже самое что нація, народъ; слѣдовательно церковныя владѣнія принадлежать націи. Ихъ такъ же націонализировали, какъ и при Карлѣ Мартеллѣ, который роздалъ ихъ своимъ воинамъ. Подражая Генриху VIII англійскому, буржуа-революціонеры захватили церковныя имущества и раздѣлили между собою то, что принадлежало бѣднымъ и народу.

Либеральные историки и буржуазные экономисты отчаянно нападали на эти сервитуты, а Neufchâteau называлъ ихъ даже „пятнами феодальной ржавчины“, однако это были остатки первобытнаго коммунизма, который доставлялъ извѣстное благосостояніе крестьянамъ и котораго они навсегда лишились въ тотъ день, когда частная буржуазная собственность замѣнила феодализмъ.

VII.

Легенда о революціи 1789 года.

Безстыдные фальсификаторы исторіи, буржуазные политики и историки, отовсюду понадергавъ свѣдѣній, соорудили ле-

генду о революціи 1789 года; по ихъ словамъ она была совершена въ пользу крестьянъ, чтобъ надѣлать ихъ землю. Послушавши ихъ, можно подумать, что раньше и не существовало крестьянской собственности и своимъ появленіемъ она обязана продажѣ національныхъ имуществъ и дѣлежу общинныхъ земель. Эта массовая продажа земель, была повтореніемъ, только въ большихъ размѣрахъ, той, которую предпринялъ въ XVI вѣкѣ Генрихъ VIII англійскій; она была выгодна лишь спекуляторамъ и буржуазіи, которая воспользовалась случаемъ обогатиться за счетъ дворянства и духовенства, расширить свои владѣнія и приобрести по дешевой цѣнѣ чуждые замки; но, по словамъ Léonce de Lavergne въ *Economie rurale*, она лишь незначительно увеличила число мелкихъ собственниковъ. Дѣйствительно, во Франціи при дореформенномъ режимѣ „было множество мелкихъ земельныхъ участковъ“ говоритъ Неккеръ. „Число мелкихъ собственниковъ такъ велико, писалъ Артуръ Юнгъ, что, я думаю, оно составляетъ треть всего населенія королевства“. F. de Neufchâteau увѣряетъ, что въ департаментахъ, составляющихъ дижонское сенаторство, земли распределены между большинствомъ населенія; только нѣкоторые изъ нихъ совершенно не имѣютъ земли. Всѣ они издавна владѣли ужъ землю, потому что, прибавляетъ онъ, ихъ надѣлы дробились до безконечности, вслѣдствіе раздѣловъ по смерти ужъ нѣсколькихъ поколѣній ¹⁾.

Революція 1789 года вовсе не создавала мелкой собственности; наоборотъ, не увеличивъ количества крестьянскихъ земель, она лишила ихъ части общинныхъ владѣній и сервитутныхъ правъ пользованія землями баронства и буржуазіи: права собирать желуди, права пасти свой скотъ въ лѣсахъ и на

---

¹⁾ F. de Neufchâteau, *Voyage agronomique dans la sénatorerie de Dijon*; 1806.

полях послѣ уборки хлѣба и другихъ, столь же важныхъ для ихъ благосостоянія. Революція дѣйствовала въ руку только среднимъ и крупнымъ собственникамъ, какъ изъ среды аристократіи, такъ и буржуазіи.

Дворянство доказало свою крайнюю неразвитость, не понимая, что взаимныя нѣкоторыхъ устарѣлыхъ, скорѣе призрачныхъ, чѣмъ реальныхъ привилегій, буржуазная революція освобождаетъ ихъ отъ феодальныхъ сервитутовъ, уничтоженія которыхъ они сами требовали и которые, по ходячему выраженію XVIII вѣка, послѣ снятія жатвы лишали имѣнія характера частной собственности, превращая ихъ въ общую. Одинъ агрономъ дореволюціонной эпохи, Duhamel du Monceau строго и справедливо критикуя право пасти общинный скотъ на свободныхъ земляхъ сеньора, такъ какъ оно мѣшало введенію какихъ бы то ни было усовершенствованій въ земледѣліи, прибавляетъ: „Однако, такъ какъ я держусь того мнѣнія, что надо уважать древніе обычаи, то я думаю, что единственнымъ средствомъ возстановить земледѣліе въ прежней силѣ будетъ признать за каждымъ собственникомъ право одну тридцатую часть своихъ владѣній не отдавать подъ пастбу¹⁾).

Законъ 28 сентября 1791 года о „Сельскихъ имуществвахъ и обычаяхъ“ ограничилъ право крестьянъ на пастбу. Это нападеніе на ихъ вѣковыя права было гораздо важнѣе для крестьянъ чѣмъ паденіе короля и гражданское устройство духовенства, и подняло противъ революціи крестьянъ Юга, Оверни, Анжу, Пуату, Вандеи, Бретани и Эльзаса²⁾).

1) Duhamel de Monceau, *Eléments d'agriculture*, 1762.

2) Каково было значеніе обычая пасти общинный скотъ на свободныхъ земляхъ сеньора, видно изъ книги одного агронома того времени: „Это драгоценное пособіе для множества мелкихъ собственниковъ, которые, не будучи въ состояніи прокормить скотъ на своей землѣ, въ продолженіе шести или семи мѣсяцевъ отпасываютъ ихъ на общинныхъ залежахъ. Нѣтъ села, въ которомъ у жителей, даже не имѣющихъ земли,

Когда эмигранты вернулись изъ-за границы домой, то снова получили тѣ изъ своихъ земель, которыя не были проданы ужъ свободными отъ феодальныхъ сервитутовъ, за тѣ же, которыя ужъ были проданы, государство имъ заплатило выше ихъ стоимости ¹⁾).

Не революція вырвала землю Франціи изъ когтей аристократовъ; это дѣло финансистовъ, промышленниковъ и коммерсантовъ, которые скоро совсѣмъ захватятъ ее въ свои руки. Земля, благодаря экспроприаціи мелкихъ земледѣльцевъ, переходитъ все больше и больше въ руки крупныхъ и поддерживаетъ самую скандальную роскошь среди грубыхъ и глупыхъ паразитовъ, не обладающихъ ни военными доблестями феодальнаго баронства, ни элегантностью и вѣжливостью версальскихъ придворныхъ.

Изъ 49.388.304 гектаровъ, обложенныхъ земельной податью и представляющихъ собою плодородную и могущую быть обработанной часть французской территорію, 2.574.589 гектарами владѣютъ 5.091.097 собственниковъ, т. е. въ среднемъ меньше $\frac{1}{2}$ гектара на душу; тогда какъ 8.017.542 гектара монополизированы 10.482 обуржуазившимися дворянами и мильонерами-буржуа, т. е. въ среднемъ по 764 гектара на

не было бы одной или двухъ коровъ, 5—6 овецъ, а иногда и лошади. Благодаря этому скоту у нихъ есть и молоко, и масло, и сыръ, которыми они питаются, и шерсть, чтобъ сдѣлать себѣ чулки, шапки и грубыя матеріи. Тѣ, которые не нуждаются въ навозѣ, за неимѣніемъ земли, продаютъ его, и только зимою они должны покупать сѣно на деньги, скопленные за весь годъ“ (G. Deschenes, Mémoire sur la vaine pâture et les jachères, tome V des mémoires publiés par la Société d'agriculture du département de la Seine; an XI).

¹⁾ Въ изложеніи мотивовъ закона о возмѣщеніи убытковъ въ количествѣ мильярда, предложенномъ 3 января 1825 года, Мартиньякъ оцѣниваетъ именно въ 987.819.968 франковъ общую сумму проданныхъ дворянскихъ земель.

паразита. Тотъ же самый конгрессъ, который въ 1871 году отдѣлили Францію отъ Эльзаса и Лотарингія, отдалъ 33.000 гектаровъ орлеанскимъ принцамъ. По достовѣрнымъ слухамъ, семейство Ротшильдовъ владѣтъ 200.000 гектаровъ ⁴⁾.

Клочковъ родной земли, оставленныхъ крестьянамъ, не хватаетъ для ихъ прокормленія, но зато они прикрѣплены къ своимъ полямъ, что даетъ возможность помѣщикамъ капиталистамъ имѣть всегда въ своемъ распоряженіи поденныхъ

⁴⁾ Слѣдующая таблица даетъ приблизительное распредѣленіе земельной собственности; она составлена по официальнымъ таблицамъ земельного обложенія на 1884 годъ.

Обозначеніе категорій.	Число единицъ земельнаго обложенія.	Число соб- ственниковъ.	Повѣрность обложенная земельной податью.	Число гектар. приходящ. въ средн. на собств.
Очень мелкая собствен.				
Меньше гектара	8.585.323	5.091.097	2.574.589	0.50
Отъ 1—2 гектаровъ	1.841.045	1.091.740	2.636.867	2.41
Отъ 2—5 гектаровъ	1.894.128	1.123.218	6.010.847	5.35
Мелкая собственность.				
Отъ 5—10 гектаровъ	892.887	529.482	6.254.142	11.81
Средняя собственность.				
Отъ 10—30 гектаровъ	627.860	372.321	10.281.515	27.61
Отъ 30—50 гектаровъ	110.812	65.711	4.214.745	64.14
Крупная собственность.				
Отъ 50 до 100 гектаровъ . . .	73.503	43.587	5.059.217	116.08
Очень крупная собствен.				
Отъ 100—200 гектаровъ . . .	31.567	18.719	4.338.240	231.75
Свыше 200 гектаровъ	17.676	10.482	8.017.542	764.88
Итого	14.074.801	8.346.357	49.388.304	

рабочихъ. До ревизіи, чтобъ располагать рабочими въ дни жатвы и во все время года, въ большинствѣ провинцій помѣщики были принуждены помѣщать крестьянъ на своей землѣ, раздавая имъ клочки поля въ одинъ-два гектара съ домикомъ на немъ; эти маленькія фермы, сданныя пахарямъ въ обмѣнъ на известное количество рабочихъ дней, назывались *manouvgeries* ¹⁾.

Куски земли, которыми владѣютъ современные крестьяне, играютъ роль *manouvgeries* послѣдняго столѣтія съ тою только разницею, что теперь они должны платить за нихъ изъ своего кармана. Скупленные земли отдаются обществами финансистовъ въ аренду, или обрабатываются для нихъ же учеными агрономами, идущими въ уровень съ наукой и земледѣльческой техникой; но часть монополизированныхъ паразитами земель превращена для ихъ удовольствія въ охотничьи поля, откуда фазаны и зайцы гонятъ крестьянъ.

Революція, вмѣсто того, чтобъ облегчить для крестьянъ

¹⁾ Чтобъ заручиться поденными или *manouvgeries*, какъ ихъ называли, землевладѣльцы были принуждены помѣщать ихъ на своихъ земляхъ. Этотъ обычай былъ до того распространенъ, даже послѣ революціи, что *Perthuis*, въ своихъ *Mémoire sur l'art de perfectionner les constructions rurales*, предлагаетъ планъ одного изъ такихъ крестьянскихъ жилищъ, состоящаго изъ комнаты, смежной съ одной стороны съ хлѣвомъ, съ другой же—съ маленькой молочною; тутъ же чуланчикъ для содержанія въ порядкѣ или продажи продуктовъ маленькаго хозяйства (ленъ, конопля и т. д.) или для занятія мастерствомъ. Къ *manouvgeries* прилежитъ обыкновенно поле въ двѣ метрическія десятины (около гектара 25 аръ), въ которомъ домъ и другія постройки занимали около $\frac{1}{2}$ десятины... *Manouvgerie* безъ земли не цѣнилась рабочими... Двѣ коровы, а иногда и ученикъ, который давался помѣщикомъ въ видѣ мертваго капитала (*cheptel mort*)—вотъ и все стадо *manouvrier*. (*Mémoire publié dans le tom. VII de la Société d'agriculture du département de Jla eine, an XIII*).

покупку земель, наоборотъ, затруднила ее, увеличивая постоянно цѣну на землю и земельную ренту, получаемую паразитами.

	1789	1815	1859	1884
Средняя цѣна гектара	400 фр.	600 фр.	1000 фр.	1800 фр.
Земельная рента гектара	12 фр.	18 фр.	30 фр.	54 фр.

Цифровыя данныя о 1789 годѣ записаны и доставлены Forbonnais и Lavoisier; 1815 и 1859 годовъ—L. de Lavergne, а данныя 1884 года установлены по оцѣнкѣ фиска, который полагаетъ среднюю цѣну гектара въ 1800 франковъ; и если считать теперь среднюю цѣну земли въ 2000 франковъ, а земельную ренту въ 60 франковъ на гектаръ, то это не будетъ ниже дѣйствительности; Lavergne вычисляетъ размѣръ земельной ренты въ 3% ¹⁾.

Продажная цѣна земельной собственности за одно столѣтіе увеличилась вчетверо. Это страшное повышение цѣны на землю и есть главная, если не единственная, причина вѣчнаго земледѣльческаго кризиса.

Крестьянинъ не можетъ купить земли, не занявъ денегъ, то-есть не отдавшись на всю жизнь въ руки ростовщиковъ: онъ является лишь номинальнымъ собственникомъ; поле принадлежит не ему, а банкиру; онъ работаетъ лишь, чтобъ заплатить проценты съ долга, который, по мѣрѣ того какъ онъ его выплачиваетъ, все растетъ.

Барыши помѣщика-паразита тѣмъ больше, чѣмъ заработокъ пахаря меньше. Аренда, которую платитъ за землю тотъ крестьянинъ, въ пользу котораго буржуазія совершила революцію, гораздо тяжелѣе той, которую платили средневѣковые земледѣльцы, такъ какъ феодальный сеньоръ оставался въ зависимости отъ успѣшности дѣла; его земельная рента была

---

¹⁾ L. de Lavergne, Economie rurale de France depuis 1789.

не опредѣленною заранѣе неизмѣнной денежной суммой, а частью хорошей или плохой жатвы; часто даже, въ дни неурода, вмѣсто того чтобъ получить подати, онъ былъ принужденъ раздавать крестьянамъ зерно, сѣно и скотъ.

Olivier de Terres, писавшій въ то время, когда придворная знать старалась отягчить условія аренды, совѣтовалъ, какъ лучшую систему аренды, равный дѣлежъ, когда бы сеньоръ поставлялъ половину нужнаго скота, земледѣльческихъ орудій и сѣмянъ и оставлялъ нужное для прокорма скота количество соломы и хлѣба. Но стоитъ еще углубиться въ прошлое, какъ мы увидимъ болѣе выгодныя для пахарей условія. Въ очеркѣ о земледѣльческихъ классахъ среднихъ вѣковъ L. Delisle между другими арендными контрактами упоминаетъ объ арендаторахъ монастыря Сень-Жерменъ де Туръ, которые поставляли монахамъ $\frac{1}{6}$, а по другимъ контрактамъ $\frac{1}{10}$ и даже $\frac{1}{12}$ часть сбора ¹⁾). Это не были какіе-нибудь исключительныя условія, потому что они встрѣчались и на югѣ. Контракты, помѣченные 1212 и 1214 годами, доказываютъ, что монахи монастыря де Муассакъ отдавали земли крестьянамъ подъ обработку, взимая $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{4}$, а иногда и $\frac{1}{10}$ жатвы. Lagreze-Tossat, изучавшій эти акты, замѣчаетъ: „крестьяне договаривались съ монахами по соглашенію, и та часть, которая приходилась на долю послѣднихъ, не носила характера принудительной подати; она была оговорена заранѣе по взаимному соглашенію ²⁾). Въ провинціяхъ, гдѣ разводили виноградъ, насаждалъ его арендаторъ; хозяинъ получалъ половину сбора, но не могъ согнать ни колона, ни его потом-

---

¹⁾ Léopold Delisle. Etude sur la condition de la classe agricole au moyen âge, du dixième au quinzième siècle, en Normandie. 1851.

²⁾ A. Lagreze-Tassat, Etudes historiques sur Moissac. 1782.

ковъ съ посаженнаго ими виноградника. Счетная книжка монастыря Сень-Жерменъ де Пре, которую въ 1844 году опубликовалъ Guégard, даетъ намъ возможность прослѣдить жизнь крѣпостныхъ и свободныхъ хлѣбопашцевъ IX вѣка: поля сдавались въ обработку не отдѣльнымъ лицамъ, а крестьянскимъ общинамъ, жившимъ, какъ было сказано выше, и работавшимъ сообща.

Монастырскія земли дѣлились на *manse ingenuiles* или свободныя — болѣе многочисленныя — и на *manse serviles*; въ средніе вѣка земля обладала моральными различіями; она была или сеньборской и вассальной, или крѣпостной. Колоны обязаны были нести службу и повинности скотомъ, птицей, яйцами, овощами, горчицей и другими пищевыми продуктами и полезными предметами: драницей, вѣхами, дровами, хвостомъ и т. д. Guégard вычислилъ въ деньгахъ приблизительную цѣну этихъ податей и повинностей; онъ нашель, что съ гектара *manse libre* платилась рента въ 6 фр. 13 сент. барщиной и 10 фр. 62 сент. натурой; а съ гектара *manse servile* рента въ 15 фр. 34 сент. барщиной и 6 фр. 46 сент. натурой. Число землепашцевъ монастыря достигало 10.026; судя по именамъ, большинство были германцы. Условія, на которыхъ работали монастырскіе хлѣбопашцы, судя по числу ихъ, должны были быть приблизительно общимъ правиломъ. Кто бы изъ современныхъ фермеровъ не согласился промѣнять своего хозяина-капиталиста на монаховъ IX вѣка, чтобъ платить за землю 21 фр. 80 сент., да и то не деньгами, а барщиной или натурой.

---

*) Polyptique de l'abbé Jrminou, où dénombrement des mauses, des serfs et des revenus de l'abbaye de Saint-Germain des Prés, sous le règne de Charlemagne, publiée par Guégard en 1844.

Революція 1789 года, которая не могла бы совершиться безъ активнаго или пассивнаго содѣйствія крестьянъ, обманула всѣ ожиданія; она довершила грабежъ аристократіи; она отняла безъ выкупа крестьянскія права и общинныя имущества, на которыя ужь многіе вѣка точили зубы дворяне, духовенство и буржуазія; она освободила землю отъ сервитутовъ, служившихъ связью между средневѣковымъ строемъ и первобытнымъ коммунизмомъ *gens'a*, и она возвела на престолъ частную собственность съ ея правомъ пользованья и злоупотребленій.

Чтобъ возвратить себѣ права, отнятыя сеньорами, крестьяне по первому призыву генеральныхъ штатовъ бросились въ революціонный ураганъ: съ отчаянною радостью и къ великому удивленію и неудовольствію буржуазныхъ революціонеровъ, они поджигали замки и феодальныя грамоты; но изъ огня аристократовъ они попали въ полямя капиталистовъ.

Крестьяне были обмануты буржуазными революціонерами, также какъ и добровольцы, участвовавшіе въ революціи и ожидавшіе получить эмигрантскія земли, стоившія милліардъ, были ограблены земельными спекуляторами. Также и бѣдные крестьяне „Жаки“ были преданы Этьеномъ Марселемъ.

Но разбитые, а не побѣжденные крестьяне собираются теперь подъ красное знамя социализма, чтобъ снова начать социальную революцію, которая отниметъ у грабителей имущество и исправитъ преступленія революціи 1789 года.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Буржуазная собственность.

I.

Происхожденіе торговли.

Мы прослѣдили выше, какъ земельная или недвижимая собственность въ началѣ принадлежитъ сообща всему племени, какъ затѣмъ она, при дробленіи gens'a или клана на матриархальныя и патриархальныя семьи, превращается въ коллективную собственность; когда же патриархатъ распадается въ свою очередь и семьи, живущія вмѣстѣ, дѣлятся на столько же отдѣльныхъ четь; когда семья состоитъ ужъ только изъ отца, матери и, по совѣту протестантскаго пастора, возможно меньшаго числа дѣтей, тогда наступаетъ эпоха личной собственности. Движимое имущество быстрѣе проходитъ фазы своего развитія: возникаетъ она также въ видѣ коммунистической собственности, но почти сейчасъ переходитъ къ индивидуальной формѣ. Даже у дикарей-коммунистовъ, оружіе, украшенія и предметы личного присвоенія считаются придатками человѣка, и сжигаются или закапываются вмѣстѣ съ трупомъ ихъ владѣльца. Всегда логичные, дикари, признавая въ человѣкѣ душу,—скорѣе двойника,—приписываютъ животнымъ, растеніямъ и неодушевленнымъ предметамъ душу, которая можетъ жить сама по себѣ, независимо отъ нихъ; поэтому, на похоронахъ война они уничтожаютъ оружіе и

убиваютъ животныхъ и рабовъ, чтобы освободить ихъ души для служенія хозяину на томъ свѣтѣ.

Въ первобытномъ обществѣ и при началѣ варварства, движимость не многочисленна и кто ее дѣлаетъ, тотъ обыкновенно и владѣетъ ею; съ разведеніемъ стадъ, съ введеніемъ рабства, обработки металловъ и съ прогрессомъ промышленности она увеличивается ¹⁾.

Съ накопленіемъ движимыхъ богатствъ мѣняются нравы дикарей. До тѣхъ поръ воевали лишь, чтобы отмстить, чтобы возвратить отобранныя владѣнія, или чтобы увеличить площадь своихъ владѣній: съ увеличеніемъ населенія ея ужъ не хватаетъ. Теперь же война становится промысломъ, удобнымъ способомъ добыть стада, рабовъ, металлы и другіе предметы, которые можно унести. Военный вождь,—*rex, basileus, thindaus*,—выбравшійся на опредѣленный походъ и съ его окончаніемъ терявшій свою временную власть, дѣлается необходимымъ и постояннымъ должностнымъ лицомъ, такъ какъ война и ея организація съ этихъ поръ становятся правильными функціями жизни варварскихъ народовъ, предающихся грабежу, на который они смотрятъ какъ на почтенное средство пріобрѣтенія богатствъ. Что пріобрѣтено на войнѣ—*peculium castrense*—является личной собственностью, какъ бы сдѣланной владѣльцемъ. Но развитіе движимыхъ богатствъ, послужившее на-

---

¹⁾ „Даже кочевой и свирѣпый дикарь владѣетъ своимъ личнымъ оружіемъ, одеждой, драгоценностями и орудіями (*meubles*); интересно, что всѣ эти предметы онъ сработалъ самъ; такъ что этотъ родъ собственности, считаемый между ними священнымъ, видимо происходитъ отъ права собственности каждаго человѣка на себя, на свою личность и тѣло, то-есть это естественная собственность. (С.—F. Volney. *Observations générales sur les Indiens de l'Amérique du Nord*; *Oeuvres complètes*, édition de 1821).

чаломъ героическому грабежу, породило также и торговлю, эту буржуазную форму грабежа.

На лонѣ сельскихъ общинъ нѣтъ мѣста торговлѣ; введеніе раздѣленія труда было лишь обмѣномъ услугъ и только Прудонъ имѣлъ наивность желать его возстановленія въ самый расцвѣтъ капитализма. Земли кузнеца или ткача обрабатываются въ обмѣнъ за услуги въ ихъ ремеслахъ. Въ извѣстныя времена года села обмѣниваютъ между собою лишь излишекъ своихъ продуктовъ черезъ посредство вождей. По мѣрѣ же роста движимой собственности, образуется классъ лицъ, берущихъ въ свои руки мѣновую торговлю въ самомъ нарождающемся городѣ и съ жителями другихъ городовъ. Классъ купцовъ созданъ: его глубоко презираютъ и уподобляютъ ворами ¹⁾, однако онъ достигъ того, что подчинилъ себѣ производителей и взялъ на себя общее руководство производствомъ, не принимая въ немъ ни малѣйшаго участія. Этотъ классъ является посредникомъ между двумя производителями и эксплуатируетъ ихъ обоихъ. Подъ предлогомъ избавить производителей отъ трудовъ и риска по обмѣну, обѣщая расширить сбытъ продуктовъ на отдаленные рынки и стать самымъ полезнымъ классомъ населенія, образовался классъ паразитовъ, настоящихъ червей общества, которые,

---

¹⁾ Полковникъ Campbell говоритъ намъ, что каждаго предводителя племени съ Кондистана сопровождаетъ толмачъ изъ презираемой касты Ланао, на которомъ лежатъ всѣ коммерческія дѣла, такъ какъ Кондъ считаетъ ниже своего достоинства продавать и торговать. (Vild, Tribes of KhouDISTAN) „Что можетъ выйти изъ прилавка, пишетъ Цицеронъ въ Трактатѣ объ обязанностяхъ, и что честное можетъ произвести торговля?—Все, что есть лавка, недостойно честнаго человѣка, такъ какъ купцы не могутъ наживаться безъ обмана: а что постыднѣе обмана?“ Цицеронъ выражаетъ мнѣніе своего времени, всего древняго міра, всѣхъ обществъ, не основанныхъ на торговлѣ и капиталистическомъ производствѣ.

подъ видомъ жалованья за свои въ дѣйствительности очень жалкія услуги, обираютъ мѣстное и иноземное производство, приобрѣтаютъ огромныя богатства и соотвѣтствующее вліяніе. Идя параллельно развитію цивилизаціи, этотъ классъ добивается все новыхъ почестей и все большаго владычества надъ производствомъ, пока, наконецъ, онъ не производитъ на свѣтъ свое дѣтище: періодическіе промышленные кризисы.

Вначалѣ продукты обмѣниваются на продукты; одинъ изъ нихъ выбирается, чтобъ служить мѣрой ихъ взаимной цѣнности; скотъ долго служитъ для этой цѣли у многихъ народовъ, но затѣмъ онъ замѣняется золотомъ и серебромъ. Сперва его мѣняютъ по вѣсу, потомъ чеканятъ, то-есть признаютъ мѣновой единицей для всѣхъ продуктовъ. Золотая и серебряная монета становится товаромъ изъ товаровъ,—товаромъ, который заключаетъ въ скрытомъ видѣ всѣ другіе и который обладаетъ магической силой по желанію превращаться во всѣ желаемыя и желанныя вещи. Съ появленіемъ золотой и серебряной монеты, нашлось самое энергичное средство для централизаціи и завладѣнія движимыми и недвижимыми имуществами: родилось самое могущественное орудіе разрушенія частной, индивидуальной собственности.

II.

Мелкая промышленность и мелкая частная торговля.

Крестьяне коллективистическихъ селъ сами производили пищу и одежду, которую потребляли; они нуждались лишь въ нѣсколькихъ ремесленникахъ (кузнецахъ, плотникахъ, ткачахъ, портныхъ и т. д.) для производства необходимыхъ вещей; они

принимали ихъ по мѣрѣ надобности и помѣщали на окраинахъ селъ, внѣ укрѣпленій ¹⁾).

Черезъ нѣсколько времени, обыкновенно черезъ годъ и одинъ день, ремесленники получали право гражданства и разрѣшеніе пасти свой скотъ на общинномъ пастбищѣ. Въ такихъ селахъ не было обмѣна продуктовъ; ремесленники были должностными лицами на службѣ общины и получали натурой годовую плату за услуги. Они работали лишь по заказу; матеріалъ имъ доставлялся; а когда было возможно, они переходили вмѣстѣ съ инструментами въ домъ заказчика. Даже когда они ужъ перестали быть на службѣ общества, то все же ихъ услуги оплачивались натурой (хлѣбомъ, напитками, птицей и т. д.); а если у нихъ была земля, то ее обрабатывали другіе въ вознагражденіе за каретное ли мастерство, или ткацкое, или портняжное. Однимъ словомъ имъ платили барщиной и натурой, какъ и воинамъ въ благодарность за защиту. Эта форма промышленности, которая до сихъ поръ существуетъ въ индійскихъ селахъ, продолжается до тѣхъ

---

¹⁾ Платонъ, описывая въ своемъ Критіи древнія Аѣны, даетъ намъ понятіе о первобытной жизни почти всѣхъ городовъ: ремесленники и земледѣльцы помѣщались на склонѣ прямо противъ Иллисуса (Illyssus) говоритъ онъ. Только каста воиновъ занимала вершину, вокругъ храма Аѣны и Гефіаста. Они построили себѣ съ сѣверной стороны общія жилища и жили тамъ на мѣстѣ открытомъ всѣмъ вѣтрамъ, на стражѣ гражданъ. На самой акропольской площади былъ источникъ, который потомъ исчезъ благодаря землетрясеніямъ. Тогда же онъ давалъ много хорошей воды и лѣтомъ, и зимой. Воины съ вершинъ наблюдали море, испещренное пиратами, и тѣснины Дарнега, сквозь которыя часто проходили воинственные жители Елевзиса и Фивъ. Лишь показывался непріятель, ремесленники, земледѣльцы и ихъ стада спѣшили подъ защиту ограды, состоявшей изъ хвороста, переплетеннаго между оливковыми деревьями, которыя росли на Акрополѣ, какъ и на всѣхъ греческихъ скалахъ.

поръ, пока держится коллективная форма земельной собственности.

Села, расположенныя на перекресткахъ дорогъ, гдѣ проходятъ купеческіе караваны, или при устьяхъ рѣкъ, или на берегу моря, мѣняются первыми: тамъ образуется болѣе или менѣе посѣщаемый временный рынокъ, на который мѣстные ремесленники и работаютъ. Число ихъ увеличивается вездѣ, гдѣ они находятъ сбытъ своимъ продуктамъ; ихъ ужъ не гоняють, не дѣлають имъ препятствій, а призываютъ, приглашаютъ. Населеніе этихъ селъ, превратившихся въ бурги и города, состоитъ изъ ремесленниковъ, специализировавшихся въ опредѣленныхъ мастерствахъ и нуждающихся другъ въ другѣ; рынокъ изъ временнаго становится постояннымъ, и жители обмѣниваютъ между собою продукты, а въ дни ярмарокъ продають ихъ иноземнымъ купцамъ и крестьянамъ сосѣднихъ деревень.

Характеръ промышленности мѣняется; ремесленникъ начинаетъ эмансипироваться отъ заказчика. Онъ ужъ не ждетъ, чтобъ ему принесли матеріалъ для работы, онъ его достаетъ и хранитъ въ лавкѣ; онъ работаетъ не на заказъ, а въ предвидѣніи продажи. Онъ ужъ не только производитель, но и купецъ; онъ покупаетъ матеріалъ и, переработавъ, продаетъ его; онъ увеличиваетъ лавку и беретъ въ помощь себѣ учениковъ и компаньоновъ. Чтобъ оплачивать сырой матеріалъ и платить жалованье работающимъ подъ его руководствомъ рабочимъ, онъ долженъ имѣть запасы, но въ такомъ скромномъ размѣрѣ, который едва заслуживаетъ названія капитала въ смыслѣ, употребленномъ Марксомъ; и однако, эти запасы представляютъ собою оборотный капиталъ въ зачаточномъ видѣ.

Приращеніе населенія въ средневѣковыхъ селахъ, превратившихся въ города, мѣшаетъ раздачу новоприбывшимъ общей земли въ пользованіе, и лишаетъ возможности включить

ихъ въ передѣлы. Земли села остаются собственностью исключительно потомковъ старожиловъ, которые образуютъ общинный патріархатъ. Въ деревняхъ же для защиты организуется феодальная аристократія. Въ нѣкоторыхъ городахъ Швейцаріи до нашихъ дней сохранился городской патріархатъ. Общинные аристократы Эльзаса въ концѣ прошлаго и началѣ настоящаго вѣка становятся главарями промышленности.

Въ цѣляхъ сопротивленія деспотизму этихъ буржуазныхъ патриціевъ, монополизирующихъ земли и власть, ремесленники стали организовываться въ цехи, въ которыхъ первоначально отсутствовала наследственная іерархія и которые были открыты для всѣхъ жителей данной мѣстности. Цехи не только защищали своихъ членовъ отъ муниципальнаго патріархата, но и предохраняли ихъ отъ взаимной конкуренціи. Первымъ условіемъ существованія промышленности являлась обезпеченность рынка для сбыта продуктовъ, а такъ какъ онъ сводился къ жителямъ даннаго мѣстечка и случайнымъ покупателямъ въ ярмарочные дни, на обязанности цеховыхъ старшинъ возложено было принятіе мѣръ къ ограниченію числа производителей и продуктовъ. Въ такихъ случаяхъ цехи закрывались и такимъ образомъ ограничивалось число ихъ членовъ, лицъ, имѣющихъ право на веденіе торговли въ городѣ, ихъ компаньоновъ и работниковъ, а слѣдовательно уменьшалось и количество товаровъ. Обработка сырого матеріала въ цехахъ велась въ строго опредѣленномъ порядкѣ. Всякое хотя бы незначительное измѣненіе или усовершенствованіе въ орудіяхъ строго запрещалось изъ боязни нарушенія полнаго равенства условій между производителями. Для того чтобы облегчить старшинамъ наблюденіе надъ работами, цеховые мастера обязаны были работать въ помѣщеніяхъ съ открытыми дверьми и окнами, а иногда прямо на улицѣ. Каждый цехъ имѣетъ свою строго ограниченную спеціальность: такъ, сапожники производятъ

лишь новую обувь, а починка старой относится уже къ специальности другого цеха.

Продажа подвергалась столь же строгой регламентаціи какъ и производство. На ярмаркахъ существовало правило, — сохранившееся и въ наши дни въ парижскомъ Темплѣ (Temple de Paris), гдѣ придерживаются старинныхъ обычаевъ, — состоявшее въ томъ, что продавецъ не имѣлъ права зазывать покупателя раньше, чѣмъ онъ не поровняется съ его прилавкомъ, пройдя который онъ поступаетъ уже въ распоряженіе сосѣдняго торговца.

Эта подробнѣйшая регламентація указываетъ на огромное значеніе рынка еще въ то время; позднѣйшее же расширеніе его совершенно преобразовало способъ производства, а также всѣ связанныя съ нимъ соціальныя отношенія.

Принципъ индивидуальнаго производства основанъ на противорѣчьи, въ разрѣшеніи котораго кроется его гибель. Ремесленникъ, одновременно продавецъ и производитель, тотъ, такъ сказать, синтетическій работникъ, исполняющій физическую и интеллектуальную части своего труда, можетъ существовать лишь подъ условіемъ разбросанности производства и орудій по всей территоріи. Подобный примѣръ мы видимъ въ средніе вѣка, гдѣ не только отдѣльныя провинціи, города и поселенія, но даже каждый феодальный замокъ и крестьянское жилище представляли центръ производства продуктовъ первой необходимости для ихъ жителей, выбрасывающій на рынокъ лишь излишекъ и покупающій только предметы роскоши. Не нуждаясь въ ввозѣ продуктовъ потребленія, средневѣковые города обладали полной экономической свободой, и получая возможность совершенно независимаго существованія, образовывали безчисленное количество отдѣльныхъ государствъ, обыкновенно враждовавшихъ между собою.

Агрономы-экономисты средних вѣковъ совѣтывали землевладѣльцамъ, по возможности, сосредоточивать производство на своихъ земляхъ, чтобы не быть принужденными приобрѣтать что-либо на сторонѣ: дѣйствительно, мы видимъ, что феодальные бароны имѣли въ своихъ замкахъ всевозможныя мастерскія, не исключая и оружейныхъ.

Эта теорія дробленія производства на долго переживаетъ породившія ее условія.

Въ XVI столѣтіи, когда изъ Италіи было заимствовано шелководство, французское государство, вмѣсто того чтобы сосредоточить его въ тѣхъ провинціяхъ, гдѣ оно могло бы успѣшно привиться, старается распространить его на всѣ провинціи, не исключая и тѣхъ, гдѣ тутовое дерево выращивается съ трудомъ.

Во время революціи 1789 года во Франціи стараются привить культуру хлопка для того, чтобы не возить его изъ-за границы.

Сахаристыя свойства свеклы были открыты благодаря стараніямъ освободиться отъ пошрины, платимой колоніямъ за ввозъ тростниковаго сахара.

Когда междоусобныя войны феодаловъ прекратились и земли побѣжденныхъ были присоединены къ владѣніямъ побѣдителей, сообщеніе по дорогамъ стало сравнительно безопаснымъ, между отдѣльными городами и провинціями мало-по-малу завязались торговыя сношенія. Расширеніе рынка повлекло за собой образованіе промышленныхъ центровъ; въ городѣ Гентѣ, занимавшемся выдѣлкой суконъ по преимуществу изъ англійской шерсти, въ XIV вѣкѣ насчитывалось уже болѣе полумилліона жителей. Расширеніе торговли повело къ разрушенію соціальной организаціи феодальныхъ городовъ.

Въ это время городскіе цехи ремесленныхъ мастеровъ обращаются въ аристократическія корпораціи, доступъ въ ко-

торыя для не-родственниковъ мастера является привилегіей, даваемой за деньги, происхождение или въ видѣ особой милости государя, и то лишь послѣ долгаго ожиданія, стоившаго подмастерью очень дорого; ему приходилось платить за обученіе ремеслу, за то, чтобы перейти въ мастера, и, наконецъ, за право работать. Цехи исключали изъ числа своихъ членовъ большое количество подмастерьевъ, работавшихъ не за свой счетъ, а въ мастерскихъ цеховыхъ мастеровъ. Сначала у подмастерьевъ была надежда самимъ сдѣлаться мастерами и открыть торговлю, но по мѣрѣ того, какъ развивалась промышленность и торговля, надежда эта становилась для нихъ все болѣе недостижимой; исключенные изъ цеховъ, въ борьбѣ съ мастерами, подъ началомъ которыхъ они работали, подмастерья группируются и организуютъ обширныя національныя и даже интернаціональныя корпораціи подмастерьевъ, тогда какъ цехи остаются строго мѣстными учрежденіями.

Цеховые мастера, разбогатѣвшіе благодаря развитію промышленности, заключаютъ союзъ съ муниципальными патриціями противъ объединившихся подмастерьевъ, подстрекаемыхъ въ этой враждѣ феодальной знатью, завидовавшей богатству цеховъ и муниципальной аристократіи. Всѣ средневѣковые города были залиты кровью во время борьбы этихъ двухъ классовъ.

Однако, непрерывное расширеніе рынка и связанное съ нимъ развитіе торговли полагаютъ конецъ этой борьбѣ классовъ послѣдней эпохи феодализма, разрушая цехи мастеровъ и измѣняя способъ производства; съ одной стороны, мелкое производство, разбросанное по всей странѣ, централизуется; съ другой стороны, промышленныя заведенія, нагроможденные въ одномъ и томъ же городѣ и въ одной и той же провинціи, распредѣляются по всей странѣ. Прежній ремесленникъ-кустарь уступаетъ мѣсто ремесленнику-рабочему.

III.

Мануфактура.

Открытие дороги въ Индію черезъ мысъ Добрая Надежды и открытие Америки въ концѣ XV вѣка, наводнивъ Европу мексиканскимъ и перувіанскимъ золотомъ, и создавъ заокеанскую торговлю, обезцѣнило земельную собственность, давъ рѣшительный толчокъ капиталистическому производству, которое до того развивалось въ прибрежныхъ городахъ Средиземнаго моря, въ Голландіи и въ Ганзейскихъ городахъ. Наступила эра новой борьбы классовъ и новыхъ революцій ¹⁾. Вновь открытыя страны подверглись грабежу и сдѣлались рынкомъ для промышленныхъ и даже землевладѣльче-

---

¹⁾ Революціей обыкновенно называются только политическія событія, сопровождающіяся народными восстаніями; экономическія же явленія, революціонное дѣйствіе которыхъ на ходъ исторіи и на условія человеческого существованія неизмѣримо глубже и дѣйствительнѣе, принято считать менѣе важными.

Нравы и идеи европейскихъ крестьянъ въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ настолько не мѣняются, несмотря на войны, измѣненія границъ, перемѣну національности и политическія революціи, что одинъ англійскій антропологъ недавно замѣтилъ, до какой степени суевѣрія англійскихъ крестьянъ напоминаютъ суевѣрія негровъ Южной Африки. Деревня зашевелилась сверху до низу лишь съ проведеніемъ желѣзной дороги. Это и другія экономическія явленія капиталистической цивилизаціи молча совершаютъ, при непрестительномъ невниманіи философовъ и буржуазныхъ политиковъ, самый ужасный социальный переворотъ, который когда-либо зналъ человѣчскій родъ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ вышелъ изъ коммунизма и образовалъ патріархатъ и частную собственность.

скихъ продуктовъ Европы; въ Америку посылали хлѣбъ, вино, сыры и. т. д.

Промышленность страдала отъ открытія колоніальнаго рынка и ввоза американскаго золота. Новые люди, не принадлежавшіе обыкновенно ни къ какой корпораціи, разбогатѣвшіе торговлей и желавшіе использовать свои капиталы, набросились на производство, отъ котораго они ожидали крупнаго барыша, для чего надо было пренебречь корпоративными уставами, регулировавшими способы производства, количество изготовляемыхъ продуктовъ и число рабочихъ въ предпріятіи. Поэтому они ужъ не могли помѣщать свои мастерскія, которыя прежде отличались отъ другихъ лишь своими размѣрами, въ городахъ; они перешли въ деревни, въ предмѣстья и новые приморскіе городки, гдѣ нѣтъ ни городскихъ патриціевъ, ни корпоративной организаціи. Мануфактуры, которыя должны были разорить цеховыхъ мастеровъ и погубить мелкую ремесленную промышленность, были основаны не въ Парижѣ и Лондонѣ, а внѣ ихъ черты, въ предмѣстьяхъ Saint.-Antoine, Westmenster и Southwark ¹⁾).

Во главѣ этой промышленной революціи стояли не цеховые мастера, закостенѣлые въ рутинѣ и связанные корпоративными уставами, а купцы или новые люди, субсидируемые купцами. Въ наше время желѣзныя дороги строятся и управляются не спеціалистами этого дѣла, а финансистами.

Нападая на корпоративную организацію и грома привилегіи цеховыхъ мастеровъ, мануфактура не могла не нанести

---

¹⁾ На генеральныхъ штатахъ, созванныхъ въ Парижѣ въ 1614 году, по случаю совершеннolѣтія Людовика XIII, былъ поднятъ вопросъ о свободѣ промышленности; онъ былъ рѣшенъ отрицательно. Предмѣстье Saint—Antoine и нѣкоторыя другія потому такъ сильно развивались, что промышленность въ нихъ пользовалась такою свободой, какой не было въ городѣ.

ущерба ремесленникамъ, хотя она и дала имъ заработокъ и урегулировала и повысила жалованье. Мануфактура породила раздѣленіе труда, которое увеличиваетъ продуктивность труда, но сводитъ къ минимуму техническую ловкость ремесленника. Всѣ отдѣльныя дѣйствія ремесла расчленились и отдѣлились другъ отъ друга; напримѣръ, производство булавки раздѣлилось на 20 отдѣловъ, которые всѣ были поручены разнымъ рабочимъ. Ремесленнику, который зналъ прежде всѣ процессы своего ремесла, исполнялъ ихъ поочереди и получалъ произведеніе, въ которомъ отражалась его артистическая индивидуальность, былъ низведенъ до степени частичнаго рабочаго, который обреченъ всю жизнь исполнять машинально одно и то-же дѣйствіе. Его личность также уничтожена; теперь ужъ ему нужно нѣсколько товарищей, чтобы исполнить то дѣло, которое онъ кончалъ прежде одинъ. Онъ теряетъ свою независимость, такъ какъ ужъ не можетъ работать иначе, какъ въ хозяйской мастерской и при условіи, что другіе рабочіе работаютъ съ нимъ; онъ является инструментомъ, нужнымъ для производства. Производство изъ частнаго сдѣлалось коллективнымъ.

Разрушеніе частнаго производства мануфактурою отражается на сельскомъ населеніи и на земледѣліи. Отдѣльные мелкіе ремесленники жили въ деревнѣ или въ маленькихъ городкахъ и имѣли время и на земледѣльческую и на свою работу. Мануфактура лишаетъ ихъ возможности работать на своемъ полѣ или у сосѣднихъ крупныхъ помѣщиковъ; они переходятъ въ города, которые, постепенно увеличиваясь, занимаютъ сосѣднія поля. Съ тѣхъ поръ начинается бѣгство изъ деревни, на которое такъ горько жалуются землевладѣльцы XVIII вѣка. Отнимая рабочія руки у земледѣлія, мануфактура въ то же время требуетъ большаго числа сельскихъ продуктовъ для прокормленія новаго городского населенія.

Въ началѣ коллективистскаго періода города не существовало даже тамъ, гдѣ жилъ военный вождь, облеченный королевской властью. Индусскіе князья путешествовали въ сопровожденіи отряда воиновъ и разныхъ ремесленниковъ; то мѣсто, гдѣ они останавливались, становилось на время городомъ; жили они данью и подарками сосѣднихъ деревень.

Французскіе короли VI вѣка жили сами и помѣщали свой дворъ на громадныхъ фермахъ; вокругъ королевскаго жилища группировались помѣщенія судей и предводителей племенъ. Остальные дома, меньшаго размѣра, занимали семьи всякихъ ремесленниковъ, отъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ и оружейниковъ до ткачей и кожевниковъ. Ремесленники эти исполняли всякую работу, начиная съ вышиванія шелкомъ и канителью, и кончая самой грубой выработкой шерсти и льна.

Кромѣ этихъ зданій, въ королевскомъ поселкѣ были и хозяйственныя постройки: амбары, хлѣва, саран и загоны ¹⁾.

Отсутствіе дорогъ и трудность сообщенія препятствовали слишкомъ большому скопленію людей въ одномъ мѣстѣ: ихъ было бы невозможно прокормить.

Средневѣковые города могли рассчитывать на подвозъ провіанта лишь изъ сосѣднихъ селъ и, благодаря этому, число ихъ жителей было ограничено въ силу необходимости. ²⁾ Пока дорогъ было мало; да и тѣ небезопасны, что являлось непреодолимымъ препятствіемъ для развитія торговли, никто п

---

¹⁾ Augustin Thierry. *Récits des temps mérovingiens.*

²⁾ Было время, когда самый большой городъ міра, Лондонъ, который теперь можетъ существовать лишь благодаря подвозу со всѣхъ концовъ свѣта, обходился своими земледѣльческими продуктами. За стѣнами города у каждого жителя было свое поле, плодами котораго онъ и жилъ. Въ VIII вѣкѣ главными предметами лондонской торговли были: золото, серебро, рабы, лошади и металлы.

не думалъ стѣснять вывозъ земледѣльческихъ продуктовъ. Но какъ только пути сообщенія усовершенствовались, какъ только стали перевозить зерно съ мѣста на мѣсто, каждый городъ, каждая провинція, стали принимать мѣры, чтобъ воспретить вывозъ хлѣба и предупредить захватъ его. Всѣ европейскіе города издали указы, требующіе, чтобы продажа хлѣба производилась въ опредѣленные часы на базарахъ; тѣми-же указами опредѣлялся максимумъ цѣны и количества зерна, которое можно было купить; помѣщикамъ-же подѣ, страхомъ конфискаціи, запрещалось держать хлѣбъ болѣе двухъ лѣтъ въ амбарахъ; запрещалось также покупать зерно на корню и для ссышки его въ амбары ¹⁾).

Благодаря тому, что населеніе городовъ все росло, трудность же доставки провіанта не уменьшалась, каждый неурожайный годъ вель за собою голодовку или же настоящій голодъ. Главной работой городскихъ властей было предупрежденіе голода: онѣ устраивали запасные магазины, куда въ предвидѣніи неурожая ссыпали столько хлѣба, чтобы хватало на 6 мѣсяцевъ или на годъ; онѣ слѣдили за тѣмъ, чтобъ каждый годъ достаточно земли было засѣяно хлѣбомъ, и ограничивали другія культуры. Эдиктъ 1577 года требовалъ сократить во Франціи насажденія винограда, а также, чтобъ на каждую десятину вновь насаженнаго винограда приходилось бы вдвое больше хлѣба.

Чтобъ удовлетворить новымъ потребностямъ возрастающаго

---

¹⁾ Какъ и во время революціи, такъ и въ средніе вѣка опредѣлялся максимумъ продажной цѣны; во всѣхъ же цивилизованныхъ странахъ промышленники и земледѣльцы, устанавливая пошлины, хотятъ заставить потребителя покупать по высшей цѣнѣ: вотъ къ чему приводитъ буржуазный либерализмъ и участіе, которое капиталисты выказываютъ и потребителямъ, заставляющее ихъ вѣчно понижать жалованье рабочимъ.

городского населенія, земледѣліе должно было развиваться. Въ XVI и XVII вѣкахъ были распаханы новыя земли, расчищены лѣса, осушены болота и увеличено число посѣвныхъ полей. При хорошихъ урожаяхъ стало столько хлѣба, что цѣна его перестала оправдывать издержки производства; пришлось искать новыхъ рынковъ; тогда былъ разрѣшенъ вывозъ хлѣба въ другія провинціи, даже въ Англію и колоніи. Но это право давалось лишь временно: какъ только зерно достигало извѣстной цѣны въ опредѣленной мѣстности, вывозъ запрещался. За четырнадцать лѣтъ, съ 1669 по 1683 годъ, экспортъ разрѣшался во Франціи 9 разъ, а воспрещался 5 разъ. Эти постоянные указы не были въ состояніи предупредить мѣстные голодовки; часто они имъ даже способствовали, ибо запрещался вывозъ хлѣба изъ урожайныхъ провинцій; такъ какъ города, которымъ грозилъ голодъ, захватывали зерно, которое провозилось по ихъ землѣ, или совершенно воспрещали его провозъ, если боялись конкуренціи, то Кольберъ принужденъ былъ заставить бордосскій парламентъ пропустить 2,500 мѣшковъ зерна въ Парижъ.

Часто случалось, что городъ страдалъ отъ недостатка хлѣба, даже когда за 20 миль отъ него урожай былъ очень хорошъ. Обращенію товаровъ (вина, шерсти и другихъ земледѣльческихъ продуктовъ) ставились такія же препятствія. Чтобы облегчить продажу мѣстныхъ винъ Бордо, и Марсель не пропускали къ морю вина изъ другихъ провинцій ¹⁾.

---

¹⁾ Марсельская полиція наказывала кнутомъ возчиковъ, которые доставляли контрабандою вино. Тѣ же самые города, которые жаловались на монополію Бордо и Марселя, дѣлали то же самое въ своихъ предмѣстьяхъ и не допускали къ себѣ вина изъ сосѣднихъ кантоновъ. Маденькій городокъ Вейнъ въ Дофинѣ, требуя отъ королевскаго совѣт-

Послѣдніе королевскіе министры старались доказать всю бесполезность и опасность этихъ запретовъ и пріостанавливали ихъ на время, но были принуждены уступить. Нужна была революція, чтобъ уничтожить монополію, чтобъ лишить крестьянъ тѣхъ вѣковыхъ ихъ правъ, которые связывали земельную собственность, мѣшая развитію современнаго земледѣлія. Она же уничтожила привилегіи цеховъ, которыя стѣсняли прогрессъ фабричной промышленности. Препятствовать устройству мануфактуръ въ городахъ корпораціи побуждалъ главнымъ образомъ страхъ передъ нововведеніями; онѣ воспрещали всякое усовершенствованіе и введеніе новыхъ способовъ производства, чтобы не нарушить равенства между цеховыми мастерами, что неминуемо бы случилось, разъ одинъ изъ нихъ обладалъ бы преимуществомъ, котораго лишены другіе. Argand, изобрѣтатель лампы съ двойной тягой, которая угаивала свѣтъ масляныхъ лампъ, былъ привлеченъ въ XVIII вѣкѣ цехомъ жестяниковъ къ суду въ парижскомъ парламентѣ за нарушеніе ихъ монополіи производства лампъ. Продажа набивного ситца была разрѣшена лишь благодаря заступничеству Маріи Антуанеты и знаменитыхъ королевскихъ куртизанокъ, мадамъ Помпадуръ и дю Барри. Руанскія, ліонскія, турскія и аміенскія торговыя палаты энергично протестовали противъ этого разрѣшенія, предсказывая паденіе промышленности и катастрофу для всей Франціи. Революція 1789 года освободила земледѣліе, торговлю и промышленность отъ феодальныхъ путъ, стѣснявшихъ ихъ прогрессъ, и дала буржуазной собственности полную свободу развитія.

въ 1756 году признанія своихъ привилегій, найвно утверждаетъ, что это необходимо, „такъ какъ иначе жители не захотятъ пить мѣстныя вина, благодаря ихъ скверному качеству“.

IV.

Капиталистическое земледѣліе.

Восемнадцатый вѣкъ съ увлеченіемъ занялся земледѣліемъ, которое во Франціи стояло на очень низкой ступени развитія. „Грустный, но несомнѣнный фактъ, что прогрессъ земледѣлія со временъ римлянъ шелъ чрезвычайно медленно“, писаль дореформенный агрономъ ¹⁾). Приходилось изучать и комментировать латинскихъ авторовъ, какъ самыхъ свѣдущихъ въ этомъ вопросѣ. Какъ и въ наши дни, тогда подражали Англіи, ввозили хорошія породы рогатаго скота и посѣвныя травы, сажали картофель, который былъ извѣстенъ уже больше ста лѣтъ остальной Европѣ ²⁾), прозводили лабораторныя изслѣдо-

---

¹⁾ Gibbert, Recherches sur les prairies artificielles; мемуары земледѣльческаго королевскаго общества въ Парижѣ, томъ II. 1788.

²⁾ Буржуазные историки—фантазеры съ легкимъ сердцемъ приписали введеніе картофеля въ Европѣ филантропу Parmentier, который въ сущности былъ заклятымъ врагомъ крестьянскихъ нравъ; картофель уже продавался въ Англіи по шиллингу за фунтъ въ 1619. Завоеватели Перу ввели его въ Испанію въ началѣ XVI вѣка подъ названіемъ raras; оттуда онъ былъ перенесенъ въ Италію, гдѣ распространился подъ именемъ taratoufli. Множество другихъ съѣдобныхъ и декоративныхъ растений было ввезено въ то же время: просо, кудрявая и цвѣтная капуста. За сѣменами послѣдней долго ѣздили въ Константинополь и Кипръ. Тюльпанъ былъ ввезенъ въ срединѣ XVII вѣка; имъ воспользовалась для спекуляціи международная торговля.

Въ отчетѣ господъ Vilmorin и Heuzé о происхожденіи картофеля, имѣются любопытныя подробности изъ исторіи Франціи: послѣ того, какъ его сталъ пропагандировать Gaspard Bahins, онъ быстро пошелъ въ ходъ съ 1592 года, и въ Франшъ-Конте, и въ Вогезахъ, и въ Бургундіи. Безансонскій парламентъ воспретилъ его культуру, „такъ какъ

ванія ¹⁾, дѣлали опыты въ большихъ размѣрахъ, распространяли агрономическое образованіе въ городахъ и деревняхъ, основывали общества, конкурсы, земледѣльческіе призы; изобрѣтали новыя земледѣльческія орудія и улучшали старыя ²⁾; пробовали механическую сѣялку, борону съ желѣзными зубьями и т. д.

Увлеченіе земледѣліемъ въ этотъ чудесный вѣкъ, который перевернулъ вверхъ дномъ промышленность, идеи и науку, было безгранично; энциклопедисты увѣряли, что посадить дерево, значить сдѣлать доброе дѣло.

это гибельная пища, употребленіе которой можетъ повести за собою проказу“. Въ 1761 году агрономъ Duhamel совѣтуетъ ввести картофель. Тюрго велѣлъ медицинскому факультету выдать свидѣтельство, что картофель питательная и здоровая пища. Благодаря всему этому, его стали разводить и въ Лимузенѣ и въ Анжу.

Въ 1765 году, архіерей de Castres распредѣляетъ извѣстное количество картофеля между священниками своей епархіи и учитъ ихъ, какъ его садить. Парментье же начинаетъ свою пропаганду лишь въ 1778 году.

¹⁾ Увлеченіе опытами доходило до смѣшного. Въ одномъ изъ томовъ земледѣльческаго королевскаго общества есть записки одного маркиза, который серьезно описываетъ свои бесплодныя попытки вырастить растеніе въ ртути; онъ конечно воображалъ, что ртуть также полезна растеніямъ, какъ больнымъ людямъ.

²⁾ „Южная соха“ это почти тотъ же инструментъ, который описанъ у Виргилія (Георгики, I книга, около 170—175), онъ довольно хорошо разрѣзаетъ землю, но не выворачиваетъ ее: „чтобъ посѣять пшеницу, надо имъ пройти до девяти разъ, потому что онъ не входитъ глубже 12 сантиметровъ“ (Paris; *Economie rurale de l'arrondissement de Tarascon, Société d'agriculture de la Seine*. 1811). „Землю пахутъ такъ же, какъ конечно дѣлалось въ глубокой древности. Современная соха, благодаря своей простотѣ, является главнымъ препятствіемъ новому плугу. Самый невѣжественный пахарь ее дѣлаетъ, оснащаетъ и запрягаетъ, тратясь только на лемехъ“. (Farnaud, *Economie rurale du département des Hautes-Alpes, Soc. d'agr.* 1811).

Этотъ юношескій пылъ явно показываетъ, насколько люди XVIII вѣка понимали, что необходимо разрѣшить, подъ угрозой смерти, земельный вопросъ, который все обострялся, благодаря увеличенію фабричнаго населенія. Оно страдало отъ голода, устраивало грозные бунты, которые приготавливали народъ къ революціи, обусловленной экономическими причинами. Таковую же революцію философы и экономисты производили въ просвѣщенныхъ умахъ буржуазіи.

Но всѣ усилія преобразовать земледѣліе разбивались о непреоборимое препятствіе, заключавшееся въ раздробленности крестьянскихъ земель и въ сервитутныхъ правахъ. Поля крестьянъ были раздѣлены и передѣлены до мельчайшихъ размѣровъ послѣдовательными дѣлежами наслѣдствъ ¹⁾). Тѣ же земли, которыми владѣли дворяне и буржуа, хотя и занимали большія пространства, но были раздѣлены на мелкія фермы, что съ точки зрѣнія культуры равняло ихъ съ мелкими владѣніями: въ средніе вѣка на земляхъ крупныхъ помѣщиковъ господствовала та же крестьянская культура, съ трехпольнымъ хозяйствомъ и правомъ пастбы на поляхъ послѣ жатвы. Мелкая собственность, которую съ реакціонной точки зрѣнія восхваляютъ буржуазные политики, рутинна и неспособна къ про-

---

¹⁾ „Распредѣленіе земель очень несовершенно“, говоритъ Neufchateau, „одно имѣніе или *finage*, если въ немъ 500 гектаровъ, состоитъ изъ пяти или шести сотъ частей, которыми владѣютъ 50 и 60 отдѣльныхъ лицъ... Благодаря раздробленію и послѣдовательнымъ раздѣламъ, поля получили самую неудобную форму: есть собственники, владѣющіе 20 отдѣльными *hâtes* (*hâte* имѣетъ 4,5 метра ширины и неопредѣленную длину). Это дробленіе происходитъ, если не исключительно, то главнымъ образомъ отъ дѣлежа наслѣдства между братьями и сестрами. Эта причина, дѣйствуя ужъ много столѣтій, приноситъ безконечно много зла“. (*Voyage agronomique dans la sénatorerie de Dijon*. 1806). Раздѣлы земли между всѣми дѣтьми, которые реакціонеры приписываютъ революціи, былъ общимъ правиломъ у крестьянъ.

грессу, благодаря отсутствію знаній и денежныхъ средствъ у ея владѣльцевъ и малымъ размѣрамъ полей. Вездѣ, гдѣ существуетъ мелкая собственность, примѣнимо замѣчаніе Леопольда Делиля: „Важно то,—говоритъ онъ въ предисловіи къ „Исторіи земледѣльческихъ классовъ среднихъ вѣковъ“,—„что наше земледѣліе за восемь столѣтій, съ X по XIX, не двинулось впередъ. Современные землепашцы слѣдуютъ тѣмъ же пріемамъ, которые были описаны въ монастырскихъ грамотахъ, такъ что, появивсь какой нибудь крестьянинъ XIII вѣка въ любую изъ нашихъ маленькихъ фермъ, ему нечему было бы удивляться“.

Главнымъ препятствіемъ къ введенію новыхъ способовъ земледѣлія являлся старый обычай пастбы крестьянскаго скота на господскихъ поляхъ послѣ сбора жатвы: не желая отдавать свои труды на съѣденіе общинному скоту, никто не вводилъ новаго сѣвооборота. Еще до революціи старались уничтожить этотъ обычай: въ 1777 году Неккеръ издалъ королевскій эдиктъ, по которому разрѣшалось землевладѣльцамъ и фермерамъ не давать свои поля подъ пастбище, несмотря на обычай, который разрѣшалъ отдѣлять для себя лишь пятую часть поля, пользованіе же паромъ разрѣшалъ всѣмъ; 23 іюня 1785 года былъ изданъ приказъ парижскаго парламента, которымъ отмѣнялся для нѣкоторыхъ приходоу его вѣдомства этотъ обычай; въ Пикардіи и въ Нормандіи для нѣкоторыхъ мѣстностей былъ также уничтоженъ этотъ обычай.

Революція разомъ dokonчила такъ робко начатое дѣло.

Уничтоженіе безъ всякаго вознагражденія этого вѣкового права и раздѣлъ общинныхъ земель нанесли ужасный ударъ мелкой собственности и ея способу обработки: оно лишило крестьянъ возможности имѣть скотъ, который ихъ кормилъ, одѣвалъ и доставлялъ удобреніе. Этимъ началась земельная революція: исчезли лѣса, благодаря чему высохли столь много-

численныя прежде болота и пруды, была распахана цѣлина, засѣяны искусственные луга, была увеличена площадь виноградниковъ, расширилась площадь запашки, были введены новые сѣвообороты; продукты стали быстрѣе обращаться и во множествѣ доставлялись въ промышленные города ¹⁾).

Это движеніе оказалось настолько широкимъ, что недороды, такъ часто повторявшіеся до и во время революціи, сдѣлались болѣе рѣдкими и менѣе сильными, а земледѣльцы стали думать ужъ не о томъ, какъ бы удовлетворить требованіямъ, а о томъ, какъ бы найти потребителей для новыхъ продуктовъ. Съ этихъ поръ начинаются ихъ вѣчные вопли о пониженіи цѣнъ, которыя они стараются поддержать таможенными тарифами. Цѣна недвижимости поднимается, и дворянство обогащается благодаря этой революціи, которая освободила ихъ

¹⁾ Societe d'agriculture de la Seine за 1810 годъ даетъ намъ слѣдующія цифры, указывающія на размѣры культуръ въ одной части Верхней Соны.

Tableau synoptique sur l'agriculture de la Haute-Saône, pour la subdélégation de Vésoul, lors de l'avènement de Louis XVI comparé aux arrondissement de Vésoul et de Lure lors de l'avènement de Napoléon.

Синоптическая таблица о земледѣліи въ Верхней Соноѣ.

	1774	1805	Производительность.		Цѣнность въ деньгахъ.	
			1774	1805	1774	1805
Народонаселеніе.						
Общины	455	452				
Жителей	176.323	211.894				
Хозяйствъ	37.827	44.854				
Подраздѣл. вспашки.						
Плугъ запряженный:						
Лошадьми	3.160	3.109				
Волами	5.733	6.688				
	8.893	9.797				

отъ устарѣлыхъ и вредныхъ для нихъ, какъ для земельныхъ собственниковъ, обычаевъ.

	1774	1805	Производительность.		Цѣнность въ деньгахъ.	
			1774	1805	1774	1805
			Сто метрическихъ килограммовъ.		Сто килограммовъ.	
Количество гектаровъ засѣянныхъ.						
Пшеница	26.676	35.765	291.647	350.635	20 фр.	23 фр.
Рожь	13.135	11.922	168.685	93.504	10	17
Ячмень	16.872	19.095	209.697	130.907	12	14
Овесъ	10.712	28.612	133.066	112.204	10	11
Мелкое зерно и овощи	11.320	17.464	152.837	283.686	8	8
	77.715	122.928	955.932	969.936		
Количество гектаровъ засѣянныхъ.						
Дикая рѣпа.	1.470	856	7.920	3.900	20	25
Полевая рѣпа.	—	95	—	390	—	26
					Въ прядевъ	
Конопля	1.719	3.590	7.368	15.058	100	150
Ленъ	105	480	240	1.372	140	180
Табакъ.	35	46	800	913	36	48
	3.329	5.067	16.328	21.333		
Количество гектаровъ занятыхъ лугами						
Естественные	30.128	34.064	1.584.200	1.522.400	6	6
Искусственные.	—	180	—	7.560	—	8
	30.128	34.244	1.584.200	1.529.960		
			Гектолитры.			
Виноградники	5.341	5.745	96.630	54.000		
			Кубическіе метры.			
Высокій лѣсъ	18.180	4.688				
Бугарникъ	54.542	100.258	658.120	645.100	1ф.50	5
	72.722	101.946			шестимѣс. жереб.	
					50	70
Скотъ.						
Лошади всяк. породъ:	10.859	11.891			Теленокъ.	
Рогатый скотъ	69.060	80.484			8	15
Животныя, дающія шерсть	44.764	67.754			Ягненокъ.	
					2	3
			килогр. поросенка		0.40	0.60

Современное земледѣліе требуетъ теперь только все большихъ и большихъ рынковъ, которые одни могутъ служить мѣриломъ его удивительной продуктивности; эти рынки доставляются желѣзными дорогами и капиталистической промышленностью. Крупная фабричная промышленность безстрашно можетъ принимать сельское населеніе и наполнять города тысячами и сотнями тысячъ пролетаріевъ: капиталистическое земледѣліе въ состояніи всѣхъ ихъ прокормить и удовлетворить ихъ потребностямъ.

Это чудовищное развитіе имѣетъ свою очень важную оборотную сторону. Рубка лѣсовъ, которые безконтрольно были предоставлены слѣпой жадности буржуазныхъ собственниковъ, оголила горы и превратила полезныя рѣки въ разрушительные потоки. Безпрерывный сѣвооборотъ не позволяетъ землѣ отдохнуть и возстановить свое плодородіе. Уже Вобанъ указывалъ въ своей *Dîme royale* на вывозъ сельскихъ продуктовъ въ городъ, какъ на причину обѣднѣнія земли, и дѣйствительно, благодаря этому вывозу прекратился обмѣнъ матеріи, который совершался, когда производитель и потребитель, живя въ поляхъ, отдавали землѣ все, что у нея брали. Земля, плодovitая мать всего на ней живущаго, стала истощаться; въ цивилизованныхъ странахъ она даетъ урожай лишь, если ее удабриваютъ гуано, за которымъ надо ѣхать въ Америку, или химическими удобрениями искусственнаго приготовленія. Англія—первая нація, которая въ большихъ размѣрахъ примѣнила интенсивную культуру, и она уже первая понесла ея ужасныя послѣдствія: начиная съ 1830 года, англійскіе земле-

---

Данныя 1774 года взяты изъ переписной таблицы, доставленной прежнему управленію, и изъ таблицы свѣдѣній объ урожаѣ, составленной М. Miroude de Saint-Tergeux, намѣстникомъ департаментовъ Везула и Моксейля; данныя о 1805 годѣ взяты изъ статистики департамента Верхней Соны.

владѣльцы прїѣзжали на югъ Франціи отвоевывать у провансальскихъ землевладѣльцевъ выжимки и остатки отъ выжатыхъ на марсельскихъ и эскихъ маслобойняхъ сѣмянъ; они даже брали съ полей сраженій при республикѣ и имперіи землю, удобренную трупами солдатъ. Они также первыми стали пользоваться въ большихъ количествахъ искусственнымъ удобреніемъ и замѣнили слабосильный человѣческій трудъ машиннымъ. Но удобреніе, сѣмена, улучшенныя растенія, машины, скоть и всѣ пріемы современнаго земледѣлія требуютъ капиталовъ, большихъ капиталовъ.

По расчету, въ Англіи фермеръ долженъ имѣть въ среднемъ оборотнаго капитала отъ 1.000 до 1.500 франковъ на гектаръ, чтобы хорошо обработать землю. Земледѣліе теперь сдѣлалось капиталистическою промышленностью.

Чтобъ видѣть настоящій расцвѣтъ капиталистическаго земледѣлія, *financial farming*, какъ говорятъ янки, надо поѣхать въ Америку.

Финансисты такъ же хорошо устраиваютъ земледѣльческое предпріятіе, какъ учреждаютъ металлургическій заводъ или механическую ткацкую; вмѣсто того, чтобъ производить машины или бумажныя ткани, фабрикуютъ хлѣбъ, фрукты и мясо. Въ 1857 году L. de Lavergne приводилъ въ примѣръ одну ферму изъ Уазы, гдѣ сѣялось 500 гектаровъ свеклы и собиралось 3.000 гектолитровъ пшеницы; въ другой же у Па-де-Кале сѣяли 1.000 гектаровъ свеклы и кормили 1.000 головъ крупнаго скота. „Въ Англіи нѣтъ болѣе крупнаго предпріятія“ съ гордостью писалъ онъ ¹⁾. Но какъ малы европейскія коллосальныя фермы по сравненію съ *bonanza farms* новаго свѣта!

Съ 1874 г. одинъ американскій земледѣлецъ, который

---

¹⁾ Léonne de Lavergne, *l'Agriculture et la Population* 1857.

одно время былъ всемірной извѣстностью, М. О. Dalrymple, управлялъ для одной финансовой компаніи шестью фермами, составлявшими 30.000 гектаровъ. Онъ ихъ раздѣлилъ на части по 800 гектаровъ, въ свою очередь подраздѣленныхъ на участки въ 267 гектаровъ, которые телеграфомъ были соединены съ центральной администраціей. Всѣ 30.000 гектаровъ обрабатывались арміей въ 600 поденщиковъ, организованныхъ на военный образецъ; въ страдную пору администрація нанимала еще 500 или 600 дополнительныхъ рабочихъ, которыхъ она распределяла по участкамъ. Какъ только кончаются осеннія работы, людей отпускаютъ за исключеніемъ помощниковъ мастеровъ и десяти челоуѣкъ на участокъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Дакоты и Минезоты лошади и мулы зимуютъ не тамъ, гдѣ работаютъ; какъ только жнивье вспахано; ихъ посылаютъ стадами въ 100-200 паръ на югъ, за тысячу, полторы тысячи километровъ, откуда они возвращаются только весной.

Машинисты верхомъ ѣдутъ слѣдомъ за работающимъ плугомъ, сѣялкой или жатвенной машиной; при малѣйшей неисправности они въ одну минуту ужъ возлѣ машины, чтобъ ее исправить и снова пустить въ ходъ. Хлѣбъ перевозится къ машинамъ, которыя молотятъ день и ночь; топятся онѣ соломой, которую бросаютъ въ печь сквозь толевые трубы. Въ Калифорніи „великанъ обрѣзываетъ“ (the giantheader), въ который запряжено отъ четырехъ до восьми лошадей, скашиваетъ однимъ движеніемъ своихъ колеблющихся лезвій отъ 16 до 28 квадратныхъ футовъ на два дюйма надъ землей, вертяціяся крылья собираютъ колосья и кладутъ ихъ на возы, гдѣ они и молотятся, а зерно ссыпается въ мѣшки. Оставшаяся на жнивѣ солома сжигается ¹⁾).

---

¹⁾ Плиній и Палладіусъ упоминаютъ о такой же машинѣ у Галловъ. Въ обширныхъ равнинахъ Галліи, говоритъ Палладіусъ въ De

Зерно, автоматически смолоченное, провѣянное, свѣшанное и всыпанное въ мѣшки, отправляется на желѣзную дорогу, которая идетъ вдоль фермъ Dalgumpra, а оттуда на Дюлюсь или на Буфалло. Каждый годъ эта ферма увеличиваетъ посѣвъ на 2,000 гектаровъ; въ 1880 году она занимала уже 18,000 гектаровъ.

Въ то время, когда европейская буржуазія отнимала у крестьянъ ихъ общинныя имущества и уничтожала ихъ права, она же отягощала ихъ денежными повинностями; отдавала ихъ во власть ростовщиковъ, которые обратили ихъ лишь въ номинальныхъ владѣльцевъ, и во власть конкуренціи американскихъ и индѣйскихъ крупныхъ собственниковъ и фермеровъ. Эти и другія причины ускорили экспроприацію мелкаго земледѣльца и его превращеніе въ пролетарія. Финансовая американская агрикультура создала особенный земледѣльческій пролетаріатъ.

Вся масса рабочихъ земледѣльческихъ Штатовъ Сѣверной Америки состоитъ изъ пролетаріевъ, не имѣющихъ ни пяди земли, ни глинобитной хижины; даже кровать, на которой они спятъ и ложка, которой они ѣдятъ, принадлежатъ не имъ; они осуществляютъ идеалъ чловѣка-животнаго, лишеннаго всякой

---

ge rustica, практикуется быстрый способъ жатвы, который избавляетъ отъ чловѣческаго труда: съ однимъ быкомъ снимается все поле. Строится возъ на двухъ низкихъ колесахъ; его четырехугольная поверхность обрамлена досками съ такими отверстиями, которыя внизу уже чѣмъ наверху; внутреннія доски ниже наружнымъ и на верху снабжены густымъ рядомъ мелкихъ зубовъ, слегка загнутыхъ сверху, на разстояніи величины колоса; сзади придѣланы двѣ оглобли, въ которыя впрягается волъ, головою къ возу, который онъ и ведетъ передъ собой. По мѣрѣ того какъ онъ подвигается по полю, колосья захваченные между передними зубами, обрѣзаются и падаютъ на возъ, а солома остается на корню; въ нѣсколько часовъ, прибавляетъ латинскій писатель, жатва безъ труда бываетъ окончена.

частной собственности; кромѣ того, что они прямо присваиваютъ себѣ въ видѣ пищи и одежды, они не имѣютъ ничего. У нихъ нѣтъ постоянного жилища въ поляхъ, потому что послѣ жатвы они уходятъ въ городъ. Управляющіе финансовыми фермами набираютъ ихъ повсюду, въ деревняхъ и городахъ, съ помощью приказчиковъ и ихъ помощниковъ, составляютъ цѣлую организацію, которую и отправляютъ на мѣсто работъ. Рабочимъ даютъ помѣщеніе, кормятъ ихъ, стираютъ на нихъ бѣлье, лечатъ. Жалованье рабочіе получаютъ помѣсячно. Изъ нихъ составляются настоящіе земледѣльческіе батальоны и повинуются они военной дисциплинѣ; въ извѣстный часъ они встаютъ, ѣдятъ, работаютъ и ложатся спать. Въ теченіе недѣли они не могутъ доставать спиртныхъ напитковъ; только въ воскресенье имъ разрѣшается идти въ кабакъ въ сосѣднее село. Послѣ осеннихъ работъ ихъ отпускаютъ, оставляя на зиму на фермѣ лишь нѣсколько чловѣкъ для присмотра за скотомъ и орудіями. Рабочіе возвращаются въ городъ и берутся за всякую работу, какую найдутъ.

Эволюція финансовой и промышленной собственности повлекла за собой перемѣны въ земельной собственности, въ способахъ обработки и въ составѣ сельскаго населенія. Чтобы доставить промышленности количество рабочихъ, необходимое для ея искусныхъ и грандіозныхъ работъ (желѣзныя дороги и горные тунели, заводы), сравнить съ которыми можно только колоссальныя сооруженія эпохи примитивнаго коммунизма, деревня должна была опустѣть и опустошить тайники, гдѣ были спрятаны крестьянскія сбереженія. Люди попали въ промышленные города, а деньги въ несгораемые шкапы финансистовъ.

Въ прежнее время всѣ граждане, за исключеніемъ ничтожнаго меньшинства дворянъ, военныхъ, священниковъ и ремесленниковъ, кормились тѣмъ что сами добывали отъ земли.

Въ капиталистическомъ же обществѣ все большая масса гражданъ отрывается отъ сельскохозяйственнаго труда и исключительно занимается торговлей и промышленностью. Существуютъ всѣ эти люди на счетъ труда земледѣльческаго населенія. Такое положеніе чревато революціями.

Масса людей, не занимающихся сельскохозяйственнымъ трудомъ, такъ велика, что агрикультура цивилизованныхъ странъ должна двигаться впередъ революціоннымъ темпомъ; но несмотря на ея ускоренный и постоянный прогрессъ, она, какъ и въ средніе вѣка, становится неспособной прокормить промышленное населеніе, потому что оно слишкомъ быстро увеличивается, а финансисты и фабриканты, отнявъ у земли людей, захватываютъ и самую землю, обращая ее въ увеселительныя имѣнія или въ охотничьи поля.

Задача, которую ставила въ XVIII вѣкѣ мануфактурная промышленность, ставится въ XIX вѣкѣ въ другой разъ крупной машинной промышленностью.

Въ началѣ этого вѣка этотъ вопросъ рѣшило земледѣіе, увеличивъ запашку и измѣнивъ способы обработки. Въ XIX же вѣкѣ его можно рѣшить только постояннымъ уменьшеніемъ ежедневнаго питанія рабочаго класса, осужденнаго на потребление минимальнаго количества пищи, покрытіемъ дефицитовъ мѣстнаго земледѣлія, посредствомъ ввоза хлѣба изъ Россіи, Америки, Австраліи и Индіи, созданіемъ международной торговли сельскими продуктами. Франція потребляетъ на $\frac{1}{5}$ больше, чѣмъ производитъ; Англія же, наиболѣе промышленная страна земного шара, должна привозить изъ другихъ странъ половину необходимыхъ ей средствъ существованія ¹⁾.

---

¹⁾ Мясо лошади, осла и мула, которое не употреблялось въ пищу благодаря предразсудку, въ послѣднее время сдѣлалось пищею бѣднѣйшихъ классовъ, которые изрѣдка лишь могутъ питаться говядиной и бараниной. Христіанская религія воспретила питаться мясомъ упомя-

Земельная собственность воспользовалась въ XVIII вѣкѣ промышленной революціей; въ XIX она отъ нея страдаетъ. Международная торговля сельскими продуктами привела къ борьбѣ дѣйственныхъ земель новыхъ странъ съ истощенными землями цивилизованныхъ странъ, плодородіе которыхъ восстанавливается обильнымъ удобреніемъ и усиленнымъ трудомъ.

Эта конкуренція влечетъ европейскую земельную собственность къ вѣчному кризису, выходомъ изъ котораго является лишь социализація земли.

V.

Капиталистическая промышленность и торговля.

Средневѣковый городъ представлялъ собою экономическую единицу; въ немъ жили всѣ ремесленные цехи, удовлетворявшіе нуждамъ жителей; торговля между городами носила случайный характеръ и ограничивалась обыкновенно незначительнымъ количествомъ предметовъ роскоши. Капиталистическое производство, достигнувъ извѣстнаго развитія, разрушило эту экономическую независимость; оно раздѣлило ремесла, обособило ихъ, помѣстило ихъ по одному или по нѣсколькx въ отдѣльныя, удобныя для ихъ процвѣтанія мѣстности. Ни одинъ городъ, ни даже цѣлая провинція не можетъ взяться за производство всѣхъ предметовъ, нужныхъ жителямъ; онъ ограничивается производствомъ нѣкоторыхъ товаровъ; тѣ же

нужныхъ животныхъ, желая уничтожить язычество, ибо въ языческихъ церемоніяхъ убивали лошадей и ѣли конину. Капиталистическая цивилизація старается стереть устои, на которыхъ она возвысилась, и вернуть человечество къ правамъ и обычаямъ первобытнаго коммунизма.

товары, которые больше въ немъ не производятся, доставляются все расширяющейся торговлей. Шелковыя мастерскія, которыя старались распространить по всей Франціи, сосредоточились почти исключительно въ Ліонѣ и его окрестностяхъ; въ концѣ прошлаго вѣка, съ того времени, какъ стали мѣшать шелкъ съ шерстью, онѣ приближаются къ центру бумажнаго производства. Въ однѣхъ мѣстностяхъ сосредоточивается производство льняной и шерстяной пряжи, которое прежде было распространено по всѣмъ городамъ и селамъ; въ другихъ мѣстностяхъ сосредоточивается производство желѣза, зерна, выдѣлка кожъ, сапожное мастерство.

Мѣсто прежнихъ общинныхъ экономическихъ единицъ занимаютъ другія. Прежнія единицы были составныя, въ томъ смыслѣ, что онѣ составлялись изъ суммы всѣхъ нужныхъ жителямъ города ремеселъ; современные же единицы простыя, въ томъ смыслѣ, что это одна промышленность съ ея дополненіями: здѣсь бумага, тамъ желѣзо, каменный уголь, сахаръ, кожи и т. д. Капиталистическая нація, какъ на примѣръ Франція, ужъ не дѣлится на автономныя провинціи по ихъ географическому положенію и историческимъ традиціямъ,—нѣтъ, это просто экономическія единицы: бумажные, винодѣльные, земледѣльческіе, свеклосахарныя департаменты; угольные, металлургическіе и др. центры.

Всѣ эти города связаны между собою взаимными нуждами, при чемъ ни одинъ изъ этихъ промышленныхъ центровъ не можетъ, какъ средневѣковые города, жить ни мѣсяца, ни даже недѣли безъ подвоза изъ другихъ мѣстъ. Если, на примѣръ, Руанъ ткеть бумажныя ткани на всю Францію, то онъ достаетъ шелкъ изъ Ліона, желѣзо изъ Монмосона, хлѣбъ изъ Боса, скотъ съ сѣвера, уголь изъ Па-де-Кале, масло изъ Марселя, вина изъ Герольта и т. д. Капиталистическая нація—это гигантская мастерская: всякое специальное производ-

ство сосредоточено въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, находящихся другъ отъ друга на большихъ разстояніяхъ, но тѣсно связанныхъ взаимными нуждами. Политическая автономія средне-вѣковыхъ городовъ,—слѣдствіе ихъ экономической независимости, не можетъ ужь больше существовать; раздѣленіе труда между отдѣльными центрами, связанными экономическими нуждами и торговыми узлами, служить базой политическаго единства капиталистической націи.

Капиталистическое производство, которое уничтожило мѣстную единицу ремесленнаго производства, готово теперь разрушить и свое дѣтище—національную единицу и замѣнить ее болѣе широкой международной единицей.

Англія, первая нація, замѣнившая ручной трудъ механическимъ, желала превратить другія страны въ исключительно земледѣльческія, чтобы онѣ доставляли ей жизненные припасы и сырье, которое бы она одна обрабатывала. Ланкаширъ долженъ былъ ткать весь хлопокъ, производимый Индіей и Соединенными Штатами ¹⁾. Но эта преждевременная попытка промышленной международной монополизациі не удалась. Теперь Америка производитъ бумажныя матеріи въ количествѣ, превышающемъ спросъ, а индійскія бумагопрядильныя и ткацкія мастерскія, разоренныя Англіей, стали прясть и ткать механическимъ способомъ. Въ 1870 году ея фабрики обрабатывали 87.000 тюковъ

---

¹⁾ Дизраэли имѣлъ честь развить этотъ проектъ въ 1880 году, въ утѣшеніе землевладѣльцевъ за потери, понесенныя благодаря американской конкуренціи: онъ предлагалъ соединить Англію и ея колоніи (Индію, Австралію, Канаду и т. д.) въ обширный таможенный союзъ, который бы не допускалъ промышленныхъ и земледѣльческихъ продуктовъ другихъ націй. Колоніи доставляли бы съѣстные припасы и сырье Англіи, земли которой могли бы быть превращены въ пастбища и охотничьи поля.

хлопка, а въ дѣйствиі было 338.000 спиць; въ 1883 году уже 555,000 тюковъ и 1.700.000 спиць ¹⁾).

Индія—это колыбель хлопчатобумажной промышленности: коленкоръ появился впервые въ Калькутѣ; кисея была привезена въ Европу Музюльскимъ путемъ; въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ индѣйскія хлопчатобумажныя ткани, производство которыхъ происходитъ въ близкомъ сосѣдствѣ съ хлопчатыми плантаціями, снова заполнятъ европейскіе рынкы и въ свою очередь разорятъ Ланкаширъ и другіе хлопчатобумажные центры континента. Ужъ не Манчестеръ и Руанъ станутъ вывозить ткани въ Азію, Африку, а Индія, Японія, Китай и Соединенные Штаты. Одинъ американскій фабри-

---

¹⁾ Thomas Ellison, The cotton trade of Great Britain. 1885.

Въ 1879 году японское правительство ввезло въ страну изъ Европы новыя модели ткацкихъ машинъ и распредѣлило ихъ въ различныхъ частяхъ Имперіи. Съ 1881-82 года фининсовыя кампаніи стали устраивать новыя фабрики, такъ что число катушекъ, которое въ 1884 году равнялось 35,000, къ 1892 году поднялось до 380,000; въ производствѣ были заняты 20 тысячъ рабочихъ. Ввозъ нитокъ съ каждымъ годомъ уменьшается въ Японіи; въ 1888 году ввозъ равнялся 13,611,000 серебряныхъ іенъ; въ 1890—9,28,000, въ 1891—5.589,000. Вскорѣ японцы прекратятъ совсѣмъ ввозъ и станутъ искать рынковъ въ Китаѣ и Корей.

Китайско-японская война, которая разразилась послѣ того, какъ были написаны эти строки, отразится въ Европѣ. Она заставитъ Китай выйти изъ неподвижности и открыть двери для капиталистической цивилизаціи, которая перевернетъ его общественную организацію, основанную на коллективной собственности и патриархальной семьѣ. Ужъ не тысячи несчастныхъ будутъ стекаться въ портовые города, чтобы искать работы вдали отъ родины, а милліоны.

Тогда начнется въ восточныхъ странахъ та эмиграція китайцевъ, о которой въ засѣданіи 5 мая 1880 года въ Société des Economistes съ вождѣніемъ говорилось, что она понизитъ жалованье и претензіи европейскихъ рабочихъ“. Но результатомъ ея на дѣлѣ будетъ совсѣмъ не то, чего ожидали экономисты; она ускоритъ социальную революцію.

кантъ, предвидя судьбу англійскихъ фабрикантовъ, милостиво совѣтовалъ имъ перевезти свои машины въ Луизиану, гдѣ можно безъ издержекъ перевозки ткать хлопокъ.

На нашихъ глазахъ совершается второе перемѣщеніе промышленности; фабрики приближаются къ центрамъ производства потребляемаго ими сырого матеріала.

Но Соединенные Штаты и Индія еще прежде, чѣмъ сдѣлались международными промышленными центрами, ужъ держали Европу въ зависимости. Въ 1861—1865 годахъ, во время Освободительной войны, прекратилось производство хлопка въ рабовладѣльческихъ штатахъ, благодаря чему рабочіе хлопчатобумажныхъ фабрикъ во Франціи и въ Англии оказались выброшенными на улицу, въ Египтѣ же культура хлопка, „золотого растенія“, поднялась до предѣловъ возможнаго; феллахи обѣднѣли и египетскіе финансы достались Ротшильдамъ и крокодиламъ международного финансоваго міра.

Производство хлѣба также стремится сосредоточиться въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ земного шара. Теперь Америка и Индія производятъ часть нужнаго Англии хлѣба, тогда какъ въ XVIII вѣкѣ въ ней его производилось болѣе, чѣмъ достаточно. Цивилизованныя націи въ настоящее время зависятъ одна отъ другой и отъ полудивицизованныхъ странъ, откуда онѣ получаютъ сырье, съѣстные припасы и которыя имъ служатъ рынками. Эта возрастающая экономическая зависимость другъ отъ друга въ будущемъ послужитъ къ политическому единству человѣчества.

Развитіе торговли идетъ наравнѣ съ развитіемъ производства. Если въ средніе вѣка торговля между городами производилась только въ дни ярмарки, когда продавали и закупали на цѣлый годъ, то со временъ крестовыхъ походовъ, которые объединили востокъ съ западомъ, торговля ужъ получила международный характеръ. Однако, трудности и опасности путешествія дѣлали возможною только торговлю небольшимъ

числомъ предметовъ роскоши. Открытіе Америки значительно увеличило число предметовъ торговли, а вмѣстѣ съ тѣмъ и число купцовъ.

Какъ раньше было уже сказано, именно купцы устраивали мануфактуры и положили начало перевороту въ корпоративной промышленности.

Національная торговля расширялась по мѣрѣ того, какъ города, ограничиваясь производствомъ нѣкотораго количества предметовъ потребленія, стали нуждаться все болѣе и болѣе въ другихъ предметахъ. Какъ только капиталистическому производству понадобились другія страны, чтобъ получать сырье, сбывать свои продукты и прокармливать рабочій классъ, тотчасъ же международная торговля развилась съ необычайной быстротой. Купецъ, вліяніе котораго въ корпоративномъ производствѣ было незначительно, пріобрѣтаетъ благодаря, важной роли торговли въ капиталистическомъ производствѣ, такую власть, которая даетъ ему возможность господства надъ промышленностью.

Капиталистическое производство могло пойти впередъ, отъ дезорганизованности мѣстныхъ и областныхъ единицъ къ образованію національныхъ политическихъ единицъ, лишь создавая такіе промышленные организмы, которые могли быть созданы только посредствомъ мѣстной централизаціи производства и посредствомъ расчлененія процесса производства. Такъ, въ то время, какъ мануфактурное производство скопляло въ мастерскихъ ремесленниковъ и орудія производства, оно же вводило въ этихъ мастерскихъ раздѣленіе труда, которое разлагало орудіе и рабочаго и осуждало ихъ на исполненіе одной спеціальной операціи. Инструменты ремесленника просты и малочисленны, инструменты же мануфактурной промышленности сложны и многочисленны. По мѣрѣ того, какъ ремесленникъ становится частичнымъ рабочимъ, и орудіе его труда

также становится частичнымъ: напримѣръ, въ нѣкоторыхъ мануфактурахъ существуетъ много молотовъ разнаго вѣса и величины, при чемъ каждый приноровленъ къ исполненію опредѣленной операціи.

Механическая промышленность уничтожаетъ дѣло мануфактуры: она беретъ инструменты изъ рукъ частичнаго рабочаго и присоединяетъ его къ стальному и чугунному остову, который является такъ сказать скелетомъ машины, органами которой являются инструменты. Машина это синтезъ механики.

Но капиталистическое производство образуетъ и другой синтезъ.

Въ домашнемъ производствѣ есть извѣстное экономическое единство; одна и та же семья обрабатываетъ сырой матеріалъ (ленъ, коноплю, шерсть и т. д.), ею самой добываемый. Но это единство быстро исчезаетъ, такъ какъ уже въ коммунистическихъ селахъ замѣчается, что люди часто изъ рода въ родъ занимаются однимъ и тѣмъ же ремесломъ; отъ рожденья они кузнецы, ткачи, или плотники; ужъ не отдѣльная семья представляетъ собою экономическую единицу, а все село. Съ развитіемъ торговли и промышленности эти экономическія единицы умножаются и каждой спеціальностью занимаются нѣсколько ремесленниковъ, объединенныхъ въ корпорацію.

Капиталистическое производство основывается на обособленіи ремесла: оно создало ткацкія, прядильныя, чесальныя, каретныя, столярныя и др. мастерскія; а въ нихъ ужъ переворотъ совершили машины и раздѣленіе труда. Но и эти мастерскія въ концѣ концовъ становятся громадными фабриками, гдѣ производится только какой нибудь одинъ процессъ производства: въ прядильныхъ—прядутъ, въ ткацкихъ—ткутъ, въ чесальныхъ—чешутъ и т. д. Эти специализированныя фабрики скопляются въ одномъ мѣстѣ и дѣлаются дополненіями спеціальной фабрики. Чесальни, красильни, печатни собираются

вокругъ механической ткацкой или прядильни. Такъ что подъ надзоромъ той же капиталистической администраціи сырой матеріаль проходитъ всѣ превращенія. Объединяются не только дополнительные ремесла какъ чесанье, тканье, пряденье и печатанье, но и совсѣмъ разныя производства. Промышленная централизація конечно не стоитъ въ зависимости отъ мѣста работы: иной разъ фабрики, объединенныя господствомъ того же капитала, помѣщаются въ разныхъ странахъ и на громадномъ разстояніи другъ отъ друга.

Національные банки, какъ англійскій банкъ, французскій банкъ, являются такими сложными промышленными организмами, органы которыхъ распространены по всему міру. Каждый національный банкъ имѣетъ бумажную фабрику для производства бумаги, изъ которой дѣлаются его билеты, граверныя и печатныя мастерскія для отпечатки ихъ, фотографическіе увеличительные аппараты, чтобъ обнаруживать фальсификаціи и т. д., онъ учреждаетъ сотни отдѣленій въ разныхъ коммерческихъ и промышленныхъ центрахъ, завязываетъ сношенія съ городскими и деревенскими банкирами и иностранными національными банками. Центральныя банки становятся сердцемъ финансовой системы страны; а эта система такъ ловко организована, что ея пульсація, т. е. повышение учета, отзывается даже въ глуши деревень и вліяетъ на денежный рынокъ другихъ странъ.

Times, газета лондонскаго Сити, является такимъ же паразитическимъ торговымъ организмомъ, только въ другомъ родѣ: у нея легионъ корреспондентовъ, разбѣянныхъ по всему свѣту; со всѣми главными столицами континента она соединена телеграфной проволокой; она сама фабрикуетъ бумагу; отликаетъ шрифтъ, нанимаетъ механиковъ для ремонта машинъ въ строительныхъ мастерскихъ; она отливаетъ, набираетъ, печатаетъ свои 16 громадныхъ страницъ и рассылаетъ ихъ

подписчикамъ; ей недостаетъ только полей альфы въ Африкѣ, чтобъ собирать самой матеріалъ, нужный для производства бумаги: но и это современемъ придетъ.

Наступитъ и тотъ день, когда хлопчато-бумажные фабриканты изъ Соединенныхъ Штатовъ и Индіи присоединятъ къ своимъ фабрикамъ хлопчатая плантаціи и швейныя мастерскія: вѣдь открылся же въ Лондонѣ шотландскій магазинъ готоваго платья, который самъ изготавляетъ, чешетъ, краситъ, прядетъ и ткеть нужныя ему шерстяныя матеріи.

Капиталистическое производство стремится къ возстановленію экономическаго единства по образцу домашняго производства; прежде одна и та же крестьянская семья и производила сырой матеріалъ, и перерабатывала его: теперь же одна и та же капиталистическая компанія возьметъ на себя и производство сырья, и его полное промышленное превращеніе, и его продажу въ разницу.

Мелкая торговля идетъ по тому же пути. Прежняя лавка, гдѣ продавался лишь однородный товаръ, уступаетъ мѣсто базару, гдѣ имѣются самые разнообразныя предметы. Въ Лондонѣ есть магазины, гдѣ продается все нужное, чтобъ одѣться, прокормиться, полечиться и обставить квартиру. Эти магазины мы называемъ коммерческими синтезами. Но эти *Louvres* и *Bon-Marché* воспроизводятъ только въ гигантскихъ размѣрахъ деревенскія бакалейныя лавки, гдѣ, рядомъ съ сахаромъ, покупатель находитъ кофе и свѣчи; тутъ же и нитки, ножи, башмаки и другіе полезные предметы: иногда при этихъ же маленькихъ Луврахъ есть и постоянный дворъ, съ продажей напитковъ табуку и *Petit Journal*. Несмотря на ихъ маленький размѣръ они даже полнѣе парижскихъ базаровъ, такъ какъ они вполнѣ удовлетворяютъ духовнымъ и матеріальнымъ нуждамъ своихъ кліентовъ.

Капиталистическое производство раздѣленіемъ труда уни-

чтожило въ мануфактурѣ рабочую единицу—ремесленника; оно потомъ воспроизвело эту единицу въ фабрику, гдѣ не человекъ, а желѣзный рабочий, машина, представляетъ собою новую рабочую единицу: Капиталистическое производство стараются теперь создавать громадныя производственныя организмы, составленныя изъ самыхъ разнообразныхъ и самыхъ противоположныхъ промышленныхъ предпріятій. Эти отдѣльныя промышленныя предпріятія, являющіяся, такъ сказать, физиологическими функціями упомянутыхъ чудовищныхъ производственныхъ организмовъ могутъ находиться другъ отъ друга на огромныхъ разстояніяхъ, при чемъ могутъ быть раздѣлены политическими границами и географическими препятствіями.

Эти международныя организмы пожираютъ тепло, свѣтъ, электричество и другія силы природы, а также и мускульныя и умственныя силы человека.

Человѣчество XIX вѣка втиснуто въ эту экономическую форму.

VI.

Капиталистическіе финансы.

Въ то время какъ промышленная собственность развивалась сначала въ мануфактуру, потомъ въ фабрику, мѣнялась также и движимая форма собственности—золото и серебро. Оба эти металла вначалѣ, даже когда они уже чеканились, носили вполнѣ частный характеръ; владѣльцы копили ихъ въ скрытыхъ мѣстахъ и употребляли только какъ украшенія; и въ Индіи и въ другихъ восточныхъ странахъ это было ихъ главное назначеніе. При обмѣнѣ продуктовъ они играли очень маленькую роль, такъ что феодальныя короли, фабрикуя поддѣльную монету, или мѣняя пробу и вѣсъ монетъ, не могли

сильно вредить торговымъ сдѣлкамъ своихъ подданныхъ. Но какъ только начинается торговый періодъ, золото и серебро ановятся выразителями цѣнн ости, образцовой мѣрой всѣхъ товаровъ: тогда они приобрѣтають право приносить маленькій законный доходъ, или процентъ.

До тѣхъ поръ отдача денегъ подъ проценты считалась такою безчестною вещью, которую можно было себѣ позволять только противъ иностранца. Ростовщиковъ осуждали и папы и соборы ¹⁾. Всѣхъ, кто занимался этимъ ремесломъ презирали и ненавидѣли: ихъ окружали со всѣхъ сторонъ опасности; они рисковали не только деньгами, но и жизнью. Собиратели золота и серебра—средневѣковые евреи, зная какой опасности они подвергаютъ свои драгоценныя сокровища, не полагаясь на слово короля, выдавали деньги лишь подъ закладъ казенныхъ брильянтовъ, драгоценныхъ камней, дипломатическихъ документовъ и тому подобныхъ вѣрныхъ гарантій. Буржуазія реабилитировала отдачу подъ проценты и сдѣлала ремесло ростовщика самымъ прибыльнымъ и почетнымъ занятіемъ для цивилизованнаго человѣка: вѣдь идеаль буржуа, это жить на ренту.

Во всѣ средніе вѣка евреи, презираемые народомъ и терзаемые дворянствомъ, метались изъ огня въ полымя: какой

---

¹⁾ Религіозный расколъ является характернымъ для экономическаго движенія XVI вѣка: въ то время какъ римскій папа, этотъ духовный представитель старой, рушившейся экономической системы, призывалъ громы и молніи на проценты, антипапа Женевскій-Кальвинъ, духовный представитель нарождающейся экономической системы, провозглашалъ, наоборотъ, ихъ законность во имя всѣхъ богословскихъ добродѣтелей. Протестантизмъ, съ его отрицаніемъ святыхъ и ихъ дней помощи и милостыни, съ его вѣрой въ божье милосердіе и т. д., является настоящимъ духовнымъ выраженіемъ капиталистическаго способа производства.

нибудь нуждавшійся въ деньгахъ князь, разоривъ и измучивъ еврея, прогонялъ его подь религиознымъ предлогомъ; другой же князь только затѣмъ и принималъ бѣглеца съ сокровищами, чтобъ ограбить его.

Но эти герои золота, презирая ненависть и оскорбленія, лишь затѣмъ склоняли голову подь градомъ нападковъ, чтобъ подняться болѣе могущественными и продолжать свое дѣло. Крестовые походы заставили феодальныхъ сеньоровъ отовсюду собирать деньги, чтобъ снарядить войска. Это движеніе облегчило освобожденіе городовъ и концентрацію дворянскихъ силъ, но и сдѣлала необходимыми евреевъ и купцовъ. Оно породило азіатскую торговлю и благосостояніе прибрежныхъ городовъ Средиземного моря, что послужило солиднымъ основаніемъ для всякихъ финансовыхъ операцій, разъ были введены поплина и соляной налогъ. Расширили же и утвердили власть финансистовъ открытіе Америки, ввозъ оттуда золота, дорогого дерева, пряностей и т. д. и заокеанская торговля, благодаря которой верховенство отъ средиземныхъ городовъ перешло къ португальскимъ, голландскимъ, англійскимъ и французскимъ, расширила и утвердила могущество финансовъ.

Тотъ фактъ, что въ 1522 году канцлеръ Duprat положилъ основаніе государственному долгу, учредивъ „думскую ренту“, вѣчные проценты которой оплачивались налогомъ на проданный въ Парижѣ скотъ, указываетъ, какую важность приобрѣли откупщики казенныхъ доходовъ.

Презрѣнные въ X вѣкѣ евреи, которыхъ били по щекамъ у церковныхъ дверей, въ большіе праздники, стали важными персонами, съ которыми приходилось считаться. Съ тѣхъ поръ какъ это ремесло перестало быть такимъ опаснымъ, многіе изъ христіанъ тоже занялись имъ.

Сюлли и Кольберъ могли считать, что, „огромныя богатства, нажитыя обращеніемъ общественныхъ денегъ и частнымъ

ростовщицествомъ, пагубны для всѣхъ и особенно для дворянства, склоннаго промѣнять честь на деньги“ (Sully, *Oeconomies royales*). Хотя они и прибѣгали къ ссудамъ, чтобъ опустошать карманы откупщиковъ и ростовщиковъ, однако приходилось обращаться съ осторожностью „съ этимъ прежде неизвѣстнымъ родомъ людей, которые нажили громадныя состоянія перепродажей ассигнацій, билетовъ, расписокъ казначеевъ, сборщиковъ податей и государственныхъ откупщиковъ. (Edit créant la chambre de justice de 1716). Когда въ 1599 году Сюлли позволилъ себѣ разорвать бумаги, въ которыхъ были заинтересованы итальянскіе банкиры Zamet-саложникъ, Ruccellai и Scipion Sardine, котораго народъ называлъ „Жало“, Serre-Deniers, то ихъ союзникъ, тосканскій герцогъ, послалъ своего брата Іоанна Медичи крейсировать у береговъ Прованса. И Людовикъ XIV могъ только на словахъ гордо писать въ своихъ мемуарахъ: „Все, что находится на пространствѣ нашего государства, что бы оно ни было, принадлежитъ намъ по тому же праву... Тѣ деньги, которыя лежатъ у насъ въ шкапулкѣ, и тѣ, которыя находятся въ рукахъ нашихъ казначеевъ, и тѣ которыя мы оставляемъ нашему народу для торговли, должны быть одинаково сохранены для насъ“. Однако, онъ долженъ былъ подписываться подъ условіями откупщиковъ, когда нужны были деньги. Заемъ 1673 года остался не покрытымъ, несмотря на возванія Кольбера къ иностраннымъ банкирамъ, потому что онъ былъ выпущенъ по 18 (5,5⁰/о), а они требовали по 14 (7,14⁰/о). Финансы становились могущественною соціальною силою.

Привлекая къ своимъ дворамъ крупныхъ феодаловъ, вокругъ которыхъ прежде тоже собирался дворъ вассаловъ, короли уничтожили значеніе дворянства какъ класса, и отдали его въ жертву откупщикамъ, которые еще ускорили его разореніе.

Фукэ совсѣмъ было подкупилъ всѣхъ придворныхъ сенъоровъ и собирався начать новую фронту, когда его остановилъ мужественный поступокъ Кольбера. Къ концу XVI вѣка сенъоры стали обращаться къ финансистамъ, желая позолотить свои гербы: мадамъ де Севинье, которая такъ гордилась своимъ происхожденіемъ, предлагала своему кузену жениться на одной барышнѣ, хоть немного еврейской крови, но зато съ миллионами благороднаго происхожденія“. (Письмо 3 октября 1675). Лоу и его мисиссиппійцы, сведя съ ума на ажіотажѣ дворянство, окончательно дискредитировали и погубили его. Всѣ ранги смѣшались и подъ сѣнью финансовъ расцвѣло равенство. Въ горничныхъ у разбогатѣвшаго разночинца слѣжили четыре знатныхъ барышни, а конюхами четыре лакея изъ дворянъ. Это было равенство въ рабствѣ, единственно знакомое буржуазно-капиталистическому строю.

Разстройство, которое финансовыя спекуляціи внесли въ общество XVIII вѣка, дало возможность энциклопедистамъ (изъ которыхъ нѣкоторые—Гольбахъ, Гельвеціусъ были банкирами) нападать на дворянскія привилегіи, которыя тогда уже не имѣли никакого смысла. Вслѣдъ за экономической революціей явилась философская критика, за которой слѣдовала политическая революція, и тутъ-то ужъ откупщики освободились отъ страха предъ судомъ ¹⁾.

---

¹⁾ Судьи въ 1716 году были настолько подкупны, что Самуиль Бернаръ отдѣлался только шестью милліонами, а братья Кроза и того меньшимъ. Однако, наказаніе, которое повесъ Поль Пуассонъ, вселило ужасъ въ сердца. Этотъ Пуассонъ, по словамъ *Vauvalais*, былъ сыномъ крестьянина изъ Нижней Бретани. Сперва онъ служилъ лакеемъ, потомъ поставщикомъ въ армію и такъ разбогатѣлъ, что положилъ 34 милліона въ иностранныя банки. Его имущество конфисковали, чудный его отель на Вандомской площади отобрали, а его посадили въ тюрьму. Когда вторая имперія, обезпокоившись народнымъ гнѣвомъ противъ грабежей

Въ 1522 году, выпуская безсрочную государственную 8% ренту, канцлеръ Duprat положилъ основаніе національному долгу, который уже существовалъ, благодаря Венеціи и Генуѣ, въ маленькихъ промышленныхъ и коммерческихъ республикахъ. Но французскіе короли, которые крѣпко вѣрили въ прежніе взгляды на отдачу денегъ на проценты, въ трудныя минуты уменьшали на четверть, а иногда и на половину, требуемые проценты, на которые они раньше согласились; случалось, что они просто переставали платить.

Другіе европейскіе государи съ такою же безцеремонностью обращались съ кредиторами государства. Эта аристократическая манера платить проценты мѣшала полному развитію финансовой системы, которая всецѣло опирается на солидности общественнаго кредита.

Объявивъ священнымъ государственный долгъ и поставивъ его выше политическихъ революцій и будущихъ переворотовъ, буржуазія 1789 года совершила весьма революціонное дѣло.

Государственный долгъ „заключаетъ въ себѣ зародышъ автоматической прогрессіи... Займы, дающіе правительству возможность покрыть чрезвычайные расходы, не налагая разомъ чрезмѣрнаго бремени на плательщиковъ, влекутъ за со-

---

финансистовъ, пожелала показать строгость, то исполнительная власть въ лицѣ Oscar'a de Vallée не осмѣлилась даже составить обвинительный актъ; онъ просто списалъ постановленія высшаго суда дореформенной Франціи и все окончилось тѣмъ, что въ зданіи биржи поставили вертящуюся рогадку. Самое колоссальное мошенничество нашего вѣка—Панама, и то стоило Лесенсу всего нѣсколько мѣсяцевъ тюрьмы, о которыхъ столько пролила слезъ широко подкупленная имъ буржуазная пресса. Эйфель же, награжденный всѣми жестяными орденами Почетнаго Легіона, принималъ въ своей башнѣ французскихъ и русскихъ гостей и адмирала Авелана, которые всѣ были рады подружиться съ такимъ человѣкомъ, который разомъ получилъ 30 милліоновъ.

бою увеличеніе податей; съ другой стороны, разъ подати велики, правительство въ виду чрезвычайныхъ расходовъ должно совершать новые займы“. „Государственный долгъ“, говоритъ Марксъ, „является главнымъ двигателемъ простого накопленія. Мановеніемъ жезла онъ превращаетъ деньги, лежація непродуктивно, въ капиталъ безъ риска и волненій, неизбѣжныхъ при помѣщеніи капитала въ промышленное предпріятіе или даже при отдачѣ въ ростъ. Кредиторы государства, собственно говоря, ничего не даютъ ему, потому что золото, превращенное въ государственныя бумаги, по прежнему продолжаетъ обращаться въ рукахъ, какъ такое же количество звонкой монеты“.

Ставя государственный долгъ на недосыгаемую высоту, революція дала финансистамъ для помѣщенія капитала такую гарантію, о которой никто прежде и не мечталъ. Помогли ихъ обогащенію и продажа національныхъ земель; пока народъ въ угарѣ революціоннаго энтузіазма бѣжалъ къ границамъ, буржуа-революціонеры, вродѣ Barras, Touché, Ouvard, Odier, Peregaux, втихомолку собирали милліоны. И роялисты тоже копались въ національныхъ дѣлишкахъ; баронъ Луи, министръ реставраціи, участвовалъ въ качествѣ самого суроваго члена конвента въ колоссальной ликвидаціи земель въ 1789 году.

Войны же республики и имперіи, вызванныя ими поставки и займы удесятерили богатства этой шайки.

Династія Ротшильдовъ возникла при займахъ и разгромахъ 1815 года.

Революція и имперія, давъ финансистамъ широкое поле дѣятельности въ смыслѣ эксплуатаціи, отняло у нихъ прежнюю наживу: откупа податей, табаку, монополію торговли съ Индіей и съ приморскими городами востока и. т. д. были уничтожены. Пришлось наброситься на національную промышлен-

ность и организовать, чтобъ получать наживу съ обращенія продуктовъ и чтобъ завладѣть путями сообщенія. Въ 1821—1822 г. основались компаніи съ капиталомъ въ 128 миліоновъ для прорытія каналовъ—Ронскаго, Бургундскаго, Четырехъ каналовъ и др. Государство, эта дойная корова финансистовъ, гарантировала 5,50 и 6⁰/₀ на затраченный капиталъ, а когда оказалось, что каналы—это убыточное предпріятіе, то въ 1853 году государство ихъ выкупило по баснословной цѣнѣ. Желѣзныя дороги и большія заокеанскія навигаціонныя линіи, которыми завладѣли финансисты, должны были имъ давать, какъ и средневѣковымъ баронамъ, возможность облагать сборомъ провозимые по дорогамъ товары. А разъ они завладѣли путями сообщенія, то они, конечно, стали стремиться увеличить число товаровъ, поощряли развитіе машиннаго производства и международной торговли.

Но, чтобы строить на огромныхъ разстояніяхъ желѣзныя дороги, чтобъ ускорить развитіе машиннаго производства и поощрять его развитіе, не хватало, особенно во Франціи, отдѣльныхъ личныхъ капиталовъ; пришлось прибѣгнуть къ уже объединеннымъ капиталистическимъ компаніямъ. Для финансистовъ открылась новая эра. Послѣдователи Сень-Симона и Анфантена, представители современныхъ финансовъ, основали „Банкъ Движимаго Кредита“, это „горнило, пылающее дѣлами“, и противопоставили его Ротшильдамъ, которые со своимъ Французскимъ Банкомъ, „холоднымъ погребомъ“, олицетворяли старые финансы, работающіе единичными капиталами.

„Движимый кредитъ“, развитію котораго способствовала новая система займовъ маленькими суммами, которую министръ бонапартистъ Pineau называлъ „демократизаціей рентъ“, явился однимъ изъ такихъ обществъ, которыя послѣ февральскаго переворота совершили финансовый переворотъ и показали наглядно, что „финансы—это чужія деньги“. Создали

„Движимый Кредитъ“, „Земельный Кредитъ“ и подобныя имъ общества, народившіяся въ первые годы второй имперіи, всякіе Рёгіере, Фульды, герцоги Морни, Гальера, де Муши и др. финансисты школы Сенъ-Симона, у котораго они почерпнули свѣдѣнья по части силы ассоціаціи капиталовъ, и вообще всякіе политическіе проходимцы, которые видятъ во власти только способъ обогатиться.

Тогда миръ узрѣлъ невиданное зрѣлище: король-солнце, Людовикъ XIV, былъ принужденъ угодничать передъ евреемъ Самуиломъ Бернардомъ, чтобъ имѣть возможность сдѣлать заемъ, и неизвѣстные люди, безъ прошлаго, безъ извѣстнаго обществу имени, безъ состоянія, безъ гарантій и безъ отвѣтственности, дѣлали государственные займы, которые жадно подписывала буржуазія. Въ нѣсколько лѣтъ они извлекли на Божій свѣтъ то золото, которое берегли въ шкатулкахъ много поколѣній крестьянъ. Воскрешеніе Лазаря ничто предъ этимъ чудомъ. Одинъ „Движимый Кредитъ“ въ пятнадцать лѣтъ съ 1852 по 1867 пустилъ въ оборотъ около 4 миллиардовъ; за 10 лѣтъ директора удержали изъ проходящихъ черезъ ихъ руки имуществъ 8.248.445 франковъ только за расходы по управленію, не считая процентовъ и дивидендовъ на вышедшія въ тиражъ акціи, которыя они себѣ оставляли въ видѣ преміи изобрѣтателя, и не считая доходовъ отъ перепродажи акцій на биржѣ ¹⁾. Геній современнаго финансоваго міра Эмиль Перье, опьяненный сказочнымъ успѣхомъ „Движимаго Кредита“, пожелалъ учредить „Omnium“, о которомъ мечтаютъ всѣ финансисты (отчетъ 1859 года). Этимъ Omnium'омъ

---

¹⁾ „Всякій директоръ, какъ посвященный во всѣ тайны дѣла чело-вѣкъ“ говоритъ банкиръ Аусард, „играя мѣсяць за мѣсяцемъ за 1853 г. могъ выиграть на 1,000 акцій „Движимаго Кредита“ 1.622.000 франковъ“. (Histoire du Crédit Mobilier de 1852 à 1867).

должна была быть мобилизація всѣхъ собственности, и земельныхъ, и промышленныхъ и торговыхъ, превращеніе въ акціи „Движимаго Кредита“ всѣхъ ранѣе существовавшихъ акцій разныхъ обществъ. Но, не успѣвъ осуществить этотъ гигантскій проектъ, „Движимый Кредитъ“ сломалъ себѣ шею. Но первая часть мечтаній Перье вскорѣ осуществится, такъ какъ мало по малу торговля и промышленныя предпріятія превращаются въ анонимныя общества: и въ Америкѣ, и въ Австраліи, и въ Индіи основываются земледѣльческія предпріятія на акціяхъ.

Финансы стремятся все поглотить, всемъ завладѣть; и ничто не будетъ въ состояніи остановить ихъ движеніе, пока существуетъ капиталистическое производство, пока не будетъ сожжена книга государственнаго долга—эта библия буржуазии.

Непремѣннымъ слѣдствіемъ капиталистическаго производства является тотъ фактъ, что финансы пускаютъ корни въ государственный долгъ. При высоко развитой капиталистической цивилизаціи общества, всякое новое земельное или промышленное предпріятіе предполагаетъ существованіе у его учредителя скопленнаго ранѣе капитала, накопленіе котораго совершается лишь постояннымъ обѣдненіемъ всей массы народа ¹⁾).

---

¹⁾ Офіціальныя экономисты утверждаютъ, что дѣлать крупныя предпріятія на акціи и облигаціи, это значить распространять собственность, демократизировать ее. Но они не хотятъ понять, что эта демократизація собственности даетъ имъ возможность добывать изъ старыхъ чулокъ и потайныхъ шкапулокъ, гдѣ прятались деньги, всѣ денежныя капиталы, ихъ централизовать въ своихъ рукахъ и управлять ихъ обращеніемъ, пока они своимъ ловкимъ мошенничествомъ не захватятъ и само имущество. Такимъ-то образомъ на нашихъ глазахъ возникли огромныя состоянія, считающіяся милліонами и милліардами. Способъ, которымъ промышленныя и торговыя предпріятія дѣлать и распредѣляютъ собственность, привелъ только къ обѣдненію народныхъ массъ въ пользу нѣсколькихъ денежныхъ королей. (Paul Lafargue,

Во многихъ случаяхъ капиталовъ, скопленныхъ частными лицами, не хватаетъ, и приходится прибѣгать къ акціонернымъ капиталамъ. Съ другой стороны значеніе оборотнаго капитала, нужнаго для эксплуатаціи, покупки сырья и рабочей силы, быстрота и размѣры производства, медленность сбыта продуктовъ, размѣръ и отдаленность рынковъ, трудность полученія денегъ заставляютъ промышленниковъ, для поддержки и развитія дѣла, прибѣгать постоянно къ кредиту, т. е. къ авансамъ общественнаго капитала. Итакъ, общественное богатство, т. е. излишекъ производства надъ потребленіемъ, собирается и централизуется, чтобъ всегда быть къ услугамъ нуждъ производства и обмѣна. Это двойное всасывающее и нагнетающее движеніе общественнаго насоса исполняется современными финансами.

Le communisme et l'évolution économique. 1892). Не надо было ждать и Панама, разорившей столько маленькихъ людей, чтобъ видѣть, какую роль тутъ играютъ финансы. Ужь въ 1874 году одинъ экономистъ, L. Reubaud, писалъ: „Въ сберегательныхъ кассахъ остается только небольшая часть народныхъ сбереженій, остальное идетъ на спекуляціи.. Въ Лионѣ, Санъ-Этьеннѣ, въ долинѣ Піеръ, жертвами оказались самые развитые, больше всего получавшіе рабочіе. При финансовыхъ крахахъ разоряется гораздо больше рабочихъ, чѣмъ принято думать. Многіе печально показывали мнѣ обезцѣненные или совсѣмъ погибшія бумаги, на которыя были истрачены ихъ маленькія состоянія: понятно, что и выбирали то они самыя шаткія предпріятія.. Вотъ къ чему привели эти злоупотребленія кредитомъ, имѣвшія столько защитниковъ и проповѣдниковъ. Авантюры уничтожаютъ народныя сбереженія и подрываютъ основанную на нихъ общественную гарантію. И кто знаетъ? Можетъ быть, у жертвъ этой недостойной спекуляціи зарождается желаніе мщенія“! (Le fer et la houille, étude sur le régime des manufactures). Тѣ сбереженія, о которыхъ говорятъ экономисты и политики и которыя поощряются правительствомъ, приводятъ только къ тому, что производительный классъ лишаетъ себя даже необходимаго а финансисты получаютъ возможность урвать лишнее.

Насколько непредусмотрительна, непослѣдовательна и анархична капиталистическая система, видно изъ того, что эти двѣ жизненныя функціи — централизація и распредѣленіе народныхъ сбереженій — были поручены неизвѣстнымъ, безконтрольнымъ и неответственнымъ личностямъ. Экономическіе и политическіе интересы общества были предоставлены всецѣло разнымъ низкимъ личностямъ, „способнымъ на все и ни на что“, по выраженію de Berguer'a. „Незаконными путями они завладѣли доходами деревни, сбереженіями народа и имуществомъ государства“, удерживаютъ часть этихъ средствъ на неслыханныя излишества, „взятая отъ нищеты народной“ ¹⁾, и употребляютъ остальное *sous discrimination* на учрежденіе и поддержку мѣстныхъ и иностранныхъ промышленныхъ предпріятій, подчасъ самыхъ безсмысленныхъ.

Учетомъ векселей и предложеніемъ авансовъ, коноссаментовъ и варрантовъ и т. д. они облагаютъ въ свою пользу торговлю и промышленность; они же превращаютъ другія категоріи правящихъ классовъ въ какіе-то высасывающіе инструменты, обреченные въ ихъ пользу эксплуатировать рабочій классъ.

Колоссальныя богатства, монополизированныя финансистами, даютъ имъ неограниченную власть надъ прессой и правительствомъ. Во времена Луи-Филиппа и имперіи они имѣли свои опредѣленные подкупленные органы; для политическаго журнала тогда считалось безчестнымъ помѣщать финансовыя рекламы; но прогрессъ капиталистической морали побѣдилъ этотъ предрасудокъ: и теперь вмѣсто того, чтобы употреблять капиталы на основаніе и поддержку своего журнала, они подкупаютъ всѣ журналы безъ различія ихъ направленія, чѣмъ и

---

¹⁾ Edit instituant la chambre de justice de 1716.

вліяють на массы; газетамъ они платятъ по статьямъ, то есть замѣнили поденную плату—сдѣльной¹⁾).

Парламентъ переполненъ финансистами и ихъ креатурами: но среди нихъ есть и такіе, какъ напримѣръ Ротшильдъ, которые считаютъ ниже своего достоинства принять должность депутата; они предпочитаютъ помѣщать своихъ приказчиковъ министрами. Въ палатѣ и сенатѣ финансисты, депутаты и сенаторы находятся въ соглашеніи между собою, какъ воры на ярмаркѣ, чтобъ доставлять другъ другу концессіи или другіе доходы и вообще обкрадывать государственную кассу.

Кромѣ этого прямого воздѣйствія на государства, финансисты оказываютъ также и косвенное вліяніе, не менѣе пагубное: они держатъ въ своихъ рукахъ курсъ на биржѣ, которая является теперь политическимъ барометромъ; продажной прессою они вліяють на общественное мнѣніе, грубо до преступности они централизуютъ общественныя сбереженія, чѣмъ разрушаютъ прежнія условія жизни всѣхъ классовъ и вызываютъ революціи. Февральская революція, начавшаяся при крикахъ „да здравствуетъ реформа“, была дѣломъ мелкой буржуазіи, возмущившейся противъ депутатовъ, являвшихся вассалами крупныхъ банкировъ.

---

¹⁾ Когда при имперіи стало извѣстнымъ, что *le Phare de Loire*, одна изъ немногихъ республиканскихъ газетъ, помѣстила на второй страницѣ финансовую рекламу, то это вызвало крупный скандалъ. Ротшильдъ первый ввелъ въ моду подкупъ журналистовъ акціями своихъ предприятий, это былъ деликатный способъ ихъ заинтересовать; теперь поступаютъ не такъ деликатно: посылается составленная статья для наборки, а съ нею въ уплату—банковые билеты. Панама, которая съ точки зрѣнія этической и артистической является шедевромъ, даетъ намъ полное резюме всѣхъ мошенничествъ, шантажей, торгашества, сплетенъ и лжи финансового міра; на жалованьѣ компаніи была вся французская пресса, которая называла великимъ французомъ Лессепса, организатора этого самаго крупнаго мошенничества нашего вѣка.

Финансовый міръ привѣтствовалъ имперію, какъ евреи землю Ханаанскую. Агитаторы, направляемые Эмилемъ Жирарденомъ, протеже котораго Emile Olivier занималъ министерское кресло, видѣли въ объявленіи франко-прусской войны только возможность выгоднѣйшей игры на биржѣ. Постыдный миръ, хотя и освободилъ Rouyer-Quertier и промышленниковъ отъ конкуренціи Мюльгаузена, а анзинскихъ акціонеровъ, среди которыхъ Тьеръ былъ изъ самыхъ богатыхъ, отъ эльзасскаго угля, но п далъ въ то же время европейскимъ финансистамъ возможность наброситься на Францію и ея несчастія обратить для себя въ источникъ неизсякаемыхъ доходовъ. Никогда ни одинъ государственный человѣкъ не носилъ съ большимъ правомъ названія „отца отечества“, какъ Тьеръ—эта противная жаба въ очкахъ; ибо никогда государственные люди такъ не пили крови пролетаріата и не руководили такимъ грандіознымъ разореніемъ національнаго имущества; никогда еще политики не доказывали такъ ясно, что родина для господствующихъ классовъ,—это ихъ классовый интересъ. Но тѣ же финансисты, подготавливающіе революціи и извлекающіе изъ нихъ немедленно доходъ, становятся самыми подлыми трусами во время борьбы и самыми свирѣпыми укротителями во дни репрессій. Въ маѣ 1871 и въ іюнѣ 1848 года они настоятельно требовали кровопусканія для парижскаго пролетаріата, заботясь о возстановленіи кредита.

Могущество финансовъ не зависитъ отъ рода политической власти; они властвуютъ безконтрольно и въ деспотической имперіи и въ демократическихъ Соединенныхъ Штатахъ. Легитимистское, орлеанистское, бонапартистское, республиканское правленіе смѣнялись одно за другимъ, а владычество финансовъ не только не рушилось, но, наоборотъ, росло съ каждымъ днемъ. Никакая политическая революція не можетъ

свергнуть это проклятое господство, такъ какъ оно основано на умственной и физической эксплуатаціи рабочаго класса и на государственномъ долгѣ. Финансисты, представляющіе собою самую незначительную часть буржуазіи и числомъ, и умомъ, и мужествомъ; исчезнуть только тогда, когда пролетаріатъ, сдѣлавшись представителемъ и руководителемъ государственной власти, уничтожить капиталистовъ-фабрикантовъ, конфискуетъ государственный банкъ и другія кредитныя учрежденія и ликвидируетъ государственный долгъ.

Финансовый міръ съ его международными пиратами, грабящими всѣ страны, съ паразитами, живущими на счетъ задолженныхъ классовъ; съ развратителями, отравляющими ризницы, гостинныя, суды, редакціи, правящія сферы; съ безстыдными ворами, которые безнаказанно и со спокойной совѣстью наслаждаются своимъ гигантскимъ грабительствомъ; съ только что вышедшими изъ грязи барами, превосходящими безумной роскошью феодальныхъ королей и герцоговъ, авантюристами, расточающими въ нелѣпыхъ, плохо задуманныхъ и плохо управляемыхъ предпріятіяхъ общественное достояніе;... финансовый міръ съ его похоронными красотами, это ужасный цвѣтокъ капиталистической цивилизаціи.

VII.

Капиталистическій коллективизмъ.

Фабричное производство, земледѣліе, торговля и капиталистическіе финансы могли образоваться и развиваться, только уничтоживъ основной характеръ частной собственности, т. е. превративъ ее изъ личной собственности въ безличную, и установивъ капиталистическій коллективизмъ, который въ

противоположность первобытному коллективизму не происходит изъ коммунизма, а подготавливаетъ его.

Изъ раньше сказаннаго видно, что частная собственность въ эпоху первобытнаго коммунизма можетъ появиться только, какъ исключительно личная: чтобъ обладать предметомъ, надо его сдѣлать и постепеннымъ употребленіемъ какъ бы присоединить къ себѣ, тогда въ полномъ смыслѣ слова *собственность*—это *продуктъ труда*.

Первыми предметами, ставшими частной собственностью, были: оружіе, украшенія, посуда; разъ владѣлецъ самъ строилъ домъ, то этотъ домъ ему и принадлежалъ, а также и окружающая его земля и та, на которой онъ стоялъ. Война увеличила число этихъ предметовъ; они хотя и не созданы обладателемъ, но приобрѣтены съ опасностью жизни; это—*resulium castrense* членовъ римской семьи. Частная собственность носила настолько личный характеръ, что ее сжигали вмѣстѣ съ владѣльцемъ.

Этотъ личный характеръ частной собственности, давшій ей возможность проникнуть въ коммунистическія племена и поддерживающій ее во все время ея развитія, до того проникъ въ человѣческіе мозги, что, благодаря недоразумѣнію, и теперь еще частная собственность считается продуктомъ труда ея владѣльца, а защитники капитала считаютъ ее, изъ излишней довѣрчивости, можетъ быть, личною по своему характеру ¹⁾.

---

¹⁾ Папа, думающій, что въ нашъ положительный вѣкъ не стоитъ поучать народъ о таинствахъ католической церкви, что это будетъ только потерей времени, взялся, какъ самый простой экономистъ, защищать капиталъ. „Частная собственность соответствуетъ природѣ человека“, поучаетъ онъ... „Что происходитъ, когда человекъ употребляетъ силы своего духа и тѣла на добываніе благъ природы? Онъ, такъ сказать, присоединяетъ къ себѣ ту часть природы, которую онъ воздѣлываетъ, онъ оставляетъ въ ней свой отпечатокъ, такъ что является вполне справедливымъ, чтобы она принадлежала ему...

И однако капиталистическая собственность совершенно потеряла личный характер: владѣлец не только не производит ее самъ, но и не пользуется ею; онъ вполне чуждъ ей. Капиталъ безличенъ.

Финансы уничтожили послѣднюю завѣсу, скрывавшую эту безличность.

Акціонеръ или владѣлец облигацій капиталистическаго предпріятія ничѣмъ не привязанъ къ своей собственности; онъ никогда не соприкасается съ нею; ему не нужно ни видѣть, ни знать, въ какомъ мѣстѣ земного шара она находится, не надо ее себѣ даже представлять; онъ видитъ, трогаетъ, знаетъ и представляетъ себѣ только куски отпечатанной разноцвѣтной бумаги. Возстановленіе коллективной части собственности могло совершиться только на почвѣ разрушенія личнаго характера частной собственности. При родовомъ коллективизмѣ односельчане, объединенные кровными узами, совмѣстно владѣютъ всей землей, въ личномъ же, временномъ пользованіи у нихъ находятся ежегодно опредѣляемые пашни и полученные съ нихъ жатвы; лѣса, луга и воды недѣлимы, и пользуются ими сообща. При капиталистическомъ коллективизмѣ, владѣльцы акцій и облигацій, не соединенные узами родства и даже національности, не знакомые даже другъ съ другомъ,

---

Эти доказательства настолько вѣски, что удивительно, какъ еще существуютъ люди, держащіеся противоположныхъ взглядовъ; они конечно, признаютъ за частнымъ человѣкомъ право пользоваться землей и ея плодами, но отказываютъ ему въ правѣ быть собственникомъ земли, на которой онъ построилъ свое жилище и которую обрабатываетъ. Развѣ они не видятъ, что отнимаютъ этимъ у человѣка плоды его собственныхъ трудовъ“ (Энциклика, *De conditione orificum*). Левъ XIII не видитъ, что, критикуя плохо извѣстныя ему коммунистическія теоріи, онъ осуждаетъ капиталъ, который онъ хочетъ защищать.

сообща владѣютъ предпріятіемъ (железной дорогой, прядильней, доменной печью, рудниками и т. д.). Оно недѣлимо въ силу обстоятельствъ, хотя владѣльцы его разсѣяны по всеѣмъ странамъ свѣта; они не могутъ управлять своею собственностью, а безъ труда каждый въ отдѣльности получаетъ съ нея доходы ¹⁾).

Собственникъ при родовомъ коллективизмѣ былъ дѣйствительнымъ владѣльцемъ, онъ работалъ надъ собственностью и получаемый имъ доходъ соотвѣтствовалъ расходу „силъ ума и тѣла“. При капиталистическомъ производствѣ владѣніе чисто номинально; собственникъ становится настоящимъ паразитомъ, потому что цѣнность собственности не зависитъ отъ влагаемаго имъ въ нее труда; онъ самъ усиливаетъ и обнаруживаетъ свой паразитизмъ, перепродавая акціи и облигаціи на биржѣ, гдѣ онѣ въ одинъ день иногда по нѣскольку разъ переходятъ изъ рукъ въ руки ²⁾). Ротшильды и под-Ротшильды

---

¹⁾ Слово „коллективизмъ“, употребленное Коллинсомъ въ спеціальному смыслѣ, было пущено въ обращеніе Дерсаромъ и христіанскимъ социалистомъ Шеффле; во Франціи его ввелъ анархистъ Бакунинъ, но смыслъ этого слова былъ еще неясенъ. Это дало возможность нашимъ противникамъ упрекать французскихъ социалистовъ въ желаніи возвратиться къ русскому міру, то есть къ пережитой уже формѣ собственности. Но со времени второй Egalité (1880), когда теоріи Маркса и Энгельса получили распространеніе, слово „коллективизмъ“ стало означать коммунизмъ и его ужъ не нашли нужнымъ выводить изъ употребленія.

²⁾ Когда начиналось капиталистическое производство и владѣлецъ исполнялъ роль организатора и управляющаго, то Адамъ Смитъ могъ еще съ нѣкоторымъ основаніемъ признавать за капиталомъ право на результаты труда въ видѣ процента земельной ренты и промышленнаго дохода, увѣряя, что капиталистъ оказываетъ услуги добродѣтельному воздержанія и организаторскими способностями; но увѣренія Леруа Волье, Рошера и другихъ прямо смѣшны теперь, когда собственность настолько легко переходитъ изъ рукъ въ руки на биржѣ, при чемъ ея происхожденіе не играетъ роли; эта постоянная смѣна хозяевъ не вызываетъ въ ней никакихъ измѣненій экономическаго характера.

берутся доказать на практикѣ свою полную ненужность, извлекая биржевою игрою и другими прстиджитаторскими ажіотажными приемами свои акціи и облигаціи изъ употребленія и собирая въ несгораемые шкафы финансистовъ доходы съ капиталистическихъ предпріятій.

Когда баронъ жилъ въ своемъ замкѣ, среди вассаловъ, творя судъ въ мирное время, а при малѣйшей тревогѣ надѣвая доспѣхи и становясь во главѣ воиновъ, для защиты своего народа, дворянство было весьма полезнымъ классомъ, котораго нельзя было уничтожить; но, какъ только водворилось относительное спокойствіе, въ деревняхъ сеньоры сдѣлавшись лишними, покинули свои земли и стали жить при королевскихъ, епископскихъ и герцогскихъ дворахъ; тамъ они образовали чуждое странѣ паразитное тѣло: съ этой минуты былъ произнесенъ смертный приговоръ аристократіи. Хотя и не во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ Европы, дворянство было такъ грубо истреблено, какъ во Франціи, но вездѣ оно потеряло свои феодальныя привилегіи и смѣшалось съ буржуазіей, изъ которой оно выдѣляется только своими смѣшными аристократическими претензіями.

Дворянство какъ господствующій классъ, исчезло. Та же участь постигнетъ капиталистовъ. Въ тотъ день, когда капиталистъ сталъ ненуженъ производству, былъ подписанъ смертный приговоръ всему классу капиталистовъ: тѣ же экономическія явленія, которыя приготовили этотъ приговоръ, позаботятся о его исполненіи. Капиталистамъ, которые переживутъ паденіе своего класса, не останется въ утѣшеніе даже такихъ смѣшныхъ привилегій, какъ у сеньоровъ.

VIII.

Возвратъ къ коммунизму.

Человѣчество прогрессируетъ не по прямой линіи, какъ это думалъ Сень-Симонъ; подобно небеснымъ тѣламъ вокругъ центра притяженія, подобно листьямъ вокругъ стебля, движеніе его описываетъ постепенно увеличивающуюся спираль. Въ силу необходимости оно возвращается къ соответственнымъ точкамъ и тогда снова показываются тѣ старыя формы, которыя, казалось, совсѣмъ исчезли; но формы эти являются ужъ сильно измѣненными послѣдовательнымъ воздѣйствіемъ на нихъ социальныхъ и экономическихъ явленій, имѣвшихъ мѣсто въ соответствующій промежутокъ времени.

Возродившая коллективизмъ капиталистическая цивилизація неизбежно приведетъ человѣчество къ коммунизму.

Человѣческое общество, развившееся изъ простого и грубого коллективизма до историческихъ временъ, возвращается къ сложному, научному коммунизму; капиталистическая цивилизація вырабатываетъ, уничтоживъ личный характеръ частной собственности, ея составныя части.

Находившіяся прежде въ частныхъ рукахъ ремесленниковъ орудія производства централизованы, обобществлены въ гигантскихъ фабрикахъ и колоссальныхъ фермахъ. Трудъ потерялъ личный характеръ. Ремесленникъ работалъ самостоятельно у себя, пролетарій работаетъ сообща въ мастерской; получающееся произведеніе является продуктомъ общаго, а не частнаго труда.

Ремесленникъ самостоятельно владѣлъ орудіями и продуктами своего труда, такъ какъ онъ работалъ самостоятельно;

пролетарій не можетъ самостоятельно владѣть ни орудіями, ни продуктомъ производства, такъ какъ онъ не въ состояніи одинъ привести машинъ въ движеніе и создать товаръ; онъ долженъ работать совмѣстно, какъ бы въ „общинѣ“ рабочихъ.

Владѣть машинами должно только сообща, потому что и орудія производства, и продукты не могутъ быть созданы и употреблены въ дѣло однимъ частнымъ лицомъ, а это—единственныя условія, узаконивающія частную собственности. Общество капиталистовъ владѣть ими на правахъ частной собственности только временно. Эта ничѣмъ не оправданная узурпація неизбежно должна прекратиться. Сама капиталистическая цивилизація заботится о ея паденіи, постепенно централизуя общественное имущество, благодаря чему все уменьшается количество узурпаторовъ, и создавая, собирая, подготавливая и организуя тотъ классъ, который долженъ лишить узурпаторовъ присвоенныхъ ими богатствъ.

По мѣрѣ того, какъ концентрируются орудія производства—растетъ рабочій классъ. Работающій на большой фабрикѣ пролетарій, лишенный орудій производства и техники въ своемъ дѣлѣ, владѣть только предметами личного присвоенія въ видѣ пищи, одежды, мебели; его умъ, освобожденный отъ инстинкта собственности, порожденнаго вѣками ремесленничества, безъ его вѣдома подготавливается къ воспріятію коммунистическихъ теорій, которыя ему приносятъ пропагандисты-соціалисты, не выдумывая ихъ, а только выдѣляя изъ явленій окружающаго міра.

То, что пролетаріи скопляются десятками и сотнями тысячъ въ одномъ мѣстѣ, облегчаетъ пропаганду экономической и политической борьбы.

Классъ интеллигентнаго и рабочаго пролетаріата, властвующій надъ социальными силами, положитъ предѣлъ капиталистической узурпаціи и заставитъ признать коммунизмъ, обле-

ченный въ форму централизаціи орудій производства, и онъ былъ созданъ, объединенъ и организованъ самими капиталистами. Обществу легко ужъ будетъ признать коммунизмъ—объ этомъ позаботилась капиталистическая цивилизація.

Соціалисты до 1848 года желали сами измѣнить организацію труда; въ жизни она была медленно измѣнена фабричнымъ производствомъ, крупной торговлей и финансами, сообразно потребностямъ производства и обмѣна, при посредствѣ банковъ, универсальныхъ магазиновъ, капиталистическихъ предпріятій, фабрикъ и разныхъ дополняющихъ другъ друга производствъ, гдѣ подъ управленіемъ одного капитала продуктъ проходитъ всѣ стадіи производства. Теперь, когда всѣ умственные и мускульныя функціи производства исполняются не собственниками, а наемниками, національная администрація можетъ безъ труда и безъ ущерба для работы замѣнить собою капиталистическую дирекцію. Весь переворотъ ограничится тѣмъ, что доходы стануть поглощаться не бездѣльниками, а пойдутъ на увеличеніе благосостоянія производителей ¹⁾. Не только организація труда установлена, но и контроль надъ производствомъ ужъ намѣчается. Дѣйствительно, хотя капиталистическое производство и анархично, то есть каждый промышленникъ производитъ, не зная даже потреб-

---

¹⁾ Противники социализма, достойные другъ друга по невѣжеству и недобросовѣстности, утверждаютъ, что коммунисты предлагаютъ отобрать у крестьянина-собственника землю, а у мелкаго люда свободу и сбереженія. Они сами не замѣчаютъ, что обвиненія эти всѣ падаютъ на капиталистовъ, которые монополизируютъ землю, выматываютъ сбереженія и заточаютъ пролетарія въ промышленную каторгу, гдѣ у него отнимаютъ то время, которое необходимо для обѣда, сна и удовлетворенія самыхъ необходимыхъ нуждъ, гдѣ запрещаютъ пѣть и говорить и превращаютъ человѣка въ автомата, поднимающаго руки и ноги, только повинуюсь машинѣ.

ностей рынка, однако статистика, наука конца прошлого столѣтія, служить къ выясненію потребностей рынка и настоящаго числа товаровъ. Статистика, которою теперь пользуются только спекулянты, чтобы эксплуатировать производителей и потребителей, должна дать возможность контроля надъ производствомъ и его регламентаціи соотвѣтственно потребностямъ общества, чтобы оно запасалось всѣмъ необходимымъ подобно хозяйкѣ, которая должна накормить пзвѣстное число людей ¹⁾).

Коммунизмъ можетъ появиться въ эволюціи человѣчества только въ тотъ моментъ, когда возможно удовлетворить всѣ нормальныя физическія и умственныя потребности человѣка, такъ какъ дѣленіе равныхъ вначалѣ людей на эксплуатирующихъ и эксплуатируемыхъ получилось благодаря невозможности для первобытной промышленности и земледѣлія, растущихъ вмѣстѣ съ увеличеніемъ числа людей, удовлетворить расту-

---

¹⁾ Спекулянты-космополиты, торговцы хлѣбомъ, хотя и не думаютъ о регламентаціи производства хлѣба, но очень хорошо освѣдомлены о годовомъ урожаѣ злаковъ во всемъ мірѣ и точно знаютъ, насколько онъ больше или меньше средняго спроса.

Фабриканты бумаги въ настоящее время дѣлаютъ попытку регламентировать спросъ и предложеніе. Фабриканты бумаги Франціи, Германіи, Англіи, Норвегіи, Австріи, Бельгіи и Нидерландовъ собрались въ октябрѣ 1894 года въ антверпенской думѣ; они высказали мысль, что для уничтоженія перепроизводства, которое уменьшаетъ ихъ доходы, нужно сократить производство до количества спроса и даже, если понадобится, ниже его. Коммиссія изъ трехъ делегатовъ отъ каждой націи засѣдаетъ въ Брюсселѣ; ей поручено найти способы осуществленія этого проекта. Но такъ какъ на каждомъ буржуазномъ конгрессѣ истинная цѣль его непременно прикрыта какою нибудь другою ложною, то эта проба международной регламентаціи производства въ отрасли, централизованной въ рукахъ нѣсколькихъ капиталистовъ, названа средствомъ улучшенія быта рабочихъ, *которымъ дали свободный день въ недѣлю—воскресенье.*

ція ихъ потребности. Но механика и химія, примѣненные къ промышленности, такъ усилили производительность человѣческаго труда, что въ настоящее время ужъ нѣтъ нормальныхъ потребностей, которыхъ бы нельзя было удовлетворить даже съ излишкомъ ¹⁾).

---

¹⁾ Во второй половинѣ этого столѣтія былъ безпримѣрный спросъ на желѣзо и сталь для постройки желѣзныхъ дорогъ, пароходовъ и для производства земледѣльческихъ и промышленныхъ машинъ. И что же: производство удовлетворило съ избыткомъ весь спросъ, такъ какъ началось періодическое перепроизводство, кризисы, то есть желѣза стало столько, что его некуда было дѣвать. И однако за эти пятьдесятъ лѣтъ земля покрылась машинами, желѣзными постройками, рельсами, ее заковали въ желѣзные оковы. Если бы изъ всѣхъ машинъ, рельсовъ и всего металла, добытаго въ рудникахъ и обработаннаго въ мастерскихъ, сдѣлать горы, то онѣ вышли бы выше Гималайскаго хребта... Вотъ одно изъ чудесъ капиталистическаго производства въ коммунистической формѣ.

А вотъ другой примѣръ: первое условіе человѣческаго существованія—это имѣть достаточное хлѣба: эта задача тоже удовлетворена съ избыткомъ.

Въ тѣхъ округахъ, гдѣ земля находится въ рукахъ крупныхъ компаній и гдѣ примѣняется научная и машинная обработка земли, урожай равняется 25 и 30 гектолитрамъ на гектаръ, между тѣмъ какъ средней урожай равняется 15 гектолитрамъ, а нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ равнялся 13, 12 и даже 10 гектолитрамъ; если бы коммунистическая форма земледѣлія, практикуемая теперь только въ нѣкоторыхъ сѣверо-восточныхъ департаментахъ Франціи, распространилась повсюду, то во Франціи урожай, вмѣсто 100 милліоновъ гектолитровъ, повысился бы до 200 и 300 милліоновъ. Недавно одинъ американецъ издалъ изслѣдованіе о производительности новыхъ хлѣбныхъ полей, открытыхъ къ западу отъ бухты Гудсона. Онъ утверждаетъ, что если бы эти чрезвычайно плодородныя земли принялись бы обрабатывать милліоны людей, снабженныхъ машинами и организованныхъ такъ, какъ это дѣлается теперь на Дальнемъ Западѣ, то можно было бы безъ удобренія цѣлый рядъ лѣтъ производить достаточное для всей земли количество хлѣба и оставить непаханною всю осталь-

Коммунизмъ, предполагающій уничтоженіе классового развитія и равенство всѣхъ членовъ общества, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, не могъ возродиться, пока существовало раздѣленіе труда, раздѣляющее полы, не дававшее женщинамъ мѣста въ служеніи обществу и занимавшее ее исключительно хозяйственными заботами подъ супружескимъ ярмомъ. Оно же дѣлило людей на классы, изъ которыхъ одни занимались защитой, другіе управленіемъ, третьи навѣкъ были обречены быть рабами, колонами, крѣпостными и пролетаріями, подраздѣленными на тысячи специальностей въ производствѣ.

Машина уничтожаетъ раздѣленіе труда и уравниваетъ мужчину и женщину при работѣ.

Она завладѣваетъ всѣми отраслями производственной дѣятельности и превращаетъ ихъ въ механическія фабрики: наступитъ день, когда будетъ одно лишь универсальное занятіе—быть механикомъ. Мужчины и женщины, съ дѣтства привыкшіе къ обращенію съ машинными, будутъ въ состояніи переходить съ такимъ же успѣхомъ отъ производства полотна къ шитью или къ плугу, однимъ словомъ заниматься всѣми видами труда. Такая жизнь будетъ весьма полезна для ихъ ума и здоровья и будетъ полной противоположностью жизни средневѣковыхъ ремесленниковъ, которые прозябали при одномъ ремеслѣ.

Машина, которая отрываетъ женщину отъ домашняго очага и отъ колыбели ребенка, которая толкаетъ ее въ кабалу къ капиталу и мучаетъ ее, заставляя ее принимать участіе въ

ную землю, чтобъ возстановить ея нормальную плодородность. Я взялъ какъ примѣръ, желѣзо и хлѣбъ, два самыхъ нужныхъ продукта; я бы могъ взять одинъ за другимъ всѣ другіе продукты и доказать, что производство настолько велико, что оно вездѣ превосходитъ спросъ; поэтому производители озабочены не тѣмъ, какъ производить, а какъ найти потребителей: за ними они гонятся въ Америку, въ Африку и на край свѣта.

промышленномъ производствѣ, возвратитъ ее къ той общественной дѣятельности, которую она исполняла въ эпоху первобытнаго коммунизма: она дастъ ей возможность снова получить то значеніе инициаторши во всѣхъ важныхъ дѣлахъ, воспоминаніе о которомъ у насъ сохранилось въ мѣтахъ и религіозныхъ легендахъ древняго міра ¹⁾). Машина, заставившая производителя стать автоматомъ, гнущая его подъ принижующимъ бременемъ чрезмѣрной работы, экономической бѣдности и фізіологической нищеты, призвана вернуть ему свободное время, которымъ располагали первобытные люди, замѣнить его участь убойнаго скота при капиталистической цивилизаціи жизнью свободнаго человѣка, которую ведутъ дикари и варвары коммунистическихъ племенъ. И женщины, и мужчины при капиталистическомъ строѣ лишены правъ, нравственно и фізически измучены, пригвождены къ труду, который по мѣрѣ того, какъ ухудшаются его условія, становится все однообразнѣе, стиснуты въ одно ремесло, одну профессію, какъ нога китайки въ фарфоровый башмакъ, страдаютъ отъ классовыхъ предразсудковъ, отъ заповѣдей владѣльческой и половой морали; они получаютъ возможность гармонически развивать свои мускулы и мозгъ, уравнивать свои страсти и станутъ свободными и совершенными существами, какими

---

¹⁾ Дѣйствительно, въ Индіи, Египтѣ, въ Малой Азіи и Греціи изобрѣтенія и искусства приписываются богинямъ, а не богамъ,

Судя по этимъ мѣтамъ, можно думать, что женскій умъ сложился раньше; впрочемъ, теперь наблюдается тоже самое: дѣвочки развитѣе и интеллигентнѣе мальчиковъ; если потомъ онѣ теряютъ эти внѣшнія качества, то вина въ этомъ лежитъ на глухой системѣ нравственнаго, фізическаго и умственнаго воспитанія, которому ихъ подвергаютъ ужъ нѣсколько тысячелѣтій. „Женщина низшее существо“, говорятъ педанты изъ капиталистовъ. Но вѣдь ее съ дѣтства одѣваютъ въ смиренную куртку! Свяжите зайцу ноги, и онъ побѣжитъ не скорѣе черепахи.

были дикари, только въ коммунистическомъ обществѣ, которое родится изъ капиталистическаго строя. Но они будутъ гораздо болѣе сложными существами. На мѣстѣ уничижающаго равенства чрезмѣрной работы и цивилизованной нищеты, воцарится неравенство природныхъ качествъ, которыя получаютъ всѣ средства къ развитію: объ этомъ неравенствѣ нисколько не заботится капиталистическая цивилизація, а между тѣмъ она является непремѣннымъ условіемъ совершенствованія породы, прогрессирующей только благодаря дифференціаціи индивидуума и интеграціи вида.

Капиталистическая цивилизація, давшая экономическую форму коммунизму, ввела также въ область политики и нравы общественности коммунистическія учрежденія и нравы.

Дикари, какъ мужчины, такъ и женщины, пользуются при выборѣ *sachems* и военныхъ вождей всеобщимъ голосованіемъ. Оно было уничтожено, но и затѣмъ снова возстановлено, правда для одного только пола, буржуазіей, которая его провозглашаетъ единственнымъ источникомъ народной власти. Оно предполагаетъ, фиктивно по крайней мѣрѣ, равенство и свободу гражданъ, существовавшую дѣйствительно при первобытномъ коммунизмѣ.

Въ коммунистическихъ племенахъ жилища были общія, обѣды тоже, дѣти также воспитывались сообща. Дѣти въ общинныхъ школахъ учатся также вмѣстѣ на средства общины, въ социалистическихъ муниципалитетахъ ихъ кормятъ вмѣстѣ. Рестораны обкрадываютъ и отравляютъ цивилизованныхъ людей сообща и живутъ они вмѣстѣ въ шести, семи-этажныхъ домахъ.

Если до сихъ поръ всеобщее голосованіе является только обманомъ, если дома только разсадники микробовъ и очаги лихорадки, если коммунистическія учрежденія построены шиворотъ на выворотъ, т. е. направлены противъ тѣхъ, кто ими

пользуется, то это только потому, что всё эти учреждения сдѣланы въ буржуазномъ обществѣ на пользу капиталистовъ; но несмотря на всё ихъ несовершенства и неудобства, онѣ все таки уничтожаютъ и сглаживаютъ индивидуалистическія чувства цивилизованныхъ народовъ и приучаютъ ихъ къ коммунистическимъ нравамъ.

Капиталъ не имѣетъ отечества; онъ бросается всюду, куда зоветъ его прибыль; онъ эксплуатируетъ производителей безъ различія расъ и національностей; въ промышленныхъ, торговыхъ и финансовыхъ предпріятіяхъ онъ ихъ переплетаетъ смѣшиваетъ и соединяетъ. Вездѣ, гдѣ онъ виѣдряется, онъ учреждаетъ одну и ту же цивилизацію, нравы и тѣ же привычки, онъ заражаетъ своихъ обладателей одинаковыми эгоистическими интересами, одинаковой жадной наживы, надѣляетъ рабочихъ одинаковой бѣдностью и чрезмѣрной работой; онъ влагаетъ въ ихъ сердца одинаковую жажду возмущенія, которая черезъ горы и моря объединяетъ ихъ въ одинъ интернаціональный классъ—пролетаріатъ: этотъ классъ вездѣ организуется и старается занять мѣсто подъ солнцемъ и получить, завоевать власть.

Коммунизмъ, который непремѣнно, неизбежно долженъ родиться изъ этого революціоннаго напора цивилизованныхъ народовъ, можетъ быть только международнымъ, и онъ обниметъ всѣхъ членовъ человѣческой семьи; будучи похожимъ на первобытный коммунизмъ, онъ будетъ отъ него также и отличаться; въ тѣсный кругъ прежняго коллективизма входили вѣдь только члены одного gens'a, одного племени; всѣ остальные люди, не связанные съ ними кровными узами, были чужіе, враги.

Международный коммунизмъ, какъ дитя въ утробѣ матери, растетъ и движется въ современномъ обществѣ; политическія и экономическія явленія, наступленія которыхъ невоз-

можно предвидѣть, уничтожить стѣняющую и окутывающую его капиталистическую оболочку, и тогда онъ явится на свѣтъ, какъ неизбѣжная соціальная форма.

Коммунизмъ былъ колыбелью человѣчества, при выходѣ его изъ животнаго состоянія; въ немъ и только въ немъ оно могло вырасти и сдѣлать первые и наиболѣе трудные шаги. Эта эпоха осталась „золотымъ вѣкомъ“ „земнымъ раемъ“ въ воспоминаніи народовъ; это воспоминаніе иногда затемнялось, но никогда не исчезало изъ ихъ представлений; въ трудныя минуты исторіи оно снова возрождается; а мыслители въ великодушныхъ утопіяхъ мечтаютъ о немъ, дѣятели жертвуютъ собой, чтобы ускорить его возвратъ; но ни чары утопій, ни героизмъ жертвъ, не могли вернуть коммунизма; тамъ, гдѣ сила людскаго ума спасовала, все удалось сдѣлать грубой силѣ экономическихъ явленій.

Казалось, человѣкъ только затѣмъ покорилъ и приручилъ силы природы, которыхъ игрушкой онъ былъ, чтобы попасть въ тяжелое рабство къ силамъ искусственнымъ или экономическимъ, порожденнымъ имъ же самимъ; и силы природы, превращенныя въ экономическія силы, мстя за свое возрастающее *придавленное* рабство, налагали на людей экономическое ярмо.

Свободныя, какъ бы спущенныя съ цѣпи, экономическія силы играютъ человѣкомъ, какъ буря соломинкой, и, будучи страшнѣе вѣтровъ, они вносятъ бурю въ человѣческія общества; въ теченіе всего *владѣльческаго* періода, они мучили человѣчество, которое не могло ихъ подчинить себѣ. И однако эти самыя непреклонныя, разнузданныя, слѣпцыя экономическія силы способствуютъ, безъ вѣдома людей, даже противъ ихъ желанія, возврату коммунизма. Коммунизмъ возродился не только въ умахъ мыслителей и фантазіи народовъ, жаждущихъ мира и счастья, онъ появился и въ экономической дѣй-

ствительности; онъ окружаетъ насъ въ промышленности и въ земледѣліи, опутываетъ насъ въ нравахъ и учрежденіяхъ; онъ бессознательно проникаетъ въ мозгъ людей и поднимаетъ массы пролетаріата. Коммунизмъ существуетъ въ скрытомъ видѣ въ глубинѣ экономической жизни и ждетъ только рокового часа революціи, чтобы проявиться наружу.

Близокъ часъ, такъ жадно и напрасно ожидаемый въ теченіе долгихъ вѣковъ; еще немного, и человѣчество вернется къ коммунизму; оно найдетъ свое потерянное счастье и омоется отъ низкихъ интересовъ и страстей, эгоистическихъ и антисоціальныхъ добродѣтелей *владѣльческаго* періода. Оно побѣдитъ тогда еще безконтрольныя экономическія силы и доведетъ до совершенства чудныя и благородныя свойства человѣка.

Счастливы, трижды счастливы мужчины и женщины, которымъ суждено увидѣть этотъ возвратъ!

О г л а в л е н і е.

ГЛАВА I. Формы современной собственности.

	стр.
I. Классификація формъ собственности.. . . .	1
II. Собственность личного присвоенія.. . . .	5
III. Собственность—орудіе производства	8
IV. Собственность—капиталь.	9
V. Методъ.	11

ГЛАВА II. Первобытный коммунизмъ.

I. Происхожденіе личной собственности.. . . .	13
II. Коммунизмъ gens'a	16
III. Общественное жилище и столъ.	19
IV. Коммунистическіе нравы.	26
V. Общая земельная собственность.. . . .	34
VI. Происхожденіе раздѣленія труда.	37
VII. Обработка земли сообща.	39
VIII. Общая собственность на движимыя имущества.	42

ГЛАВА III. Единокровный коллективизмъ.

I. Раздробленіе рода на матриархальныя и патриархальныя семьи.	46
II. Собственность единокровнаго коллективизма.	51
III. Происхожденіе частной земельной собственности.	57
IV. Происхожденіе правосудія и воровства.	59
V. Основныя черты коллективной собственности.	64
VI. Крестьянскія общины.	72
VII. Дробленіе коллективной собственности.	80

ГЛАВА IV. Феодальная собственность.

I. Феодальная организація.	86
II. Происхожденіе феодальной собственности.. . . .	90
III. Происхожденіе духовной собственности.. . . .	108
IV. Сущность феодальныхъ повинностей.	113
V. Способы расширенія феодальной собственности.	122
VI. Повинности феодальной собственности.	126
VII. Легенда о революціи 1789 года.	128

ГЛАВА V. Буржуазная собственность.

I. Происхожденіе торговли.	138
II. Мелкая промышлен. и мелкая частная торговля.	141
III. Мануфактура.	148
IV. Капиталистическое земледѣліе.	155
V. Капиталистическая промышленность и торговля.	167
VI. Капиталистическіе финансы.	176
VII. Капиталистическій коллективизмъ.	190
VIII. Возвратъ коммунизма.	195

Цѣна 50 коп.

Складъ изданія—книжный магазинъ «ОБЩЕСТВЕН-
НАЯ ПОЛЬЗА» (СПБ., Б. Подъяческая, 39, соб. д.).

Типографія т-ва „Общественная Польза“, Б. Подъяч., 39.